

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА КЕННАНА
В РОССИИ**

ВЫПУСК

15

Москва 2009

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института Кеннана

Главный редактор:

Леокадия Дробижева

Редакционная коллегия:

Юрий Батурин

Эмиль Паин

Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: Скульптура нищего. Челябинск. Автор фото Михаил Копать.

Адрес редакции:

Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,

ОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:

123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 232-34-96

Электронный адрес:

katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов

ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

С о д е р ж а н и е

<i>К читателю</i>	5
Мировой кризис	
<i>Виктор Сунян</i> Кризис в США: экономический контекст	8
<i>Алексей Алексеев</i> Деньги уходят и не обещают вернуться	18
<i>Александр Булатов</i> Сходство и различия экономического кризиса в США и России	28
<i>Владимир Папава</i> Проблема зомбирования посткоммунистической некроэкономики	37
Федерализм, межэтнические отношения и права человека <i>10 лет без Галины Старовойтовой</i>	
<i>Федор Шелов-Коведяев</i> Уроки Старовойтовой	49
<i>Андрей Макарычев</i> Фуко, Рансьер и российский федерализм	51
<i>Клара Халлик</i> Проблемы интеграции эстонского общества	64
<i>Александр Сунгуров</i> Институционализация прав человека в России: шаги вперед и назад	75
<i>Анатолий Красиков</i> Религия в современной России	81

Хроника

Календарь событий осени – зимы 2008/2009 года 91

Совет Товарищества 93

Екатерина Алексеева
Россия и США: как мы видим друг друга 94

Проекты и программы

Академическая программа Фулбрайт-Кеннан 99

Вести с Woodrow Wilson Plaza

Татьяна Рябова
Мой «Кеннан»: о пользе стажировок 100

Книги

Ольга Волкогонова
Либеральный консерватизм в России: к 100-летию сборника «Вехи» 104

Виктор Шнирельман
Есть ли выход из распутицы? 113

Валентина Федотова
Россия в глобальном мире 120

Вышли из печати 125

Summaries 127

Приглашаем авторов к сотрудничеству 130

К читателю

Тематика этого номера как всегда определяется стремлением журнала откликнуться на наиболее актуальные проблемы общественной жизни и познакомить с важнейшими событиями научной деятельности Института Кеннана в России.

Представляемый выпуск «Вестника», несмотря на разнообразие его материалов, оказался внутренне удивительно взаимосвязанным. Многие из статей и обзоров органично дополняют друг друга.

Бесспорно, наиболее животрепещущей темой, которая интересует всех специалистов в области общественных наук, является мировой финансово-экономический кризис – его природа и последствия. О кризисе уже многое сказано, как в нашей стране, так и за рубежом, однако мы надеемся, что публикуемые в «Вестнике» статьи дадут читателю возможность ознакомиться с новыми подходами к анализу рассматриваемой проблемы.

Статьи этого раздела можно условно разделить на две группы. Авторы первой, *В. Сутян* и *А. Булатов*, на основе исторического осмысления фактов и разнообразных статистических данных раскрывают причины и характерные черты современного кризиса, а также описывают государственную политику США и России, направленную на его преодоление. В сущности, эта политика, как отмечает один из авторов, отражает различное поведение в условиях кризиса двух национальных социально-экономических моделей – американской модели либерального капитализма и российской модели государственного капитализма. Статьи позволяют сравнить эффектив-

ность представленных моделей кризисного менеджмента.

Несмотря на то, что в глобальном мире все взаимосвязано, кризис в России во многом отличается от того, что происходит в США и других государствах. Авторы второй группы статей обращают внимание на специфику протекания кризиса и его неодинаковые последствия для разных стран. Как показывает анализ, проведенный *А. Алексеевым*, те государства, которые не смогут обеспечить институциональные условия для эффективного приложения капитала в своих экономиках, будут по-прежнему пытаться минимизировать свои риски, финансируя и, тем самым, создавая не свои, а чужие – более развитые – экономики. Поэтому для России главной задачей на ближайшие десятилетия должно стать создание новой экономики, в меньшей мере, чем ныне, ориентированной на экспорт природных ресурсов и в этом смысле более независимой, более подготовленной к любым переменам в глобальном мире.

В. Папава выявляет причины, по которым кризис может иметь более серьезное негативное воздействие на посткоммунистические страны, чем на страны с западной моделью рыночного хозяйствования. Вызвано это тем, что к общим для всех государств проблемам, порождаемым кризисом, добавляются и особые – связанные с характером посткоммунистической экономики, значительная часть которой, полученная в наследство от командной экономики, является отжившей, мертвой.

Обсуждению специфических проблем постсоветских обществ посвящен второй раздел журнала, приуроченный к 10-й

годовщине убийства Галины Старовойтовой. В память об этой выдающейся личности Институт Кеннана ежегодно проводит в Москве или Санкт-Петербурге научные чтения. В ноябре 2008 года им были организованы мероприятия сразу в двух этих городах, с которыми связано имя Старовойтовой, – семинар «Права человека в России: осмысляя прошедшее десятилетие» в Санкт-Петербурге и Пятые Старовойтовские чтения «Межэтнические и федеративные отношения в постсоветском мире: десять лет без Галины Старовойтовой» в Москве. «Вестник» публикует статьи по темам этих заседаний.

Материалы о состоянии российского федерализма (*А. Макарычев*), шагах вперед и назад в институционализации прав человека (*А. Сунгуров*), религиозных правах и свободах в нашей стране (*А. Красиков*) и «уроках» Г. Старовойтовой (*Ф. Шелов-Коведяев*) дают возможность судить о потенциале российского общества, о том, сможем ли мы удержаться в основном потоке, движущемся по дороге модернизации и глобализации, или будем вынуждены продвигаться по обочине.

Поиск своего пути ведут все постсоветские страны. В этом отношении интерес вызывает статья *К. Халлик* о попытках эстонского общества преодолеть постсоветский синдром и интегрировать полиэтническое пространство страны. К сожалению, российская общественность имеет весьма неадекватное представление о межэтнических проблемах в государствах Балтии. Публикуемый материал позволяет не только получить достоверную информацию, как говорится «из первых рук», но и проследить в динамике изменение положения русских в Эстонии.

Со статьями первого и второго разделов корреспондируют обзоры книг *О. Волгогонова*, обращаясь к знаменитому сборнику «Вехи», столетие которого отмечается в этом году, приходит к выводу, что содержащиеся в нем идеи либерального консерватизма могут стать

основой для объединения разных сил на политической арене современной России.

В. Шнирельман рецензирует книгу Э. Паина «Распутица: полемические размышления о предопределенности российского пути», отмечая многие ее достоинства и в то же время вступая с автором в спор по ряду вопросов. Кстати говоря, книга в одной из своих сюжетных линий пересекается со статьей В. Папавы о специфической природе экономического кризиса в посткоммунистических государствах. Э. Паин, опираясь на материалы международных сравнительных исследований, выделяет, не без доли иронии, особую посткоммунистическую цивилизацию. Вовлеченные в нее волею исторических обстоятельств страны отличаются от большинства европейских государств большей отчужденностью населения от власти и исполнения законов в сочетании с высокой склонностью к патернализму, более высоким уровнем разрушения традиционных институтов социального контроля. Вместе с тем автор настаивает на том, что историческая инерция не предопределяет путь страны – у общества всегда есть возможность его выбора.

Актуальным вопросам переосмысления модернизации и глобализации посвящена рецензия на книгу «Россия и глобализация: идентичность, безопасность и общество в эпоху перемен». Несмотря на то, что эта книга написана еще до кризиса, ее идеи и размышления по поводу них *В. Федотовой* перекликаются как со статьями о мировом кризисе, так и с «Распутицей». В рамках широких модернизационных и глобализационных теорий проблема кризиса приобретает еще более глубокий смысл, заставляя в очередной раз задуматься над особенностями пути России. Ведь модернизация и глобализация, втягивающие все страны в общемировые процессы, приобретают в каждой из них специфические черты, в которых соединяется глобальное и локальное. Культурные особеннос-

ти стран «преломляют» глобальные тенденции и даже создают процесс обратного влияния локальных трансформаций на глобальные.

Социокультурные особенности оказывают воздействие на то, как жители разных стран воспринимают друг друга, а это в свою очередь во многом определяет характер взаимоотношений этих стран. Кеннановское сообщество не может не волновать судьба российско-американских отношений, в последние годы, по признанию экспертов, находившихся на самом низком уровне со времен холодной войны. Отрадно, что с приходом новой американской администрации и в США, и в России задумались о перестройке этих отношений, тем более что наши страны оказались перед необходимостью ответить на новые общие вызовы. Учитывая всю сложность, многоаспектность и масштабность подобной задачи,

Институт Кеннана вместе с Горбачев-Фондом решили внести свой вклад в интеллектуальное осмысление этой проблемы, задумав цикл мероприятий, посвященных ее различным измерениям. «Вестник» публикует обзор первого «круглого стола» в этой серии – «Россия и США: как мы видим друг друга».

Темы журнала разнообразны, а взгляды авторов подчас различны, однако номер объединяет еще одна общая черта – это активная позиция ученых в их отношении к происходящему в стране и мире. Нот апатии и безразличия нет ни в одной из представленных статей. Мы уверены в том, что, ознакомившись с ними, каждый из читателей получит обильный материал для собственных размышлений и выводов о выборе пути для себя лично и для своей страны.

Редколлегия

Виктор Борисович Сулян,
доктор экономических наук,
профессор,
заместитель директора
Института США и Канады РАН,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar

Кризис в США: экономический контекст

Финансово-экономический кризис 2008–2009 годов обострил и без того бурные дискуссии о перспективах американской модели капитализма, о способности США удерживать лидирующие позиции в мировой экономике. В американской и зарубежной печати ситуацию в стране без устали сравнивают с Великой депрессией, публикуются сценарии скорого полного экономического краха США, ликвидации доллара как национальной и мировой резервной валюты и даже расчленения США на несколько частей. К сожалению, в оценках происходящего нередко проявляется тенденция к примитивизации, попытка подменить серьезный социально-экономический анализ хлесткими лозунгами и утверждениями, порой противоречащими фактам. Итак, что же происходит в США, каковы причины и последствия кризиса?

Характерные черты финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов

Можно выделить, по крайней мере, четыре сферы проявления финансово-экономического кризиса. Первые его признаки возникли в области *ипотечного кредитования* и шире – на *рынке жилья*. Массовый невозврат долгов привел к гигантскому росту задолженности на ипотечном рынке. До середины 2009 года должны быть перефинансированы 1,7 млн закладных (домов), что затрагивает около 5 млн потенциальных домовладельцев. В случае неспособности перефинансировать долги (самостоятельно или с помощью госу-

дарства) этим семьям грозит потеря приобретенного по ипотеке жилья. Во второй половине 2008 года в США начались массовые процедуры продажи домов недобросовестных заемщиков и их выселение (только в 3-м квартале 2008 года зафиксировано около 800 тыс. таких случаев). В начале 2009 года около 20% американских жилых домов (7,6 млн) имели отрицательную стоимость, т.е. их текущая стоимость была ниже суммы взятых на покупку дома кредитов.

Все это привело к резкому падению спроса на жилье и обвальному снижению цен на жилые дома и квартиры. Уже в 2007 году продажи новых жилых домов в США упали на 40% по сравнению с их максимальным уровнем в 2005 году. В дальнейшем – в 2008 и 2009 годах – падение спроса и цен на жилье продолжилось. Только в ноябре и декабре 2008 года продажи жилых домов сократились на 19,1%¹.

В полной мере кризис проявился и в *сфере финансов*. Речь идет как о финансовом рынке в целом, так и об отдельных его институтах – коммерческих банках, инвестиционных и ипотечных компаниях, фондовой бирже. В результате невозврата долгов банки и другие финансовые компании понесли убытки на многие сотни миллиардов долларов (до настоящего времени отсутствуют точные оценки всех фактических убытков и упущенной выгоды финансовых институтов). Одновременно сохраняется неустойчивость фондового рынка, последовавшая за резким снижением капитализации многих компаний. Средневзвешенный индекс Доу-Джонса упал в 4-м квартале на 119 пунктов. Акции, например, банка «Ситигруп» обвалились на 39% до уровня в 1,5 долл. после того, как пра-

вительство объявило о намерении национализировать заметную часть пакета акций². Из-за кризиса ликвидности практически остановился процесс кредитования экономики и потребления, образовался так называемый «финансовый тромб», способный вызвать крайне отрицательные последствия для экономики и всей жизнедеятельности общества.

Финансово-экономический кризис уже весьма ощутимо затронул *реальный сектор экономики*, т.е. сферу материального производства, как, впрочем, и многие ориентированные на конечное и промежуточное потребление отрасли сферы услуг. Зафиксированные Бюро экономического анализа отрицательные темпы роста экономики в 3-м квартале 2008 года (-0,5%) и продолжившийся спад в 4-м квартале (-6,2%), оказавшийся гораздо более глубоким, чем прогнозировалось (-3,8%), позволили констатировать начало экономической рецессии³.

Некоторые американские эксперты, впрочем, считают, что фактически рецессия началась годом раньше, в конце 2007 года, и только несовершенство методов статистического анализа не позволило официально зафиксировать ее тогда. Согласно последним статистическим оценкам, экономический рост за весь 2008 год составит лишь 1,1% по сравнению с 2% в 2007 году.

В 4-м квартале 2008 года ухудшились все макроэкономические показатели. Помимо общеэкономического спада на 4,3% в годовом исчислении снизились потребительские расходы населения (в дополнение к 3,8% в 3-м квартале). Наиболее значительное снижение потребления произошло в сегменте товаров длительного пользования (на 22,4%).

¹ [<http://www.census.gov/cgi-bin/briefroom/Briefkm>]

² [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/02/28>]

³ Таковой считается ситуация, когда в экономике имеют место отрицательные темпы роста на протяжении как минимум двух кварталов подряд.

Спад в разной степени затронул сектора американской экономики. Так, падение объема продаж в обрабатывающей промышленности составило в ноябре-декабре 2008 года 8,3%, строительстве – 2,6%, торговле и общественном питании – 2%. Новые заказы на товары длительного пользования в ноябре-декабре упали на 6,3%, а строительство жилых многоквартирных домов сократилось на 30,6%⁴.

В рассматриваемый период произошел резкий спад в прямых производственных инвестициях – на 19,1% (в 3-м квартале – лишь на 1,7%). 2008 год стал третьим годом подряд снижения инвестиций в жилищное строительство. Число вводимых домов сократилось с максимального показателя 2,1 млн в год (по итогам 1-го квартала 2006 года) до 740 тыс. в год (по итогам 4-го квартала 2008 года)⁵. При этом цены на жилые дома с 2006 до конца 2008 года упали в среднем на 27,5%. Инвестиции в жилищное строительство сократились в 4-м квартале на 23,6%, продолжив тенденцию падения последних двух лет. Инвестиции в нежилищное строительство снизились на 1,8% по сравнению с ростом в 9,7% в 3-м квартале.

Экспорт товаров и услуг в 4-м квартале упал на 23,6% по сравнению с имевшим место небольшим ростом в 3% в 3-м квартале. Сократился и импорт – на 15,7% в 4-м квартале, продолжив тенденцию 3-го квартала (-3,5%).

Государственные расходы стали своего рода контрфактором в период начавшейся депрессии – они росли и в 4-м квартале (5,8%), и особенно в 3-м (13,8%). При этом военные расходы увеличивались в оба квартала – на 2,1% и 18% соответственно⁶.

Таким образом, непосредственными факторами снижения ВВП стали: падение производственных инвестиций,

продолжающийся спад инвестиций в жилищное строительство (как, впрочем, и в нежилищное), сокращение потребительских расходов и объемов внешней торговли.

Весьма заметно кризис затронул и *социальную сферу*. С начала рецессии (декабрь 2007 года) работу в США потеряли 3,6 млн человек. Уровень безработицы достиг в январе 2009 года 7,6% – резкий рост по сравнению с уровнем в 4–5%, наблюдавшемся последние 10 лет. Как это и бывает обычно в период циклических кризисов, именно проблема безработицы вышла на передний план и стала социальной угрозой номер один. Одновременно, что тоже характерно для циклического спада, произошло снижение индекса потребительских цен – на 4,1% в 4-м квартале, в то время как еще в 3-м – они в среднем выросли на 4,5%. Падение цен в месячном выражении составило почти 1%, что является максимальным снижением с 1949 года.

Нынешний кризис, начавшись несколько нетипично (в ипотечном секторе, чему есть свои объяснения), в дальнейшем приобрел характерные черты классического циклического кризиса (трудности в финансовом секторе, на бирже, спад производства, рост безработицы и снижение потребления). Вместе с тем ряд особенностей делает данный кризис не вполне обычным и требует более глубокого анализа, который, вероятно, станет возможен на стадии выхода из спада и при наличии всей совокупности фактических и статистических данных. В частности, подробного исследования заслуживает роль разнообразных финансовых инструментов и степень глобализации кризиса, а также серьезные ошибки в макроэкономической, финансовой и внешнеэкономической политике государственных органов власти.

⁴ [http://www.census.gov/cgi-bin/briefroom/Briefkm]

⁵ Economic Report of the President. Washington, 2009. P. 39.

⁶ BEA: News Release [http://www.bea.gov/newsreleases/national/ghp/ghpnewsrelease.htm].

Причины и факторы финансово-экономического кризиса

Циклические кризисы, как, впрочем, и кризисы иной природы, – нормальное для рыночной экономики явление. Приходится повторить эту тривиальную истину, поскольку нынешний кризис нередко рассматривается как нечто исключительное и даже апокалиптическое. С одной стороны, это связано с некоторой эйфорией самого длительного за послевоенный период бескризисного развития в США (более 10 лет), с представлением (имеющим определенные основания), что с кризисами научились достаточно успешно бороться. С другой стороны, несколько катастрофический взгляд на кризис во многом обусловлен политическими соображениями и надеждами как в США, так и за их пределами. В Америке существует давняя политическая традиция обострять те или иные кризисные ситуации, обвиняя во всех смертных грехах политических противников и одновременно мобилизуя сторонников. Критики США за пределами страны готовы видеть в очередном кризисе некие фатальные черты, рассматривая его как предвестника краха доллара, да и всей экономики, следствие ее «виртуального» и «паразитического» характера, подтверждение несостоятельности американской экономической модели в целом.

На самом деле экономический кризис, отражая накопленные противоречия между производством и потреблением, спросом и предложением, призван очистить экономику от избыточных мощностей, активов, отношений, инструментов и одновременно выстроить новую основу для оживления и подъема. Мы в данном случае говорим о стандартных, или т.н. нормальных, циклах, теория которых достаточно хорошо разработана. Более сложные структурные кризисы (например, энергетический, сырьевой, экологический),

движущие силы развития которых несколько отличаются от динамики нормальных циклов. Еще более сложное явление представляют собой «большие циклы», или «большие волны», названные по имени выдающихся экономистов Н. Кондратьева и Й. Шумпетера. В основе динамики таких циклов лежат изменения технологической парадигмы развития общества.

Действительно, за последние 15–20 лет механизм функционирования товарных рынков существенно изменился. Например, распространение информационных технологий революционизировало всю систему управления материальными запасами, позволяя избегать их перенакопления. Это чрезвычайно важная инновация в функционировании товарных рынков, поскольку именно перенакопление капитала в данной сфере было в послевоенный период одним из главных факторов циклических кризисов.

В результате стало возможным говорить об изменениях в механизме экономического цикла в США. В послевоенный период экономические спады стали гораздо менее болезненными для хозяйства.

Почему же модификация нормального промышленного цикла не смогла предотвратить глубокий финансово-экономический кризис 2008–2009 годов или, по крайней мере, сгладить его?

Нынешний кризис, несмотря на некоторые его особенности, в основном укладывается в формат нормального цикла (10–15 лет). Тем не менее его быстрое и глобальное развитие произошло по нетипичным для всех предшествующих циклов причинам.

Как представляется, наиболее важной из них стало перепроизводство финансовых инструментов (в отличие от традиционного ранее перепроизводства сначала товаров, а позднее, во второй половине XX века, – товарно-материальных запасов). Это, разумеется, не значит, что на динамику нынешнего цикла не влияли такие традиционные

факторы, как перенакопление капитала и несоответствие между спросом и предложением. Однако проявились они (по крайней мере, в сфере материального производства) в гораздо меньшей степени, чем раньше, прежде всего под влиянием экономической глобализации, переноса значительной части американской обрабатывающей промышленности за рубеж, в страны с более низкими издержками производства (главным образом на рабочую силу).

Что касается финансовых инструментов, то их перепроизводство произошло во многом за счет распространившихся механизмов секьюритизации. Рынок производных ценных бумаг, т.н. деривативов, развивался в США опережающими темпами, составив в 2008 году величину в 65 трлн долл. При этом доля США в стоимости деривативов, торгуемых на бирже, (почти 54%) существенно превысила долю США в мировом ВВП (чуть более 21% по паритету покупательной способности). Помимо этого, на кредитование жилищного строительства повлиял огромный приток дешевых финансовых ресурсов из развивающихся стран, что способствовало заметному снижению ставок ипотечного кредита.

Перепроизводство финансовых инструментов в полной мере проявилось при переориентации с начала текущего десятилетия сбережений населения с вложений в акции высокотехнологичных компаний на вложения в жилищное строительство. Это произошло после краха фондовой биржи информационных и интернет-компаний в 2001 году, когда совокупные потери владельцев акций превысили 7 трлн долл. Вложения в дома казались тогда гораздо более надежным и реальным активом, цены на который постоянно растут, по сравнению с подверженной частым колебаниям стоимостью акций.

При этом рост спроса на жилье стимулировался особыми условиями финансового рынка: низкой стоимостью кредитных ресурсов (учетная ставка

Федеральной резервной системы (ФРС) с 2004 года упала до 1%); дерегулированием финансовой системы, т.е. возможностью выпуска производных финансовых инструментов (деривативов), в частности облигаций, под имеющиеся у эмитента (банка) долговые обязательства (закладные) заемщиков. Это, в свою очередь, повлекло за собой резкое расширение рынка ненадежных заемщиков, поскольку риски предоставления им кредитов могли с помощью выпуска облигаций и других деривативов быть перенесены на других участников рынка.

Произошедшее с 2004 по 2006 год повышение учетной ставки ФРС с 1 до 5,25% с целью недопущения роста инфляции и повышения привлекательности иностранных инвестиций в США (в основном в государственные ценные бумаги) привело к тому, что платежи по значительной части закладных (они привязаны к текущей ставке процента) перестали выплачиваться. Массовые продажи невыкупленных домов повлекли за собой снижение цен на жилье и, тем самым, обесценение закладных, под которые выдавались кредиты и на основе которых выпускались ипотечные облигации.

В результате ипотечные облигации начали обесцениваться, их рынок резко упал. Как следствие, стали обесцениваться активы банков и других финансовых институтов как в США, так и в других странах, имевших в своих портфелях подобные облигации. Возник кризис ликвидности, практически остановивший всю кредитную деятельность в стране, что не могло не сказаться на реальном секторе экономики.

Начавшись как спад в строительстве под влиянием резкого снижения спроса на жилье и кризиса ипотечного кредитования, кризис распространился на все сектора экономики. Помимо «кредитного тромба», необходимо отметить еще один важнейший фактор, усугубивший кризис, – быстрое удорожание сырьевых ресурсов. Оно привело к росту

издержек производителей, снижению прибылей компаний и замедлению производства. Одновременно удорожание сырья и топлива ограничило потребительские расходы американцев, что негативно повлияло на производство со стороны спроса⁷. Только за три квартала 2008 года средняя цена на энергию для потребителей выросла на 15% (при том что цены на бензин выросли более чем на 50%), а потребление энергии в стране упало на 7%⁸. Еще одним серьезным фактором кризиса стали масштабные природные катастрофы (ураганы), принесшие убытки экономике и населению на многие сотни миллиардов долларов.

Таким образом, сглаженный ранее под влиянием некоторых новых факторов экономический цикл подвергся воздействию целого ряда контрфакторов, выявивших все накопленные прежде противоречия.

Необходимо отдельно упомянуть то обстоятельство, что глобализация имела для американской экономики не только сглаживающий антикризисный эффект, но и ряд негативных последствий. В их числе – рост дефицита торгового (более 700 млрд долл. в 2008 году) и платежного баланса (более 850 млрд долл.), увеличивающий гигантский государственный долг США, составивший в 2008 году 10,6 трлн долл. Обслуживание этого долга стало весьма заметной нагрузкой на и без того дефицитный федеральный бюджет.

Разумеется, капиталистическая рыночная экономика по определению основана на кредите и долге. Однако, видимо, есть некие пороговые величины этого долга, как государственного, так и частного, которые могут вызвать при отсутствии должного управления финансовыми отношениями сильные потрясения всей экономической системы.

Многое в функционировании современной финансовой системы капита-

лизма, особенно на международном уровне, изучено пока явно недостаточно. Процессы дерегулирования этой системы зашли слишком далеко и привели к весьма плачевным последствиям не только для экономики США, но и мирового хозяйства. Видимо, теория цикла будет существенно переработана с учетом сегодняшнего опыта, и прежде всего той роли, которую сыграли в кризисе финансовые инструменты и в целом финансовые рынки, а также глобализация мирового хозяйства.

Государственная политика и перспективы выхода из кризиса

Американское государство начало реагировать на кризисные явления в экономике задолго до признания макроэкономического кризиса. Так, еще в феврале 2008 года был принят Закон о стимулировании экономики (Economic Stimulus Act). Он предусматривал выделение 113 млрд долл. (0,8% ВВП) налогоплательщикам в качестве возвращения им части выплаченных налогов для стимулирования спроса. В зависимости от уровня доходов граждане получили чеки на 300 или 600 долл.

В июле 2008 года был принят Закон о жилье и стимулировании экономики (Housing and Economic Stimulus Act), предусматривающий финансовую помощь заемщикам на ипотечном рынке, а в октябре – Закон об экстренной экономической стабилизации (Emergency Economic Stabilization Act), предусматривающий масштабные государственные инвестиции в финансовые институты. В соответствии с данным законом начала реализовываться программа поддержки т.н. «плохих активов» (Troubled Asset Relief Program), получившая название «план Полсона», по имени бывшего министра финансов США.

⁷ Следует помнить, что потребительские расходы населения – главный фактор экономического роста.

⁸ Economic Report of the President. Washington, 2009. P. 36.

На цели стабилизации финансовых рынков было ассигновано 700 млрд долл., распоряжение которыми было поручено Министерству финансов США. Изначально программа была направлена на выкуп государством «проблемных активов» финансовых институтов, однако фактически половина этой суммы была потрачена на выкуп государством части акционерного капитала банков и страховых компаний, то есть на их частичную национализацию.

В конце января 2009 года Конгресс США утвердил расходование второй половины ассигнований в сумме 350 млрд долл. Их планируется направить в первую очередь на поддержку жилищного рынка. Надо подчеркнуть, что все предпринятые еще администрацией Дж. Буша меры пока существенно не повлияли на экономику, положение которой продолжало ухудшаться и в первые месяцы 2009 года.

Не оказало заметного стимулирующего воздействия на экономику и принятое в декабре 2008 года решение ФРС снизить учетную ставку практически до нулевого уровня (0–0,25%).

В условиях углубляющегося кризиса администрация Б. Обамы предложила новый масштабный план поддержки экономики страны. В феврале 2009 года Конгрессом США был принят Закон об американском восстановлении и реинвестировании (American Recovery and Reinvestment Act), предусматривающий выделение 787 млрд долл. на налоговые льготы и различные инвестиционные проекты. Это беспрецедентные в американской истории бюджетные ассигнования, направленные на государственное стимулирование экономики и выход из кризиса. Если федеральные средства на антикризисные программы «Нового курса» Ф. Рузвельта составляли не более 2% ВВП, то план Обамы уже превышает 5% ВВП. Если же к предстоящим расходам по последнему закону прибавить ассигнования по «плану Полсона», а также предшествующие расходы го-

сударства по поддержке ипотечного рынка и стимулированию спроса, то становится очевидным, что масштабы государственной финансовой интервенции в экономику беспрецедентны для США.

Стимуляционный пакет Обамы состоит из двух частей. Первая часть (275 млрд долл.) предусматривает налоговые льготы для граждан (175 млрд долл.) и предпринимателей (100 млрд долл.). В течение ближайших двух лет каждый американец получит налоговый вычет в сумме 400 долл., а семейная пара – 800 долл. Эта льгота распространяется почти на 98% всех занятых страны. Планируются также налоговые льготы в размере до 3 тыс. долл. на одного ребенка для семей с невысокими доходами. Предполагается снизить налоги на покупку жилья и получение высшего образования – максимум на 7,5 тыс. и 2,5 тыс. долл. соответственно. Последние налоговые льготы коснутся студентов, чьи родители зарабатывают менее 180 тыс. долл. в год в полных семьях и менее 90 тыс. долл. в год в семьях с одним родителем.

В области налоговых льгот для бизнеса планируется предоставление фирмам налогового кредита в размере 3 тыс. долл. на каждого вновь нанятого работника. Немалые льготы предусмотрены и на вновь устанавливаемое оборудование – единовременное списание до 50% его стоимости.

Вторая часть стимуляционного пакета Обамы направлена на различные инвестиционные, инфраструктурные, социальные, образовательные и научные программы. Общая сумма ассигнований на их реализацию составит 500 млрд долл., т.е. 2/3 всего пакета.

В частности, в целях увеличения социальной помощи нуждающимся планируется выделить 20 млрд долл. на расширение программы продовольственных талонов, увеличить пособия по безработице в среднем на 25 долл. в неделю, а также обеспечить доступ безработных к частным страховым сис-

темам медицинского обслуживания, на что ассигновано 20 млрд долл.⁹

Одной из крупнейших программ пакета является развитие альтернативных источников энергии, которые в силу их экологических характеристик получили название «зеленых технологий». К этому направлению относятся также программы энергосбережения как в производстве, так и в жилищном хозяйстве. Только по линии Министерства энергетики на эти цели будет ассигновано более 84 млрд долл.

Немалые средства (около 50 млрд долл.) предусмотрены на инфраструктурные строительные проекты. Речь идет о строительстве и реконструкции автомобильных и железных дорог, мостов, теплотрасс, модернизации морских и речных портов, систем водоснабжения и канализации.

Еще одно направление государственных расходов – развитие системы образования, прежде всего школьного. Предполагается строительство или реконструкция 10 тыс. школ, ряда университетских зданий и сооружений, на что будет потрачено 8 млрд долл. Планируется также увеличить ассигнования на т.н. «гранты Пелла», выделяемые студентам вузов из семей с низкими доходами (около 14 млрд долл.), повсеместно внедрить в школах широкополосный Интернет. На образование инвалидов государство намерено потратить 13,5 млрд долл.

Крупнейшее направление расходов – развитие здравоохранения. На эти цели выделено более 150 млрд долл. в основном в виде субсидий штатам. Нельзя не упомянуть и планы администрации по компьютеризации системы здравоохранения, в частности переводу всех амбулаторных карт на электронные носители. Намечается также увеличение ассигнований на научные исследования и разработки, особенно в медико-

биологической сфере (около 20 млрд долл.).

Как мы видим, план Обамы носит долговременный характер. Ни строительство дорог и мостов, ни энергосбережение и создание «зеленых технологий», ни научно-исследовательские программы не могут быть реализованы за несколько месяцев или даже лет. Многие программы просчитаны до 2019 года. Тем не менее эксперты Белого дома полагают, что стимуляционный пакет уже в ближайшие 1,5 года позволит создать 3,5 млн новых рабочих мест. Есть, правда, и более осторожные оценки, согласно которым число рабочих мест возрастет максимум на 2,5 млн, а уровень безработицы составит примерно 9% вплоть до конца 2010 года¹⁰.

Прогноз, содержащийся в опубликованном в начале 2009 года экономическом докладе президента, пожалуй, чересчур оптимистичен. Согласно этому документу, в 2009 году рост ВВП (в текущих ценах) составит 2,2%, а уже в 2010 году – 6,6%. Однако более поздние прогнозы экспертов американской администрации выглядят иначе: в 2009 году ожидается падение ВВП на 1,2%, а в 2010 году – рост на 3,2%. Безработица составит 7,7 и 6,9%, а уровень инфляции – 1,7 и 1,5% соответственно¹¹.

Аналитики Белого дома надеются и на относительно скорое сокращение резко возросшего бюджетного дефицита. По имеющимся оценкам, в 2009 году он достигнет наивысшего с 1945 года уровня в 1,75 трлн долл. (12,3% ВВП). По проекту бюджета на 2010 год, представленному президентом Обамой в Конгресс, в будущем году дефицит федерального бюджета сократится до 1,2 трлн долл. (8,3% ВВП). Впрочем, некоторые аналитики полагают, что с учетом всех стимуляционных расходов государства дефицит может составить 2 трлн долл.

⁹ [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/02/1>]

¹⁰ Washington Post. 2009. February 14.

¹¹ Economic Report of the President. Washington, D. C., 2009. P. 54; Washington Post. 2009. February 28.

Предусматривается, что в 2011 году дефицит бюджета будет равен 1 трлн долл., а к 2013 году – сокращен до 533 млрд долл., что составляет уже вполне управляемую величину в 3% ВВП. Достигнуть этого предполагается за счет увеличения налогов на доходы выше 250 тыс. долл. в год (с 35 до 39,6%), на прирост капиталов (с 15 до 20%) и на недвижимость дороже 3,5 млн долл. Определенный рост доходов бюджета даст сокращение федеральных расходов с 26% ВВП до планируемых 22%. По оценке Бюджетного управления Конгресса, решить задачу уменьшения более чем вдвое дефицита бюджета (до 715 млрд долл.) поможет также планируемое свертывание американского военного присутствия в Ираке и отмена к 2011 году ряда налоговых льгот, принятых при администрации Дж. Буша-младшего¹². В целом доходы бюджета вырастут с 16% ВВП в 2009 году до 19% в 2013 году¹³.

В бюджетном проекте на 2010 год новая администрация ставит весьма амбициозные задачи. Так, несмотря на огромный дефицит, планируются масштабные ассигнования (634 млрд долл.) на покрытие расходов на медицинские услуги американцев, не имеющих медицинского страхования. В бюджет включен пакет мер по развитию энергетики и энергосбережению (150 млрд долл.). Новые приоритеты в налогообложении направлены на увеличение налоговой нагрузки на американцев с высокими налогами. Бюджетом предусмотрен также резерв в 250 млрд долл. на случай необходимости дополнительно поддерживать банковскую систему страны.

Как отмечает аналитик из Брукинского института У. Галстон, экономическую программу Б. Обамы по своему масштабу можно поставить в один ряд с такими поворотными стратегиями в истории США, как «Новый курс» Ф. Рузвельта,

«Великое общество» Л. Джонсона и политика Р. Рейгана¹⁴.

Однако для достижения намеченных оптимистических показателей необходимо, чтобы ситуация в экономике начала меняться в позитивном направлении, что пока не просматривается. Ведь дело не только в увеличении государственных расходов, стимулировании спроса и создании рабочих мест. Выход из кризиса сопряжен с достаточно трудной перестройкой экономики, прежде всего частного сектора, связанной с необходимостью обновления основных фондов, модернизации финансовой сферы страны, согласования интересов США с их основными партнерами и конкурентами, установления новых условий функционирования мировой финансовой системы.

Разумеется, США преодолеют финансово-экономический кризис. Вопрос только – с какими издержками.

Некоторые эксперты в этой связи пишут о кризисе американской хозяйственной модели. Нередко, правда, под ней понимается не то, что обычно принято в экономической литературе – наиболее важные характерные черты экономического механизма, в том числе соотношение частного и государственного сектора в экономике, доля ВВП, перераспределяемая через бюджет, характер трудовой этики и другие институциональные и исторические особенности той или иной экономики. Часто американскую модель связывают лишь с большим внешним долгом, притоком иностранных инвестиций, дефицитом торгового и платежного баланса, что не является отличительной чертой той или иной модели экономики, будь то развитой или развивающейся. Принципиальные черты американской модели – это особая роль предпринимательства в экономике и обществе, что всегда было мощным фактором хозяйственного

¹² Washington Post. 2009. February 26.

¹³ Washington Post. 2009. February 23.

¹⁴ Washington Post. 2009. February 27.

развития. Это доминирующая роль частного сектора в экономике, относительно низкая доля государства в перераспределении ВВП. Это высокая трудовая этика населения, стремление к успеху, отсутствие бюрократических и статусных преград, существующих во многих других странах.

Разумеется, данная модель, как, впрочем, и рыночная экономика вообще, не является идеальным хозяйственным механизмом. Ей присущи и известные «провалы» рынка, и тенденция к монополизации, и неспособность в полной мере производить общественные блага, и социальная дифференциация. Кризис конца первого десятиле-

тия XXI века все это в полной мере подтвердил и во многом становится вызовом американской модели, очередной проверкой ее способности решать как традиционные рыночные, так и новые проблемы.

Происходящее сегодня заметное усиление роли государства и государственных расходов в экономике, которое присуще периодам экономических кризисов, вряд ли поколеблет основополагающие принципы американской экономической модели. Слишком глубоко они укоренены в американском обществе, его культуре и психологии. А справится ли данная модель с новыми экономическими вызовами – покажет время.

*Алексей Вениаминович Алексеев,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики и организации
промышленного производства
Сибирского отделения РАН, Former
Kennan Institute Regional Exchange
Scholar*

Деньги уходят и не обещают вернуться

Магия фондового пузыря

Тема финансового кризиса прочно вошла в нашу жизнь. Давно забыты ранее популярные утверждения, что если это даже и не просто американский кризис, то к России он имеет лишь косвенное отношение, а если что, так с нашими-то золотовалютными резервами опасаться нечего. Вместе с тем за оперативным, порой надрывным информационным потоком незаметно ушел в тень вопрос – а в чем все же причина кризиса?

Привычное объяснение – «обычный циклический кризис капитализма» – всерьез даже не рассматривалось. Проблемы в реальном секторе начались лишь через несколько месяцев после обострения ситуации в финансовой сфере, причем характер их возникновения отличается от «стандартной модели кризиса перепроизводства».

Объяснение «американские банки выдали слишком много ипотечных кредитов тем, кому их выдавать не следовало» лежало на поверхности. Но потрясения во всей мировой финансовой системе, банкротство крупнейших банков, обвал фондового рынка, стремительное снижение цен на сырьевые товары, рост безработицы по всему миру показали, что проблемы в ипотечной сфере могли дать старт кризису, но все же не быть его первопричиной.

Последовавшее «расширенное» объяснение – «дело не только в плохих ипотечных кредитах, но и в перекредитованности американских заемщиков в целом» – породило больше вопросов, чем ответов – развитый кредитный рынок в США существует не первое деся-

тилетие, а проблема почему-то обострилась именно сейчас.

Наибольшее распространение получила гипотеза «фондового пузыря (финансовой пирамиды)». Суть ее в следующем: фондовый рынок оторвался от фундаментальных факторов, формирующих реальные цены акций. Цены стали определяться исключительно ожиданиями участников. Основание у этих ожиданий одно: вера участников рынка в то, что «завтра будет лучше, чем вчера». То, что эта вера основывается на сомнительном постулате: «если некоторые тенденции действовали в прошлом, то они будут действовать и в будущем», участниками рынка игнорируется. Магия завораживающего роста дохода настолько сильна, что рациональные соображения оказываются бессильны. Из этого не следует, что нет недостатка в апокалиптических сценариях, не было и в этот раз. Но... «кризис всегда наступает позже, чем его предсказывают, и раньше, чем его ждут».

Пузырь на фондовом рынке – обычное явление. Акции какой-то компании начинают активно раскручиваться. Желательно, чтобы инвесторы, приобретающие эти акции, верили, что у компании светлое будущее. Но даже если это не так, вполне достаточно, чтобы они думали, что курс акций будет расти еще некоторое время. Все, чего хочет инвестор, – продать акции на пике их стоимости. Он, конечно, понимает, что, если сегодня данная акция стоит сто долларов, из этого, вообще говоря, не следует, что завтра она будет стоить хотя бы десять. Инвестор просто иррационально верит, что уж он-то со своими знаниями и опытом сумеет вовремя выйти из игры. Кто-то действительно успевает, большинство – нет.

Если пузырь надувается на сравнительно узком рынке акций – это явление относительно безобидное. Спекулянты, плохо разбирающиеся в существе бизнеса раздуваемых компаний, считают, что они наделены недюжинной бизнес-интуицией, и пытаются

на пузыре сделать свой бизнес. Локальный пузырь в чем-то напоминает игру с нулевой суммой: кто-то проигрывает сравнительно немного, кто-то выигрывает по-крупному. Главное, что сумма финансовых средств, обращающаяся на фондовом рынке, почти не меняется. Игроки, сделавшие хорошие деньги на одном пузыре, с энтузиазмом ищут новые перспективные ниши для вложения возросших денежных средств. Вакантные же места проигравших быстро занимают новые любители легкого финансового счастья.

Как относиться к фондовым пузырям? Стоит ли регулятору биржевой деятельности «прокалывать» их на ранних стадиях? Технически это возможно, но нужно ли? Действительно, если речь идет о компании, собирающейся производить «красную ртуть» или что-нибудь подобное, – это одно, а, например, пресловутые доткомы – другое. Беда в том, что на ранних стадиях очень трудно, если вообще возможно, отделить зерна от плевел. Да, значительная часть новомодных интернет-компаний исчезла без следа на рубеже тысячелетий, но Интернет и информационные технологии, преобразившие нашу жизнь, остались. В значительной степени в этом заслуга того пузыря, а потери, им вызванные, уже многократно компенсированы, и эта компенсация только растет. Другими словами, за развитие информационных технологий в немалой степени заплатили спекулянты, многие из которых остались ни с чем (впрочем, они знали, на что шли), а общество в целом выиграло. Тот пузырь вполне возможно было сдуть, но кто бы от этого (кроме проигравшихся на биржевой игре) остался в выигрыше?

А. Гринспен (бывший глава Федеральной резервной системы США) был принципиальным противником борьбы с пузырями. Он считал, что на ранней стадии почти невозможно понять, что происходит, – рождение новой перспективной отрасли или надувание пузыря. Под флагом борьбы с пузырями регуля-

торы рискуют не предотвратить пузырь, а задуть новую инвестиционную волну, новое инвестиционное направление, просто остановить восходящую волну бизнес-цикла. Да и эффективность регуляторных мер переоценивать не стоит: если для пузыря есть рыночный потенциал, он все равно найдет форму реализации. А меры по противодействию его развитию почти наверняка ударят по традиционным отраслям. Поэтому государству, обладающему лишь общей информацией о происходящем в экономике, лучше помогать, а не мешать частным игрокам выявлять перспективные рыночные ниши. Рынок рассудит.

Проблемы начинаются, когда количество переходит в качество. Локальный пузырь – одно, а когда весь фондовый рынок превращается в пузырь – совсем другое. Информация, на основе которой принимаются бизнес-решения, становится похожей на отражение кривого зеркала: основа – реальные потребности рыночных агентов – сохраняется, но из-за «наведенного» сигнала самораскручивающегося фондового рынка искажается до неузнаваемости.

Проблему усугубляют консервативные инвесторы. Не склонные к «азартным играм» на фондовом рынке, они продолжают наращивать свои вклады в банках. Банки кредитуют бизнес, основываясь на сигналах фондового рынка: динамика акций данной компании хороша, а рынка, на который ориентирована ее продукция, – еще лучше. При этом часть активов банки также держат в портфеле акций, ориентируясь на рост их курсовой стоимости. В результате и биржевые спекулянты, и «добросовестные» инвесторы оказываются в одной лодке: если рынок рушится, страдают все, в том числе и те инвесторы, которые, казалось бы, к игре на бирже не имели никакого отношения.

Подобное развитие событий и наблюдалось на американском фондовом рынке. Действительно, долгое время он устойчиво и быстро рос. За это время у искиженного (и в особенности неиску-

шенного!) инвестора сформировались ожидания этого роста и в будущем.

Не будет преувеличением сказать, что весь фондовый рынок в известном смысле пузырь: курс акций – это не более чем представления участников рынка о стоимости этих акций. Иногда эти представления соответствуют реальности, иногда – нет. Даже в случае с МММ многие игроки понимали, что торгуют воздухом, но интрига игры в том, что воздух сегодня стоит больше, чем вчера. Проблема в том, будет ли этот воздух завтра стоить больше или не будет стоить ничего.

Ожидания формируют систему с двумя положительными связями: чем выше цена акций, тем больше на них спрос, чем выше спрос, тем выше цена. Круг замкнулся. Понятно, что котел, в котором растет давление, рано или поздно взорвется. На фондовом рынке моментом истины становится, по-видимому, такой фундаментальный фактор, как исчерпание платежеспособного спроса. Так, инвестор видит, что цены на недвижимость растут, он хотел бы расширить свое участие в этой игре, но все его деньги уже связаны в различных активах и акциях. Самые отчаянные даже взяли кредиты под приобретение этих активов, но и этот ресурс не безграничен. Спрос исчерпывается, рост стоимости акций приостанавливается. И вот здесь наиболее «продвинутые» инвесторы понимают: игра, похоже, заканчивается. Они продают свои пакеты пока еще по максимальным ценам. Предложение на рынке акций растет, а спроса уже нет. Большинство инвесторов еще надеются, что это временный досадный сбой, ведь «все было так хорошо!» Но процесс уже пошел...

Примечательно, что рассмотренная модель практически не зависит от «воли и сознания» отдельных игроков. Да, небольшое количество инвесторов, понимая, что цены на пакеты акций, находящиеся в их собственности, уже давно никак не соотносятся с теми денежными потоками, которые генерирует соответствующий бизнес, вовремя выходит из

игры, конвертируя «воздух пузыря» в реальные деньги. Основная же часть инвесторов обречена, потому что пузырь организован так, что выйти из него на поздней стадии невозможно. Чтобы он лопнул, даже необязательно, чтобы кто-то начал массово продавать свои акции. Вполне достаточно прекращения притока денег. Данные журнала «Форбс» о в разы сократившихся состояниях миллиардеров, казалось бы, обладавших всей информацией о своих рынках, – убедительное тому подтверждение.

Выходить из игры надо раньше – на стадии роста пузыря. Однако этому противодействуют два фактора. Во-первых, массовый инвестор не может противостоять магии роста доходов: осознавать, что деньги проходят мимо, – это выше его сил. Во-вторых, даже если деньги и вывести с фондового рынка – куда их направить? Положить на депозит? Но выше уже отмечалось, что банки – такие же заложники фондового рынка, как и другие финансовые институты. Держать деньги в наличной форме и наблюдать, как они тают под воздействием инфляции?

В самом по себе лопании фондового пузыря нет ничего необычного. Один крах американского фондового рынка, давший старт «Великой депрессии», чего стоит. Необычно другое. Фондовый пузырь перестал быть локальным явлением. Конечно, американский кризис 30-х годов XX века больно ударил по значительной части мировой экономики, но все же это был американский кризис. Нынешний, хотя и начался в США, очень быстро приобрел мировой характер. Что это значит?

Глобальный пузырь и глобальная экономика: «нам не жить друг без друга»?

Глобальный характер современной экономики обсуждается уже не первое десятилетие. Однако если раньше глобализация проявлялась скорее со стороны

возможностей роста для национальных экономик, то теперь, очевидно, пришло время увидеть и обратную сторону этого процесса. В основе обоих проявлений глобальности лежит мировой характер рынка капитала. Капитал стал с легкостью приходить в национальную экономику из любой точки земного шара. И с той же легкостью уходить. Возможность прихода практически неограниченного капитала означает колоссальный потенциал для развития бизнеса, уход чреват не менее серьезными угрозами. Задача национальной экономической политики, таким образом, сводится к созданию условий для максимально полного использования возможностей, которые несет с собой дешевый мировой финансовый капитал, и принятию действенных мер по предотвращению угроз, связанных с его уходом. Задача трудная, но выполняемая.

Основная проблема здесь в том, что глобальный характер современного финансового капитала предопределяет возможность возникновения глобального фондового пузыря. А что же создает необходимость его возникновения? Рискнем предположить, что мировая экономика существенно глобальнее в финансовом смысле, чем в институциональном. На практике это означает, что деньги везде «одинаковы», а возможности их инвестирования – разные. В ряде экономик одновременно выполняется условие «двойной эффективности»: эффективны и инвестиции (с точки зрения соотношения затрат и результатов), и права собственности на них. В ряде экономик выполняется либо одно из этих условий, либо ни одного. Между этими двумя полюсами неизбежно возникает разность потенциалов: деньги из одних экономик устойчиво и систематически утекают в другие. Только так собственники могут, как минимум, их сохранить и, как максимум, приумножить.

Инвесторы, обладающие капиталом, но не имеющие знаний, возможностей, желания создавать собственный бизнес, были всегда. В разных, зависящих от

уровня развития финансового рынка формами они передавали свои деньги тем, кто умел превращать их в капитал, и ожидали соответствующего вознаграждения. В последние десятилетия это изначально национальное явление приобрело глобальный характер.

Действительно, возможности по эффективному инвестированию средств, например, в странах Персидского залива никак не соотносятся с масштабами средств, получаемых за продажу нефти. А деньги, полученные где-нибудь в Латинской Америке, конечно, можно вложить в свою же экономику, но многие инвесторы предпочитают не рисковать и выведут капитал за границу. Куда? Скорее всего, на фондовый рынок, рынок недвижимости, в американские государственные облигации – туда, где, как кажется, без особого риска их можно не только сохранить, но и приумножить. Складывается интересная картина: значительная часть денег, вырванных странами, специализирующимися на добыче природных ресурсов, с неизбежностью возвращается в развитые страны, где это сырье потребляется. Эти деньги так и остаются всего лишь обязательствами предоставить товары и услуги в будущем.

Рассматриваемый финансовый «пылесос» приобрел глобальный характер. Он высасывает деньги не только из экономик, где они в избытке, но и из тех, где в них испытывается острая нужда. Причина – все в том же невыполнении условия «двойной эффективности». Если национальное государство не может создать адекватную современным требованиям институциональную среду функционирования бизнеса, ему придется содержать те экономики, которые могут это сделать. Яркий пример – экономика США. Так, всего за 11 лет – с 1996 по 2007 год – чистый внешний долг США вырос с 456 млрд долл. (5,8% ВВП) до впечатляющих 2,442 трлн долл. (18% ВВП).

Резиденты стран, где указанное условие выполнено, оказываются в двойном

выигрыше. Во-первых, они получают почти неограниченный финансовый ресурс, который можно оперативно инвестировать во вновь открывающиеся рыночные ниши и тем самым еще более увеличить свой отрыв от менее развитых экономик. Во-вторых, им не обязательно (как было еще сравнительно недавно) поддерживать высокую норму сбережения для осуществления инвестиций: теперь за них сберегают другие. Наконец, снижаются системные риски: своим капиталом рискуют инвесторы, о которых резиденты развитых стран имеют лишь весьма общие представления. Да, граждане развитых стран знают, что внешний долг их стран растет, но это же не их личный долг. Где-то на интуитивном уровне работает императив: «Когда я должен 100 долл., это моя проблема, когда я должен 1 млрд, это уже их проблема».

Таким образом, развитые экономики для собственников капитала из менее развитых стран *de facto* представляются банками, в которых только и можно сохранить свои средства (национальные экономики для них неприемлемы по критерию «доходность/риск»). Оправданы ли эти ожидания? Скорее нет, чем да.

Финансовые ресурсы, которые не входят приложения в странах своего происхождения, велики, но все же конечны. Их собственники, азартно играющие на мировых биржах, хорошо знакомы с теорией и практикой формирования фондовых пузырей. В какой-то момент они понимают, что риск игры на бирже становится сопоставимым с другими рисками. Приток новых средств иссякает, рост фондовых рынков замедляется, у акционеров появляется желание зафиксировать прибыль. Что происходит дальше – известно: акции, которые были куплены за 100 долл., потом докуплены за 250 и за 500, «вдруг» падают в цене до 50 долл. Незадачливый инвестор может получить половину того, что он вложил в самом начале, одну пятую того, что вложил позже,

и 10% того, что было вложено на пике. Обоснование случившемуся не заставит себя ждать: купили акцию за 100 долл.; если бы ее продали, когда она стоила 500, это был бы хороший бизнес. Инвестор «сам виноват». Придется начинать игру с начала.

Так, абсолютная величина индекса Доу-Джонса в 2008 году примерно равнялась его значению десятилетней давности и была вдвое ниже, чем в 2007 году¹. Нетрудно представить чувства инвесторов, вкладывавшихся в фондовый рынок на протяжении последнего десятилетия и в результате сокративших свои активы.

Похожая картина и на рынке американского жилья: более чем удвоение стоимости усредненного квадратного метра жилой площади за шесть лет с последующим резким снижением².

Инвестиционные рынки разные, а время перелома тенденций на них одно. Это только подтверждает тезис, что современному массовому инвестору трудно найти столь любимую аналитиками тихую гавань, где капитал может спокойно переждать возмущения на рынке. Когда на фондовом рынке все хорошо – хорошо почти везде, когда плохо – плохо тоже везде. Справедливости ради следует отметить, что падение российского фондового рынка все же существенно глубже, чем американского (более чем вчетверо³ и вдвое соответственно). Таким образом, тихая гавань – американская экономика – обеспечивает существенно меньшее обесценение вложенного капитала, чем менее развитые рынки, но саму проблему обесценения не снимает.

Геополитическая роль фондового пузыря

Фондовый пузырь решает серьезную геополитическую задачу. Можно пы-

таться удерживать цену на нефть на уровне 12 долл. за баррель с риском получить эмбарго, дестабилизацию в мире, войны за справедливые цены и прочие «прелести периода империализма». А можно выстроить такую систему отношений, когда цены вообще вторичны, а первична способность экономики абсорбировать деньги и превращать их в капитал. В таком случае деньги все равно вернуться в развитие экономики, профинансируют их дальнейший рост, а заодно и простимулируют текущий спрос на продукцию и услуги местных производителей.

Странам, по разным причинам не способным создать институциональные условия для эффективного приложения капитала в своих экономиках, остается только верить, что их светлое будущее будет обеспечено теми государствами, которые могут это сделать. Эти надежды иллюзорны: светлое будущее приходит к тем, кто вкладывается в свою, а не в чужую экономику, растит своего производителя, а не надеется, что их будут содержать чужие профессионалы. В этом, впрочем, и заключается прелесть иллюзии: пока она не развеялась, можно спокойно «плыть по течению», не утруждая себя работой по модернизации собственной экономики. «Они же должны нам миллиарды. О чем нам беспокоиться?»

Когда же «неожиданно» выясняется, что фондовый пузырь – это эффективная технология списания долгов, «пить боржом» (реформировать собственную экономику) уже поздно. По-своему фондовый кризис даже политкорректен: когда пузырь лопается, все игроки страдают в равной степени. Факт, что материально-вещественная основа современной экономики (технологии и носители знаний о том, как они работают, – люди) остается в странах – реци-

¹ [http://www.expert.ru/printissues/d/2008/20/instrumenty_birzhevogo_igroka/]

² [<http://www.rusipoteka.ru/publications/baklanova-1.htm>]

³ [<http://www.rts.ru/ru/index/stat/dailyhistory.html?code=RTSI>]

пиентах капитала, пребывает в тени. Эти люди переформируют свою экономику по-новому и вновь поднимут их. А то, что в этих обновленных экономиках, возможно, не окажется компаний, в которые вкладывались нерезиденты, а те, что останутся, подешевеют в разы, – так это кризис.

Новые инвесторы и традиционные потребители: «стало все по новой там, верь не верь»

В экономической теории процессу накопления уделяется повышенное внимание. В течение долгого времени действовал императив: меньше потребление, соответственно, больше накопление сегодня – больше потребление завтра, и наоборот. В этом смысле протестантская этика с ее культом воздержания в потреблении и, по возможности, максимальным накоплением, вкладыванием в развитие собственного дела и создала основу современной экономики развитых стран.

Закон накопления продолжает действовать, но реализация его в последние десятилетия заметно трансформировалась. Действительно, зачем ограничивать себя в потреблении, если желающих предоставить капитал нет числа? Современный формат привлечения капитала даже не требует его обязательно возврата с процентами. Вполне достаточно организовать поддув пузыря, и деньги придут сами. Пока в мире есть страны, которые не могут в полной мере использовать имеющиеся у них финансовые ресурсы как капитал, за накопление можно не беспокоиться – сами предложат.

Предложат по разным причинам. Страны Персидского залива – потому, что их экономики не могут эффективно освоить такой объем капитала. Некоторые страны (например, Россия) – потому, что считают необходимым иметь финансовую подушку безопасности на черный день. Другие, как Китай, – потому, что хотят поддержать

низкий курс национальной валюты для обеспечения конкурентоспособности своего производителя и, значит, вынуждены накапливать иностранную валюту в резервах. Страны с неустойчивыми политическими режимами – потому, что их элита выводит капитал из страны, чтобы в случае смены власти не остаться ни с чем. Наконец, частные инвесторы всего мира – потому, что вложения в экономику развитых стран отвечают их представлениям об оптимальном соотношении выгода/надежность.

Стоит ли удивляться, что в этих условиях склонность к сбережениям в развитых странах падает, что проявляется в снижении объема накоплений (см. рис.). В выигрыше все равно остается тот, кто больше потребляет, перераспределяя эффект от чужого накопления в свою пользу. Доступность, дешевизна привлечения капитала, похоже, начинают развращать западное общество. Зачем сберегать, вкладываться в будущее? Экономика перестала стимулировать частное накопление, зато активно поощряет потребление.

Этим, кстати, объясним тренд в пользу повышения социальной направленности западных государств, наблюдаемый в последние годы. Действительно, пытаться самостоятельно обеспечить себе спокойную старость, регулярно откладывая часть текущих доходов, становится слишком рискованной стратегией. Угроза, что за длительный период с этими накоплениями что-то произойдет, неприемлемо велика. «Рациональной» стратегией становится, с одной стороны, отказ от личного накопления, с другой – организация общественного давления на государство, чтобы оно, после того как работник выходит на пенсию, обеспечивало ему привычный стандарт потребления. Не можете защитить накопления – тогда обеспечивайте потребление. А то, что это потребление идет за счет чужого накопления, – почему бы и нет, если есть желающие?

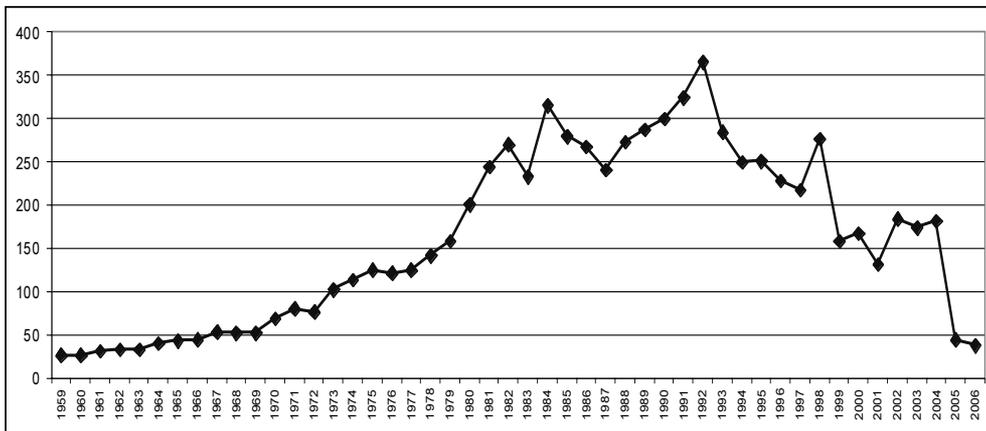

Рисунок. Чистые накопления физических лиц в США (Net private personal savings), млрд долл.

Источник: *Economic Report of the President, February, 2008, Table B-32. P. 264.*

Иностранный капитал в России: прибыль – отдельно, риски – отдельно?

Российский бизнес под инвестиционные программы развития привлёк большие кредиты как в российских банках, так и непосредственно у западных контрагентов. Залогом послужили собственные активы. При невозможности выплаты кредита залог изымается в пользу кредитора. Поскольку банки также кредитуются за рубежом, невыплата кредита означает, что значительная часть российских активов (начиная с банковских) переходит в собственность зарубежных инвесторов по многократно заниженным ценам (величина залога обычно значительно больше кредита). Понятно, что российское правительство не может не реагировать на данную угрозу. Отсюда вынужденное перекредитование российского бизнеса за счет резервного фонда.

Популярный аргумент: «Снижение капитализации компании крайне нежелательно, так как это затрудняет, а то и вовсе делает невозможным получение ею кредитов», – не выдерживает критики. Как только на фондовом рынке начинаются серьезные проблемы, «рыночная» оценка любой компании для целей

ее кредитования теряет значение. Компания, конечно, может получить кредит и в этих условиях, но его величина и стоимость будут определяться уже другими факторами. В этом смысле абсолютный уровень падения вторичен, первично определение момента, когда достигнуто дно и когда начнется подъем.

Как бы то ни было, кризис показал, что западный капитал – не слишком надежный помощник в развитии отечественной экономики. Когда все хорошо, он охотно получает здесь прибыль. Как только ситуация напрягается, он уходит. Это значит, что российское государство все равно должно иметь финансовый резерв, эквивалентный уходящему западному капиталу. Налицо следующая схема: в «тучные годы» иностранный инвестор получает прибыль (российские резервы в это время сосредоточены в мало доходных активах), а «в тощие годы» он спокойно уходит, оставляя российским властям разбираться с возникшими проблемами самостоятельно. А разбираться приходится, потому что альтернатива перекредитованию – переход заметной части российской собственности иностранным кредиторам и массовые банкротства. Оба варианта неприемлемы ни по поли-

тическим, ни по экономическим соображениям.

Пока иностранный капитал в России почти ничем не рискует. Гарантом возврата западных кредитов фактически выступает государство, хотя юридически таких обязательств оно не брало. Законен вопрос: «Зачем вообще позволять иностранному капиталу приходиться в Россию, если прибыли получает зарубежный инвестор, а риски несет российское государство?» Не логичнее ли напрямую кредитовать российский бизнес из российского же резервного фонда?

Более того, подобная схема, задуманная как инструмент повышения надежности национальной финансовой системы, фактически выполняет противоположную задачу. Пока все хорошо, отечественный бизнес устойчиво развивается на рублевые кредиты. Тот факт, что в основе этого развития все равно лежит иностранный капитал, остается на периферии общественного сознания. Но как только финансовые ограничения ужесточаются, резидентам приходится приобретать валюту, потому что кредиты необходимо отдавать не в рублях, а именно в валюте. Рубль девальвируется, управляемость национальной финансовой системы резко падает, цена импортных товаров растет, и без того высокая фоновая инфляция получает очередной мощный импульс.

Следует ли из этого, что иностранный капитал не стоит пускать в Россию? Не следует. А вот сделать так, чтобы приходящий иностранный капитал не только получал прибыль, но и нес риски, связанные с ее получением, необходимо. И добиться этого вполне возможно.

Структура иностранных инвестиций в России ясно свидетельствует, что иностранные инвесторы не готовы нести риски по организации собственного производства на российской территории, зато охотно кредитуют российскую банковскую систему. Так, в 1995 году на прямые инвестиции приходилось более

двух третей всех поступающих в Россию инвестиций, в 2007 году – менее одной четверти⁴. Зарубежные инвесторы в максимальной степени стремятся переложить предпринимательские риски на российскую сторону, фокусируясь не столько на не слишком надежном, с их точки зрения, доходе, сколько на менее рискованных кредитных отношениях. Почему? По-видимому, по тем же причинам, по каким российские банки «не любят» финансировать отечественные инвестиционные проекты, особенно с длительными сроками окупаемости.

Если бы иностранные инвестиции были сосредоточены в прямых инвестициях хотя бы в том же соотношении, как в 1995 году, а не в кредитах, как сейчас, тяжесть мирового финансового кризиса распределялась бы среди российских и иностранных инвесторов гораздо равномернее. Счета на господдержку крупных компаний, расположенных на российской территории, выставлялись бы тогда не только российскому, но и другим правительствам. Обращаться к российскому резервному фонду за поддержкой несложно. Настоящее искусство – заставить заплатить другие правительства за выход из нашего кризиса.

Задача, таким образом, сводится к тому, чтобы создать иностранному инвестору стимулы осуществлять взносы именно в основной капитал российских предприятий, а не просто кредитовать российскую экономику. С этой задачей российское государство справляется плохо. Сформировать Резервный и Стабилизационный фонды оказалось гораздо проще. То есть прокредитовать чужие экономики с рассмотренными выше последствиями.

Аргумент: «Что бы мы делали сегодня, если бы в предыдущие годы не сформировали столь серьезные золотовалютные резервы?» – проигнорировать невозможно, но вкус полуправды остается. Российские объемы золотова-

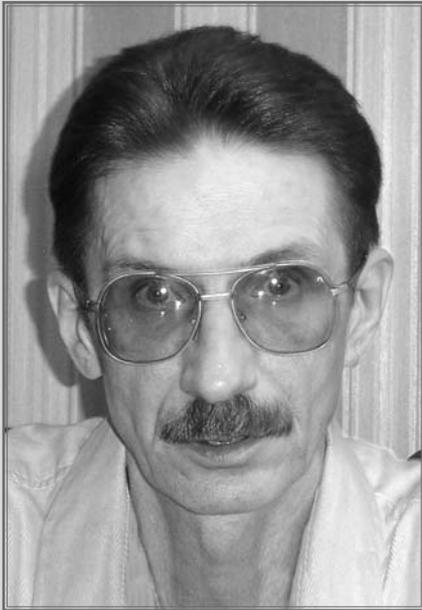
⁴ Российский статистический ежегодник, 2006. С. 695; Россия в цифрах. 2008. С. 430.

лотных резервов в настоящее время сопоставимы с уровнем долговой нагрузки российской экономики перед зарубежными заемщиками. В этом смысле страновой дефолт пока не угрожает. Но вопрос: «Почему нельзя было изначально развивать собственную экономику за счет приходящей в нее иностранной валюты, а не резервировать ее, чтобы потом все равно использовать для погашения своих обязательств?» – остается открытым.

Общий ответ известен. Российское правительство, во-первых, слабо верит в способность отечественного товаропроизводителя осуществлять эффективные вложения и предпочитает не рисковать деньгами налогоплательщиков. Во-вторых, *de facto* оно считает, что ситуация в российской экономике в конечном счете определяется мировой ценой на нефть. В случае резкого падения цены нефти необходимо иметь подушку безопасности, которая сдемпфирует

удар и даст какое-то время на адаптацию к новым условиям.

Как показывает предшествующий анализ, пока в России не на словах, а на деле не будет взят курс на создание независимой (а не ориентированной на экспорт природных ресурсов по непредсказуемым ценам), сильной, интегрированной в глобальный мир экономики, она, наряду с другими развивающимися странами, так и будет продолжать пытаться минимизировать свои риски, финансируя более развитые экономики. Проблема в том, что такая политика не снижает риски, а всего лишь переносит их на будущее, да еще и с сильным мультипликатором. Альтернатива действующей экономической политики проста: создаем либо свою экономику, либо чужую. Если в ближайшие годы хотя бы половина усилий, которая тратилась на создание чужих экономик, будет направлена на создание собственной – это уже будет очень хороший результат.

Александр Сергеевич Булатов,
доктор экономических наук,
профессор, заведующий кафедрой
мировой экономики Московского
государственного института
международных отношений
(МГИМО – Университета) МИД
России, Former Kennan Institute
Regional Exchange Scholar

Сходство и различия экономического кризиса в США и России

Причины кризиса

Традиционной причиной экономического кризиса является перепроизводство, т.е. превышение предложения над спросом. В предыдущие столетия перепроизводство обычно возникало в главной части индустриальной экономики – реальном секторе, т.е. в производстве товаров и услуг (кроме финансовых). С конца XX века перепроизводство все чаще происходит в быстрорастущей части постиндустриальной экономики – финансовом секторе. В последние два-три десятилетия в развитых странах рост этого сектора шел особенно быстро за счет секьюритизации (в широком смысле это выпуск ценных бумаг, в узком – выпуск ценных бумаг на основе сравнительно рискованных активов), прежде всего производных финансовых инструментов (деривативов). О признаках перепроизводства в финансовом секторе США говорят данные, представленные в табл. 1.

Американские банки (точнее, созданные ими для этого компании – special purpose vehicles) стали активно выпускать деривативы, обеспечением которых были имеющиеся у них закладные на жилые дома, купленные клиентами банка на его ипотечные кредиты. В сущности, это перевод кредитного риска с одного лица (банка) на другое – созданную банком финансовую компанию и через нее – на покупателей деривативов, выпущенных этой компанией. Это позволяло банкам выдавать ипотечные кредиты даже ненадежным заемщикам. Подобные нестандартные ипотечные кредиты (subprime mortgage credits) в 2005–2006 годах составляли 1,3 трлн долл., что сопоставимо с 10% ВВП США. Из них 75% было секьюритизировано, преимущественно в вышеописанной форме.

Таблица 1
Доля США в мировой экономике
в 2007 году

В мировом ВВП	21,3% (13 811 млрд долл.)
В банковских активах	13,2 % (11 194 млрд долл.)
В стоимости акций	30,6% (19 922 млрд долл.)
В стоимости долговых ценных бумаг	37,4% (29 879 млрд долл.)
В стоимости всех торгуемых вне биржи деривативов, оценка автора	40,0% (240 000 млрд долл.)
В стоимости торгуемых на бирже деривативов	50,8% (42 814 млрд долл.)

Источник: IMF. Global Financial Stability Report. October 2008; BIS Quarterly Review, September 2008.

С точки зрения методологии финансового рынка такие деривативы называются кредитными¹. Покупатель кредитного дериватива получает от его продавца премию (часто ежеквартальную) за участие в страховании рискованного актива, а в случае наступления так называемого кредитного события (банкротства компании, неплатежа по кредиту или закладной, уменьшения размеров или переноса срока платежей и т.п.) обычно получает этот обесценившийся актив, реже – выплачивает продавцу дериватива компенсацию в размере суммы, на которую обесценился актив.

Наиболее распространенными кредитными деривативами являются свопы кредитного дефолта (credit default swap – CDS), дающие право продавцу дериватива получать компенсацию от

его покупателя в случае наступления кредитного события. Но в случае с subprime mortgage credits это были деривативы под названием collateralized debt obligations (CDO), в основе которых лежат разные долговые инструменты (закладные, кредиты), которые позволяли покупателю дериватива получать стабильный доход за счет выплат по закладным, кредитам, а по окончании срока дериватива – его номинал. Подчеркнем, что эти и другие деривативы, в свою очередь, служили часто базой для выпуска из их смеси других, синтетических деривативов. Создавалась огромная, в сотни трлн долл. пирамида перераспределения риска (см. табл. 1).

Говорить о том, что подобная пирамида схожа с известными в истории финансовыми пирамидами, было бы неверно. Здесь скорее сходство с пирамидой распределения страховых рисков, состоящей из страховых компаний, которые передают часть своих обязательств другим страховым компаниям-перестраховщикам для распределения страхового риска. Западные банки уже в течение десятилетий перераспределяли свои кредитные риски через выпуск кредитных деривативов, продавая их инвесторам. Как заявил бывший министр финансов США Г. Полсон, без подобной секьюритизации займов «миллионы американцев не могут позволить себе финансирование своих базовых кредитных потребностей»². Опасность разросшейся в США пирамиды деривативов, прежде всего кредитных, состояла скорее в другом – было неясно, насколько прочна эта пирамида. Теперь видно, что ее большая многослойность представляла опасность: слишком зыбкими были некоторые ее основы, в частности ненадежные ипотечные кредиты.

¹ Кредитный дериватив – это финансовый продукт, главная функция которого состоит в переводе кредитного риска с одного лица на другое (Буренин А.Н. Рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов. М., 2009. С. 248).

² Цит. по: Plan C // The Economist. 2008. November 29 – December 5. P. 70.

Быстрому росту этой пирамиды способствовали два фундаментальных обстоятельства – дерегулирование финансовой системы США и стимулирование экономического роста в стране через поощрение потребления (в том числе покупку жилья) всеми способами. Федеральная резервная система (ФРС), как теперь уже ясно, допустила ошибку, спокойно взирая на рост мало-надежных деривативов. Можно высказать предположение, что это было связано со вторым фундаментальным обстоятельством – стимулированием, иногда безоглядным, потребительского спроса как главного мотора американской экономики. Например, администрация США фактически поощряла предоставление нестандартных ипотечных кредитов, принуждая к покупке ненадежных закладных гигантские ипотечные организации – Fannie Mae и Freddie Mac³.

В результате стремительный рост дешевых и часто ненадежных ипотечных кредитов, подстрахованных финансовыми инструментами, привел к перегреву на рынке ипотечного кредитования, а затем и на всем финансовом рынке. Тем не менее рейтинговые агентства вплоть до начала кризиса присваивали этим финансовым инструментам высокие рейтинги.

Перегрев финансовой системы, как теперь видно, поддерживался также большим притоком капитала из-за рубежа и низкими процентными ставками ФРС. А ведь значительная часть ипотечных кредитов выдавалась по фиксированной ставке процентов на первые 2–3 года, а на остальные годы – по плавающей ставке.

Ход кризиса

Повышение (из-за боязни инфляции) ставки ФРС с 1% годовых в 2004 году до 5,25% в середине 2006 года привело к тому, что платежи по значительной части закладных в рамках нестандартных

ипотечных кредитов (а они были привязаны к текущей ставке процента) перестали выплачиваться. Массовые продажи невыкупленных домов привели к снижению цен на жилье и, тем самым, к обесценению закладных, под которые выдавались кредиты, а на их основе затем были выпущены ипотечные облигации.

В результате ипотечные облигации стали обесцениваться, их рынок летом 2007 года начал рушиться, а вслед за ним – обесцениваться активы банков и фондов в США и во всем мире, имевших в своих портфелях подобные облигации. По «плохому» сценарию МВФ, американские и европейские банки могут потерять 10 трлн долл. своих активов. Уже в 2008 году обанкротился инвестиционный банк Lehman Brothers, а банки Bear Stearns и Merrill Lynch были поглощены другими банками.

Это привело к резкому снижению ликвидных средств на финансовом рынке, и банки стали выдавать намного меньше кредитов. Началась цепная реакция, подтвердившая, что кризис на рынке ипотечного кредитования оказался лишь «спусковым крючком» для финансового кризиса в США. Фундаментальной причиной была дешевизна финансовых ресурсов, перегревших финансовый сектор и экономику США в целом.

В свою очередь, финансовый кризис перерос в общеэкономический. Так, из-за сокращения кредита вслед за рынком жилищного строительства начал сокращаться рынок товаров длительного потребления, а затем и другие рынки. Затем стали снижаться потребительские расходы. Падают и инвестиции в основной капитал. В результате возросла безработица – до 6,3–6,5% к концу 2008 года, а к концу 2009 года она, по прогнозу ФРС, достигнет 8,5–8,8%.

³ Taming the Beast // The Economist. 2008. October 11–17. P. 10.

Таблица 2

США: прогнозы на 2009–2010 годы, в %

Источник прогноза	Динамика ВВП в 2008 году	Динамика ВВП в 2009 году	Динамика ВВП в 2010 году
ФРС (февраль 2009 года)	1,1	от -0,5 до -1,3	от +2,5 до +3,3
МВФ (январь 2009 года)	1,1	-1,6	+1,6
ОЭСР (март 2009 года)	1,1	-4,0	0,0

Источник: IMF Note to the Group Twenty Deputies. Executive Summary. January 2009; FRS. Summary of Economic Projections. February 2009; OECD Economic Outlook. An Interim Report. March 31, 2009.

Прогнозы развития кризиса и антикризисная политика администрации США

Согласно февральскому прогнозу ФРС, экономический кризис в США охватит 2009 год и оживление экономики начнется лишь в 2010 году. По мартовскому прогнозу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), падение американского ВВП прекратится лишь в начале 2010 года, а возможно, и позже (табл. 2).

Антикризисная политика американской администрации вначале сводилась к выкупу неликвидных банковских активов, национализации двух ипотечных организаций – Fannie Mae и Freddie Mac – и страховой компании AIG, а также росту страхования депозитов в банках и фондах. Одновременно шло сокращение ставки процента, которая в начале 2009 года была срезана почти до 0%.

В октябре был принят план министра финансов Полсона (Troubled Assets Relief Program), согласно которому Минфин США ассигновал 700 млрд долл. для вливаний в финансовые институты. В ноября 2008 года ФРС объявила о двух новых программах объемом 800 млрд долл. на поддержку ипотеки (600 млрд, включая выкуп

mortgage backed securities на 500 млрд), а также малого бизнеса и потребительского кредитования (200 млрд).

Администрация президента Обамы принимает дополнительные меры по преодолению кризиса общим объемом около 800 млрд долл. В одобренном в марте 2009 года Конгрессом антикризисном плане предусмотрено выделить 212 млрд долл. на налоговые субсидии для бизнеса и физических лиц, 267 млрд – в виде прямых бюджетных вливаний и 308 млрд – в виде бюджетных ассигнований, предназначенных на модернизацию инфраструктуры и научные разработки. ФРС для поддержки ипотечного кредитования и рынка недвижимости планирует выкупить весной-летом этого года ипотечных ценных бумаг на 750 млрд долл., для чего придется резко увеличить выпуск долларов.

Можно сказать, что антикризисная политика США реализуется прежде всего в двух направлениях – повышение ликвидности финансового сектора и поощрение внутреннего спроса.

Возможные последствия кризиса для США

Перерастание финансового кризиса в общеэкономический с сокращением выпуска продукции в реальном секторе ведет к увеличению безработицы – уже

в феврале 2009 года она превысила 8% экономически активного населения.

Значительные государственные расходы на преодоление кризиса способствуют увеличению традиционного для США дефицита госбюджета. По прогнозу ОЭСР, и так уже большой дефицит госбюджета (5,8% ВВП в конце 2008 года) может к концу 2009 года возрасти до 10,2% ВВП. Однако это не ведет к росту инфляции, так как в условиях кризиса цены и скорость оборота денег снижаются, и поэтому инфляция, по прогнозу ФРС, упадет с 3,6% в 2008 году до 0,3–1,0% в 2009 году и 0,9–1,7% в 2010–2011 годах. Более того, возможно, снизится дефицит текущего платежного баланса, поскольку американский экспорт, хоть и медленно, но будет расти, а импорт уже с 2008 года начал абсолютно сокращаться.

Статус резервной валюты, улучшение текущего платежного баланса и замедление инфляции являются факторами, поддерживающими доллар в мире, пораженном кризисом. В противоположную сторону доллар толкают дефицит госбюджета, снижение банковских ставок, спад экономики, а также выкуп Федеральным резервом ипотечных бумаг, однако эти факторы воздействуют и на валюты других центров мирового капитализма. Поэтому можно предположить, что курс доллара вряд ли обвалится по отношению к этим валютам, хотя после упомянутого решения ФРС он несколько снизился.

Воздействие кризиса на российскую экономику

Кризис в экономике России носит экзогенный характер, т.е. принесен извне. Основными каналами воздействия являются отток иностранного капитала (прежде всего с фондового рынка), обострение внешней корпоративной задолженности, падение мировых цен на сырьевые товары (особенно на углеводороды).

Отток иностранного капитала наблюдается с лета 2008 года. Примерно половина вращавшихся на российском фондовом рынке активов приходилась на

нерезидентов, прежде всего американских. Вывод ими средств из-за начавшегося в это время углубления мирового экономического кризиса во многом способствовал падению индекса РТС в 4–5 раз, и в результате стоимость российских ценных бумаг резко упала. С одной стороны, это привело к потере вложенных в эти бумаги банковских активов (по оценке, из-за этого потеряно 10–12% совокупного капитала банковской системы), что сокращает возможности банков для выдачи кредитов. С другой стороны, падение стоимости российских ценных бумаг уменьшает возможности российских корпораций брать в стране и за рубежом кредиты под залог, а также приводит к ситуации, когда ранее выданные банковские кредиты имеют сильно обесценившийся залог. По прогнозу Минэкономки, в 2009 году чистый отток капитала составит рекордную цифру – 90 млрд долл., хотя надо отдавать себе отчет, что в основном это перевод средств внутри России из рублей в инвалюту.

Обострение проблемы внешней задолженности российских корпораций вызвано быстрым ростом этой задолженности в последние три с половиной года: долг со 108 млрд долл. на начало 2005 года вырос до 527 млрд к середине 2008 года (правда, 22% из внешнего долга приходится на долг в рублях). По внешнему долгу предстоит выплатить 121 млрд долл. за весь 2009 год. Если мировые кредитные рынки не откроются вновь для российских компаний, то погашение внешнего корпоративного долга возможно двумя путями – либо через «проедание» национальных валютных резервов (с августа по март 2008 года они сократились почти в полтора раза), либо через сокращение уровня потребления в стране.

Падение спроса и мировых цен на сырье ведет к серьезным потерям экспортных доходов российских компаний и государства (табл. 3).

В условиях остановки мирового спроса на сырье и, главное, резкого падения

Таблица 3

Средние экспортные цены и стоимость экспорта сырой нефти из России

	2001	2005	2007	март 2008	март 2009
Средняя экспортная цена российской нефти сорта Urals, долл./барр.	20,8	45,2	64,3	93,36	43,51
Стоимость экспорта нефти, млрд долл.	24,0	82,4	121,5	–	–

мировых цен на него экспортный фактор российской экономики становится менее весомым. (Вклад только повышения мировых цен на нефть в экономический рост России в середине десятилетия оценивался Всемирным банком примерно в 3 процентных пункта.) В сочетании с падением мировых цен на нефтепродукты, газ, металлы это приводит к резкому снижению темпов роста российского ВВП и увеличению безработицы.

Падение доходов экспортных отраслей ведет также к торможению внутреннего спроса, который во многом «подогревался» притоком нефтедолларов. В результате снижаются не только доходы компаний, но и реальные доходы населения, что сказывается прежде всего

на внутренней торговле, жилищном строительстве и производстве стройматериалов, выпуске товаров длительного пользования.

Прогнозы развития кризиса в России

По февральским и мартовским прогнозам Минэкономки, Минздрава и Минфина России, в 2009 году спад ВВП в нашей стране составит 2,2%, безработица может достигнуть 10–12% экономически активного населения, инфляция даже немного возрастет – до 13–15%. Руководители России повторяют, что кризис может продлиться три года, что можно интерпретировать как то, что в российской экономике оживление начнется лишь в 2010 году.

Таблица 4

Россия: прогнозы на 2009–2010 годы, в %

Источник прогноза	Динамика ВВП в 2008 году	Динамика ВВП в 2009 году	Динамика ВВП в 2010 году
Минэкономразвития РФ (февраль 2009 года)	5,6	-2,2	–
МВФ (январь 2009 года)	6,2	-0,7	1,3
Всемирный банк (апрель 2009 года)	5,6	-4,5	0,0
ОЭСР (март 2009 года)	5,6	-4,0	0,0

Источник: IMF Note to the Group Twenty Deputies. Executive Summary. January 2009; OECD Economic Outlook. An Interim Report. March 31, 2009; [http://www.economy.gov.ru].

На этом мрачном фоне наблюдается стабилизация некоторых экономических показателей с конца зимы этого года. Мировая цена на российскую нефть перестала резко падать и имеет тенденцию к колебанию на уровне 45–55 долл. за баррель, а не ниже, как боялись пессимисты. Отчасти поэтому сальдо текущего платежного баланса за первые два месяца 2009 года оказалось хотя и намного меньшим, но положительным. В результате курс рубля перестал падать и даже начал немного укрепляться, выплата внешнего долга проходит без особых проблем, чистый отток капитала прекратился, биржевые индексы стали расти.

Антикризисная политика правительства России

Как и в США, она вначале сводилась к активной поддержке финансового сектора: ведущим российским банкам были предоставлены очень крупные ссуды, был повышен потолок страхования банковских депозитов физических лиц, выкупались несостоятельные банки, а главное – расширялся поток средств в финансовую систему для смягчения кризиса ее ликвидности. Правительство также обязалось помочь ведущим российским должникам выплатить 50 млрд долл. их внешнего долга.

После этого правительство перешло к поддержке реального сектора: за счет госбюджета выделяются средства для финансирования отдельных отраслей (прежде всего АПК, ВПК, автомобилестроения, жилищного строительства и авиаперевозок), налог на прибыль был снижен с 24 до 20%, увеличен размер амортизационной премии, регионам предоставлено право снижать ставку налога на малый бизнес с 15 до 5%. Уменьшены темпы роста цен в 2009 году на тарифы естественных монополий (кроме электроэнергии). Наконец, составлен список почти 300 «системообразующих» предприятий федерального значения, которым правительство будет оказывать адресную комплексную

поддержку из бюджета и госбанков. Подобные списки составлены и региональными властями.

Еще в ноябре 2008 года антикризисные мероприятия правительства были обобщены в Плане действий, направленных на оздоровление ситуации в финансовом секторе и отдельных отраслях экономики. Были внесены коррективы в бюджет с учетом кризиса и антикризисных мероприятий (по мнению Минфина, федеральный бюджет может быть бездефицитен при цене нефти сорта Urals не ниже 60 долл.).

В марте правительством был принят новый проект федерального бюджета на 2009 год и проект нового антикризисного плана – Программы антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. В проекте бюджета заложен рост расходов и сокращение доходов, что приведет к смене многолетнего профицита бюджета на дефицит в размере 7,4%. Он будет финансироваться в основном за счет Резервного фонда, накопленного в прошлые годы от нефтегазовых доходов страны.

В проекте Программы антикризисных мер подчеркивается, что правительство будет осуществлять свою деятельность, исходя из ряда приоритетов: обязательства государства перед населением будут выполняться в полном объеме, господдержка будет оказываться только эффективным предприятиям, в условиях кризиса важную роль будет играть внутренний спрос со стороны государства (госинвестиции и госзакупки), продолжится поддержка начавшегося в последние годы перехода от «нефтяного» роста к инновационному, будут приняты меры по уменьшению давления на бизнес со стороны чиновников, будет поддерживаться национальная финансовая система. Но львиную долю помощи планирует направить регионам (300 млрд руб., в основном на выполнение ими социальных обязательств), Пенсионному фонду России (340 млрд руб.), компа-

ниям в виде госгарантий по банковским кредитам (300 млрд руб.) и особенно банкам (более 1055 млрд руб. государственных кредитов).

Можно сказать, что антикризисная политика России реализуется прежде всего в трех направлениях – повышение ликвидности финансового сектора, социальная поддержка населения и поддержка ведущих компаний.

Возможные последствия экономического кризиса для России

В отличие от Китая и Индии в России мировой экономический кризис вызывает не замедление экономического роста, а абсолютное сокращение ВВП. Это связано с большей, чем у этих стран, ориентацией России на экспорт сырья, стоимость которого в мире сейчас сильно снизилась. Таким образом, кризис наглядно демонстрирует российскому руководству экономическую слабость страны. Поэтому можно ожидать не только в кризисные, но и в посткризисные годы сильной коррекции экономической политики – возможно, в направлении большей, чем раньше, господдержки работающих на внутренний рынок отраслей, усиления государственного финансирования инновационной деятельности в стране, более серьезной господдержки финансовой системы. В сущности, этот сдвиг и демонстрирует проект Программы антикризисных мер.

Сравнение антикризисной политики двух стран

Схожего в антикризисной политике США и России немало. По мнению МВФ, эти страны являются одними из мировых лидеров по активности антикризисной политики⁴. И США, и Россия стараются прежде всего восстановить ликвидность финансового сектора, для чего не жалеют средств на спасение

банков и других финансовых институтов. Обе страны провели снижение некоторых налогов, правда, в США это были налоги на потребителей, а в России – на производителей.

В то же время велики и различия. Это прежде всего разное отношение к спросу и предложению, а также к ставке банковского процента. Остановимся на этих различиях подробнее.

Антикризисная политика США ориентируется скорее на поощрение спроса, чем предложения. О поощрении спроса уже было сказано выше. Что касается поддержки предложения, т.е. бизнеса, то в США большую тревогу вызывает потенциальная возможность перерастания нынешнего кризиса не в подъем, а в многолетнюю рецессию, как в Японии в 1990–2002 годах (как часто говорят, не U-образный ход кризиса с его сильным обвалом и полноценным восстановлением, а L-образный, предполагающий длительное нахождение «на дне»). Ряд американских экономистов считают одной из главных причин затянувшейся японской рецессии чрезмерную государственную помощь всем пострадавшим от нее компаниям и банкам, как потенциально здоровым, так и безнадежно больным. Идея классика современной экономической науки Й. Шумпетера, что кризис – это созидательное разрушение, в ходе которого экономика оздоравливается, имеет немало приверженцев в США. Отсюда боязнь пойти по «японскому пути», которая отталкивает администрацию и Конгресс от большой помощи компаниям реального сектора. В США считают, что поддержку американским компаниям и так окажет снижение ставки банковского процента, которая упала почти до нулевого уровня.

В России, наоборот, в первую очередь стараются поддержать предложение, причем своеобразным способом, через помощь «системообразующим», т.е. наиболее крупным, компаниям. Хотя рос-

⁴ IMF Note to the Group Twenty Deputies. Executive Summer. January 2009.

сийские банки в условиях кризиса весьма неохотно выдают кредиты, «системообразующим» компаниям открыт первоочередной доступ к кредитам из госбюджета и госбанков.

Примером может быть автомобильная промышленность. Правительство поддерживает спрос на ее продукцию, субсидируя процентную ставку при продаже в кредит 16 марок недорогих автомобилей, произведенных и собранных в России. В результате покупатели экономят от 15 до 35 тыс. руб. при покупке автомобиля. По моим расчетам, подобные государственные траты можно оценить максимум в 10 млрд руб. в 2009 году. В то же время на поддержку ведущей российской автомобильной компании АвтоВАЗ планируется выделить 115 млрд руб. Как заметил один из крупных российских автодилеров, «тех денег, которые государство выделяет на поддержку АвтоВАЗа, всему российскому авторынку могло бы хватить на поддержку продаж до конца кризиса»⁵.

Казалось бы, подобной государственной поддержке компаний противоречит повышение Банком России ставки банковского процента, точнее ставки рефинансирования, до 13%. Но, судя по всему, это вынужденная мера для страны с нестабильной валютой: значительная часть физических и юридических лиц

перевела свои сбережения в доллары и евро, поэтому задача состоит в том, чтобы удержать эти резервы от второго шага – вывода их за рубеж, для чего и используется привлекательная для владельцев банковских депозитов ставка процента. Пострадавшими от такой процентной политики будут не крупные компании (они входят в списки «системообразующих» предприятий), а малый и средний бизнес. Но если наметившееся в начале весны замедление кризиса в России продолжится, то можно надеяться и на постепенное снижение ставки процента.

Таким образом, если обе страны схожи в своей активной поддержке банков (причем США в меньшей степени, т.к. нулевая ставка процента не дает американским банкам хорошей доходности от кредитования), то далее антикризисная политика расходится – в США администрация поддерживает спрос, т.е. преимущественно население, которое и генерирует основную его часть, а в России власть поддерживает прежде всего крупный бизнес и низшие слои населения. В сущности, это разное поведение в условиях кризиса двух национальных социально-экономических моделей – американской модели либерального капитализма и российской модели государственного капитализма.

⁵ Конвейерное отключение // Коммерсантъ. 2009. 3 апреля.

Проблема зомбирования посткоммунистической некрэкономки

Среди множества проблем, вызываемых современным глобальным финансовым кризисом¹, выделяется наступление зомби-фирм на экономику в мировом масштабе². Появились публикации о ее новой области – «зомби-номике» (zombie-nomics)³. Зомбирование экономики создает дополнительные угрозы для посткоммунистических стран, которые в большинстве случаев еще далеки от западных моделей рыночного хозяйствования.

Целью настоящей статьи является выявление основных причин, по которым зомбирование экономики в посткоммунистических странах может привести к более тяжелым последствиям, чем в развитых странах. В этой связи предлагаются некоторые меры, которые необходимо осуществить первой группе стран, особенно в посткризисный период.

Рассмотрение изучаемой проблемы начнем с краткой характеристики, с одной стороны, феномена зомби-экономики, а с другой – основных черт посткоммунистической экономики.

¹ Напр., *Krugman P.* The Return of Depress on Economics and the Crisis of 2008. New York: W.W. Norton & Company, 2008; *Григорьев Л., Салихов М.* Финансовый кризис – 2008: вхождение в мировую рецессию // Вопросы экономики. 2008. № 12.

² *Steppek J.* How Zombie Companies Suck the Life from an economy // MoneyWeek. 2008. November 18 [http://www.moneyweek.com/news-and-charts/economics/how-zombie-companies-suck-the-life-from-an-economy-14089.aspx]; *Willie CB J.* Gold, Zombie Banking System, Lightning, Earthquakes and Hurricanes // The Market Oracle. 2009. January 20 [http://www.marketoracle.co.uk/Article8346.html].

³ *LeLaulu L.* Zombie Economics? // The Development Executive Group. 2009. January 13 [http://www.devex.com/articles/zombie-economics].

Владимер Георгиевич Панава,
доктор экономических наук,
профессор, член-корреспондент НАН
Грузии, Senior Fellow at the Georgian
Foundation for Strategic and
International Studies, главный научный
сотрудник Института экономики
имени Паата Гугушвили;
был министром экономики
(1994–2000) и членом Парламента
Грузии (2004–2008)

Чему учит японский опыт?

Феномен зомби-экономики связан прежде всего с Японией, где он и зародился в 90-х годах прошлого столетия⁴. Основу зомби-экономики составляют неплатежеспособные, фактически обанкротившиеся фирмы, которые несмотря на это продолжают существовать, из-за чего их принято называть «зомби»⁵.

Главным финансовым источником функционирования зомби-фирм является система кредитования⁶. В частности, так называемые зомби-банки предоставляют этим предприятиям кредиты на льготных условиях (например, по заниженным процентным ставкам по сравнению со среднерыночными)⁷. Такие заведомо неоправданные кредиты приводят к очевидным потерям этих банков⁸.

Как же удастся зомби-банкам остаться на плаву? За их спиной, как правило, стоит правительство⁹, которое выдает свои гарантии, осуществляет страхование депозитов, что в итоге приводит к тому, что зомби-банки существуют за счет налогоплательщиков¹⁰. Такая финансовая структура стимулирует превращение «здоровых» фирм в «зомби»¹¹.

Вследствие взаимоотношений зомби-фирм, зомби-банков и правительства и образуется зомби-экономика, которая тяжелым бременем ложится на «здоровую» часть экономики. В частности, существование зомби-фирм, обеспеченных льготными кредитами со стороны зомби-банков, ограничивает возможность появления на рынке новых «здоровых» фирм¹², которым кредиты приходится брать по более высоким процентным ставкам¹³. К тому же из-за льготного кредитования зомби-фирмам в конкурентной борьбе легче понижать цены¹⁴ и повышать зарплату своим работникам¹⁵. А препятствование доступу на рынок «здоровых», т.е. более эффективных, фирм в итоге понижает эффективность всей экономики¹⁶.

Зомби-экономика корнями уходит в финансовый кризис¹⁷. Как известно, в условиях стагнации происходит застой производства и торговли на протяжении относительно длительного периода, что сопровождается увеличением численности безработных, снижением заработной платы и уровня жизни населения. От правительства, как правило, требуют вывода экономики из этого состояния, и оно путем бюджетного фи-

⁴ Напр., *Hoshi T.* Economics of the Living Dead // The Japanese Economic Review. 2006. Vol. 57. No. 1.

⁵ Напр., *Zombie* // [http://www.investorglossary.com/zombie.htm].

⁶ *Caballero R.J., Hoshi T., Kashyap A.K.* Zombie Lending and Depressed Restructuring in Japan // NBER Working Paper 12129. 2006; *Smith D.C.* Loans to Japanese Borrowers // Japanese International Economies. 2003. Vol. 17. No. 3.

⁷ Там же; *Hoshi T., Kashyap A.* Solutions to Japan's Banking Problems: What Might Work and What Definitely will Fail // Ito T., Patrick H., Weinstein D.E. (eds.) Reviving Japan's Economy: Problems and Prescriptions. Cambridge: The MIT Press, 2005.

⁸ *Ahearn A.G., Shinada N.* Zombie Firms and Economic Stagnation in Japan // International Economics and Economic Policy. 2005. Vol. 2. No. 4. P. 368.

⁹ *Kane E.J.* The Dialectical Role of Information and Disinformation in Regulation-induced Banking Crises // Pacific-Basin Finance Journal. 2000. Vol. 8. Issue 3–4. P. 301.

¹⁰ *Kane E.J.* Capital Movements, Banking Insolvency, and Silent Runs in the Asian Financial Crisis // Pacific-Basin Finance Journal. 2000. Vol. 8. Issue 2. P. 164.

¹¹ *Hoshi T.* Op. cit. P. 40.

¹² Op. cit. P. 33.

¹³ *Caballero R., Kashyap A.K.* Japan's Indian Summer // The Wall Street Journal. 2002. July 18 [http://faculty.chicagogsb.edu/anil.kashyap/research/awsj.pdf].

¹⁴ *Smith D.C.* Op. cit. P. 288.

¹⁵ *Hoshi T.* Op. cit. P. 33.

¹⁶ *Ahearn A.G., Shinada N.* Op. cit. P. 364.

¹⁷ *Hoshi T., Kashyap A.K.* Japan's Economic and Financial Crisis: An Overview // The Journal of Economic Perspectives. 2004. Winter [http://faculty.chicagogsb.edu/anil.kashyap/research/japancrisis.pdf]; *Ahearn A.G., Shinada N.* Op. cit.

нансирования старается поддержать на плаву банковскую, да и всю хозяйственную систему страны.

После завершения финансового кризиса нежизнеспособная часть экономики пытается сохранить финансовую поддержку со стороны государства, которой она пользовалась в условиях стагнации. Таким образом, можно констатировать, что зомби-экономика является наследством финансового кризиса.

Необходимо подчеркнуть, что феномен зомби-экономики характерен не только для стран с развитой рыночной экономикой, таких как Япония¹⁸, но и для развивающихся стран¹⁹.

О корнях и сущности некроэкономики

Опыт многих посткоммунистических стран показывает, что мертвые фирмы в них вполне «успешно» функционируют и безотносительно финансовых кризисов. Объяснение этому надо искать в одной из главных особенностей командной экономики, связанной с качеством ее материально-технической базы.

Отрицание конкуренции в командной экономике уничтожило единственный действенный стимул ее развития, в результате чего, как правило, производилась низкокачественная продукция, цена которой была искусственно занижена за счет дотаций из государственного бюджета. В СССР основным источником поступлений в государственный бюджет была выручка от продажи алкогольных напитков, а практически единственным стабильным каналом получения иностранной валюты являлся экспорт сырья (прежде всего нефти).

После крушения командной экономики за редким исключением (в частности, некоторых объектов гидроэнергетики, нефте- и газодобычи и первичной переработки сырья) продукция, произведенная в посткоммунистических странах, из-за ее низкого качества или (и) дороговизны оказалась неконкурентоспособной как не отвечающая международным стандартам. Рынка для этой продукции не существует и в принципе не может существовать. Экономику такого типа можно назвать мертвой, т.е. некроэкономикой²⁰, а теорию, изучающую ее, – некроэкономической теорией, некроэкономиксом²¹.

Наиболее «приближенным» к понятию «некроэкономики» является понятие «виртуальной экономики»²².

Оставшуюся жизнеспособную часть экономики мы условно назовем витальной экономикой, или витаэкономикой, а теорию, изучающую ее, – витаэкономической теорией, витаэкономиксом, что по своему содержанию есть не что иное, как экономическая теория (экономикс) в общепринятом понимании.

Что общего между некроэкономикой и витаэкономикой, и чем они отличаются?

В некроэкономике, так же как и в витаэкономике, можно производить продукт, т.е. может иметь место предложение, но в отличие от витаэкономике на него нет никакого спроса (из-за низкого качества или (и) дороговизны). Следовательно, некроэкономика исключает любой рациональный акт купли-продажи, равно как и существование равновесной цены.

По здравому смыслу мертвый сегмент экономики не должен иметь никакого

¹⁸ Напр., *Holle P.* The Evolution of a Zombie Economy // The Frontier Centre For Public Policy. 2005. March 15 [http://www.fcpp.org/main/publication_detail.php?PubID=979].

¹⁹ Напр., *Kane E.J.* Capital Movements, Banking Insolvency, and Silent Runs in the Asian Financial Crisis.

²⁰ *Папава В.* Некроэкономика – феномен посткоммунистического переходного периода // Общество и экономика. 2001. № 5.

²¹ *Papava V.* Necroeconomics – the Theory of Post-Communist Transformation of an Economy // International Journal of Social Economics. 2002. Vol. 29. No. 9/10; *Papava V.* Necroeconomics: The Political Economy of Post-Communist Capitalism. New York: iUniverse, 2005.

²² *Gaddy C., Ickes B.* A Russia's Virtual Economy. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2002.

влияния на ее живую часть. Согласно экономической теории, в рыночных условиях так и должно происходить: неконкурентоспособное производство «исчезает», не создавая проблем для остальной части экономики. Именно этим можно объяснить ограниченность ареала исследований экономической теории проблемами той рыночной экономики, в которой существование некропредприятий отрицается. В действительности все намного сложнее.

В частности, в странах, находящихся в процессе посткоммунистической трансформации, а также в странах посткоммунистического капитализма некроэкономика сформировалась на основе материально-технической базы командной экономики.

Посткоммунистическая экономика состоит из следующих групп некроэкономики и витаэкономики:

- (1) некроэкономика в государственном секторе;
- (2) витаэкономика в государственном секторе;
- (3) приватизированная некроэкономика;
- (4) приватизированная витаэкономика;
- (5) витаэкономика, созданная за счет новых частных инвестиций.

В первую группу, как правило, входят крупные и средние объекты обрабатывающей промышленности, которые исходя из предназначения видов продукции, производимых в них, оценены как стратегические, хотя из-за ее неконкурентоспособности эти предприятия в условиях рынка являются мертвыми.

Основу витаэкономики, находящейся в государственном секторе, составляют преимущественно предприятия энергетики (прежде всего по производству и передаче электроэнергии, добыче и предложению нефти и газа), транспорта и связи. В случае их приватизации они переходят в четвертую группу – приватизированную витаэкономику. Вторая группа также может включать

некоторые средние и малые объекты промышленности (до их приватизации).

В третью группу входят предприятия из первой группы после их приватизации. Изменение формы собственности само по себе вовсе не означает «оживления» этих предприятий: состояние «покойника» не меняется от того, чьим он является – государства или частной фирмы. Игнорирование этого факта и служит основной причиной дискредитации приватизации, когда ей, особенно на начальной стадии, безотносительно и изолированно от процесса инвестирования вменялась функция возрождения таких предприятий независимо от того, в каком состоянии находилось каждое из них.

Последняя, пятая группа охватывает наиболее «здоровую» часть посткоммунистической экономики, которая является вновь созданной по рыночным принципам за счет частных инвестиций.

Сестры, но не родные!

На первый взгляд может показаться, что некроэкономика и зомби-экономика – это два разных термина для обозначения одного и того же явления – мертвой экономики, которая продолжает функционировать несмотря на такое ее состояние. В действительности их сходство тем и ограничивается, что обе они характеризуют наличие мертвой экономики. Различия же между ними куда более существенны.

Прежде всего, они зародились в качественно отличающихся друг от друга экономических системах: некроэкономика – в недрах командной, а зомби-экономика – в недрах рыночной экономики. При этом первая фактически не связана с финансовым кризисом, в то время как вторая является непосредственным его продуктом.

Кроме того, в существовании зомби-фирм, как было отмечено выше, особую роль играют зомби-банки, в то время как субъекты некроэкономики стараются функционировать за счет механизмов поддержки из государственного бюджета.

та путем получения дотаций или налоговых освобождений.

К числу различий между некроэкономикой и зомби-экономикой надо отнести и то, в каких отраслях они чаще всего встречаются. Так, некроэкономика преимущественно охватывает крупные и средние объекты обрабатывающей промышленности, в то время как зомби-фирм, как показывает японский опыт²³, в этой отрасли практически нет. При этом чем крупнее предприятие обрабатывающей промышленности в посткоммунистических странах, тем больше вероятность, что оно является частью некроэкономики, тогда как в той же Японии зомби-фирм нет в числе крупных предприятий, ибо они имеют большие финансовые возможности. Зомби-фирмы чаще всего встречаются среди относительно крупных малых предприятий²⁴.

Немаловажно заметить, что если в обычные времена Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк настаивают на том, чтобы в посткоммунистических странах были прекращены дотации из государственного бюджета и исключены какие-либо налоговые освобождения, то в условиях финансовых кризисов начинает работать система лоббирования, направленная на то, чтобы эти институты финансово поддержали национальные правительства в осуществлении программ льготного кредитования²⁵.

Таким образом, можно сделать заключение, что некроэкономика и зомби-экономика – это два родственных, но все же в значительной степени отличающихся феномена. Иначе говоря, они «сестры, но не родные»!

К сожалению, перечисленные различия между этими явлениями далеко не всегда принимаются во внимание, и в некоторых исследованиях изучение проблем мертвых предприятий в посткоммунистических странах (чаще всего на примере Китая и России) проводится не в контексте некроэкономики, а в контексте зомби-экономики²⁶.

Почему некроэкономика и зомби-экономика остаются «живучими», и как от них избавиться?

Ответ на вопрос о том, что обуславливает относительно стабильное существование некроэкономики и зомби-экономики, можно найти, обратившись к эволюционной теории экономических изменений²⁷. Основным «инструментом» этой теории является понятие «рутины» («routines»), под которой подразумеваются сложившиеся правила и способы поведения фирм, которые регулируют их воспроизводство.

Именно рутина, сформировавшаяся в течение многих десятилетий в недрах командной экономики, заставляет мертвые предприятия в посткоммунистических странах работать в уже несуществующем режиме командной экономики. Вследствие этого при отсутствии специальной государственной поддержки их склады заполняются неконкурентной продукцией, а из-за принципиальной невозможности ее реализации накапливаются неплатежи заработной платы, практически безнадежные долги государственному бюджету, социальным фондам, энергетическому сектору, дру-

²³ Hoshi T. Op. cit.

²⁴ Op. cit.

²⁵ Kane E.J. Capital Movements, Banking Insolvency, and Silent Runs in the Asian Financial Crisis. P. 163; Kane E.J. The Dialectical Role of Information and Disinformation in Regulation-induced Banking Crises. P. 288.

²⁶ Напр., Lindsey B. Against the Dead Hand: The Uncertain Struggle for Global Capitalism. New York: John Wiley & Sons, Inc., 2002. P. 126, 153; Kane E.J. The Dialectical Role of Information and Disinformation in Regulation-induced Banking Crises. P. 300–301; Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge: The MIT Press, 2000. P. 106–107.

²⁷ Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. Москва: ЗАО «Финстатинформ», 2000.

гим предприятиям. В результате создается запутанная сеть взаимной задолженности предприятий²⁸.

Согласно традициям, установившимся в командной экономике, когда предприятие накапливало долги (в том числе и осознанно), его директор ставил в вышестоящих государственных органах (руководящих структурах коммунистической партии, Госплана, Министерстве финансов) вопрос об их списании и, как правило, достигал цели. При существовании практически неограниченной (точнее, гарантированной) возможности списания долгов их накопление не воспринималось руководством предприятий как опасное. Данный механизм списания долгов и есть та закрепившаяся рутина, которая, к сожалению, периодически проявляется в странах посткоммунистического капитализма в различных вариациях «налоговой амнистии»²⁹.

Что же касается рутины зомби-экономики, то она складывается в условиях финансовых кризисов, когда налаживаются взаимоотношения между правительством и банками для поддержки неприбыльных фирм с целью избежания более значительного спада экономики и роста безработицы. При относительно продолжительной стагнации эти взаимоотношения перерастают в правила и способы поведения фирм, которые регулируют воспроизводство этого поведения, т.е. в соответствующую рутину. Здесь важно отметить длительность стагнации как необходимое условие для того, чтобы определенная рутина успела сформироваться.

После завершения финансового кризиса эта рутина и обеспечивает существование зомби-экономики, так как ни одно правительство не захочет как минимум увеличения безработицы, которая очевидным образом вырастет в случае закрытия зомби-фирм, ибо

«здоровые» фирмы не смогут мгновенно отреагировать на прекращение существования зомби-фирм и оперативно создать новые рабочие места³⁰.

Отрицательное влияние некроэкономики и зомби-экономики на развитие соответствующих стран не вызывает сомнения. Следовательно, необходимо выявить и задействовать тот механизм, с помощью которого можно будет от них избавиться.

Ключ к решению проблемы некроэкономики лежит в вышеупомянутой эволюционной теории экономических изменений.

Особого внимания со стороны государства требует пятая группа фирм посткоммунистической экономики – частный сектор, созданный исключительно за счет частных инвестиций. Государство должно содействовать его укреплению и расширению, заботиться о создании такой стабильной политической и макроэкономической среды, в которой с помощью частных инвестиций будут возникать новые фирмы. Нужно учитывать, что рутина, сформировавшаяся в этой группе фирм, носит рыночный характер и, таким образом, никакой некроэкономической опасности для общества не представляет.

Основным приоритетом экономической политики посткоммунистического государства должно стать сужение ареалов первой и третьей групп за счет повсеместного расширения пятой группы. В частности, из-за того, что формирование фирм пятой группы происходит по принципам витаэкономики, соответствующая им рутина при потере конкурентоспособности такой фирмы должна обеспечить ее относительно безболезненный «уход» с арены.

Что же касается второй и четвертой групп, то независимо от того, принадлежит ли конкретное предприятие все еще

²⁸ Напр., *Ослунд А.* Россия: рождение рыночной экономики. Москва: Республика, 1996. С. 256–264; *он же.* Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока. Москва: Логос, 2003. С. 363–369, 478–480, 484–486.

²⁹ Напр., *Николаев И.* Перспективы налоговой амнистии в России // *Общество и экономика.* 2002. № 6; *Шульга И.* Опыт налоговой амнистии в Казахстане // *Общество и экономика.* 2002. № 6.

³⁰ Напр., *Caballero R., Kashyap A.K.* Op. cit.; *Lindsey B.* Op. cit. P. 235.

государству или уже приватизировано, оно безотлагательно требует привлечения новых инвестиций за счет продажи соответствующей доли собственности или, по крайней мере, путем передачи права управления на долгосрочный период стратегическому инвестору. В противном случае значительно повышается вероятность того, что витаэкономика из второй и четвертой групп перерастет в некроэкономику, соответственно первой и третьей групп.

Как отмечалось выше, приватизация не приводит автоматически к уничтожению некроэкономики. Следовательно, для обеспечения функционирования стратегических по своему назначению предприятий из первой группы у государства есть только один выход: проведение открытого (в том числе международного) тендера с целью выявления стратегического инвестора, которому конкретный мертвый объект будет передан для начала нового производства в его стенах.

Абсолютно никакой перспективы нет у третьей группы – приватизированной некроэкономики. Подавляющую часть ее материально-технической базы можно назвать разве что металлоломом.

Теоретически ясно, что действенный механизм уничтожения некроэкономики непосредственно связан с законодательством о банкротстве. Опыт многих посткоммунистических стран показывает, что, хотя в них и имеется официально принятое законодательство о банкротстве, соответствующие законы, к сожалению, являются мертворожденными³¹, т.е. некрозаконами, ибо фактическое банкротство предприятий, как правило, не оформляется юридически. В этих странах широко

распространено всяческое препятствование задействию законодательства о банкротстве, что во многом объясняется и тем, что оно не «вписывается» в институциональную среду, существующую в той или иной стране.

То, что происходит с законом о банкротстве, например, в Грузии, отягченной значительным бременем некроэкономики³², наглядно подтверждает, что многие новые институты в посткоммунистических странах создаются по западным образцам путем их сознательной непосредственной имитации³³.

Законодательство о банкротстве также является действенным инструментом в борьбе против зомби-фирм и зомби-банков. К сожалению, приходится констатировать, что в развитых странах в этой сфере дела обстоят не лучшим образом, чем в посткоммунистических. В частности, явно наблюдается тенденция усложнения юридического оформления фактического состояния банкротства³⁴.

О носителях рутин некроэкономики и зомби-экономики

Рутин, воспроизводящая некроэкономику, обусловлена поведением человека, который находится в процессе перехода от сформировавшегося в условиях командной экономики типа *homo soveticus* (т.е. человека, подавленного государством и полностью зависимого от него)³⁵ к типу *homo economicus* (т.е. человеку, характерному для рыночной системы, побудительными мотивами которого являются достижение максимальной полезности в домашнем хозяй-

³¹ Sánchez-Andrés A., March-Poquet J. M. The Construction of Market Institutions in Russia: A View from the Institutionalism of Polanyi // Journal of Economic Issues. 2002. Vol. XXXVI. No. 3.

³² Папава В., Токмазишвили М. Фундамент некроэкономики и развитие деловой активности в постреволюционной Грузии // Кавказ & Глобализация. 2007. Т. 1 (4).

³³ Шаванс Б., Маньян Э. Постсоциалистические траектории и западный капитализм // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 12.

³⁴ Напр., Cussen M.P. Changing the Face of Bankruptcy // Investopedia [http://www.investopedia.com/articles/pf/08/bankruptcy-act.asp?partner=NTU].

³⁵ Напр., Бузгалин А.В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономии. Москва: Таурус, 1994. С. 250–253.

стве и получение максимальной прибыли в фирме), с учетом всех изменений, которым подверглась эта категория в послесмитовскую эпоху³⁶.

Согласно Л. Абалкину, «в целом для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией индивидуума, создания социально-политических и духовно-нравственных начал развития инициативы и предпринимательской этики». Неудивительно, что «отрицание концепции “экономического человека” и попыток рассматривать его изолированно от общества, от среды его обитания можно считать отличительной чертой российского мировоззрения». Если к сказанному добавить, что «... В.И. Ленин с его учением ... воспроизводит традиции отечественной экономической мысли»³⁷, то, исходя из данной постановки вопроса, придется признать, что *homo soveticus* зародился в недрах российского мировоззрения. Об условности данного утверждения свидетельствует очевидным образом доказываемая мысль о том, что представление о российском обществе как исключительно коллективистском, соборном и общинном – не более чем миф³⁸.

Тип человека, осуществляющего процесс посткоммунистической трансформации, иначе говоря «главный герой» посткоммунистического капитализма,

квалифицирован нами как *homo transformaticus*, т.е. человек, который не смог полностью освободиться от страха перед государством и от привычки существования за его счет, хотя в то же время он постепенно начинает действовать исходя из своих частных интересов достижения максимальной полезности и прибыли³⁹.

Следуя концепции «человека приспособленного» (*homo adapticus*) Ю. Левады⁴⁰, можно утверждать, что *homo transformaticus* – это человек, который постепенно приспосабливается к имманентным правилам рыночной экономики, сам при этом участвуя в их формировании и развитии.

В бизнесе *homo transformaticus* приобретает особенную форму, корни его уходят в командную экономику.

Даже в условиях командной экономики рыночные отношения не были на сто процентов исключены. Однако они были настолько подавлены государством, что существовали лишь в «теневом» секторе⁴¹. Ни один директор (за редким исключением) не мог руководить предприятием, не нарушая законы, установленные существующим режимом. В отдельных случаях имело место использование элементов рыночной экономики. Эта деятельность относилась к «теневому» сектору, а ведущих ее руководителей предприятий называли «теневиками»⁴². Несмотря на это, в условиях командной экономики они не

³⁶ Напр., Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 1998. С. 57–201; Букина М.К., Семенов А.М. Экономический человек. Москва: Дело, 2000.

³⁷ Абалкин Л.И. Поиск самоопределения. Отечественная школа экономической мысли на рубеже веков // Независимая газета – Политэкономика (Приложение к «НГ»). 2000. 5 ноября. № 15 (56) [http://politeconomy.ng.ru/territories/2000-11-05/1_search.html].

³⁸ Паин Э.А. «Особый путь России»: инерция без традиций // Препринт WP14/2008/01. Москва: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2008. С. 18.

³⁹ Панава В. Доктрина рыночного равенства: вопросы теории и ее приложения к процессу посткоммунистической трансформации // Общество и экономика. 1999. № 12; Panova V. The Georgian Economy from «Shock Therapy» to «Social Promotion» // Communist Economies & Economic Transformation. 1996. Vol. 8. No. 8.

⁴⁰ Левада Ю.А. «Человек приспособленный». Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. Сентябрь – октябрь. № 5 (43) [<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/12/02/0000296966/02levada-7-17.pdf>].

⁴¹ Напр., Шохин А.Н. Социальные проблемы Перестройки. Москва: Экономика, 1989. С. 57–83.

⁴² Напр., Самсин А.И. Основы философии экономики. Москва: Юнити, 2003. С. 184.

стали и не могли стать предпринимателями рыночного типа, ибо их поведение было сковано политическим прессом коммунистического режима. Недаром директора предприятий, использовавшие элементы рыночного поведения, назывались не «предпринимателями»⁴³, а «дельцами».

После крушения командной экономики бывшие дельцы в большинстве случаев сумели сохранить за собой места директоров в государственном секторе⁴⁴, а при его приватизации воспользовались правами трудовых коллективов и стали собственниками соответствующих предприятий⁴⁵. Независимо от того, нанимали они менеджеров или нет, в основе управления этими предприятиями, особенно в начале постприватизационного периода, лежала система мышления дельца⁴⁶.

Как *homo transformativus* – это еще не *homo economicus*, так и бывшие дельцы не могли превратиться в предпринимателей. *Homo transformativus* в предпринимательской сфере приобретает «титл» постдельца⁴⁷.

Именно постдельцы стоят «за спиной» некроэкономики как в государственном, так и в частном секторе, именно они являются «инициаторами» поведения, ответственного рутине командной экономики. Постдельцы, используя старые «связи», проникают в государственные структуры (как в парламент, так и в пра-

вительство) и своим влиянием стараются политически оправдать и продлить существование некроэкономики⁴⁸.

Ключ к пониманию рутины зомби-экономики дает теория общественного выбора Дж. Бюкенена, согласно которой политика трактуется как особая разновидность рынка⁴⁹. В условиях финансовых кризисов вырабатывается такая экономическая политика, которая, с одной стороны, высшей целью правительства провозглашает вмешательство в экономику с целью ее вывода из кризисной ситуации, а с другой – способствует реализации частных интересов тех экономических субъектов, которые из-за кризиса оказались на грани банкротства.

Как было отмечено выше, рутинная зомби-экономика является продуктом рыночной экономики, переживающей финансовый кризис. Следовательно, носитель этой рутины – не просто *homo economicus*, а его мутант, который сформировался в процессе приспособления к деформированным из-за финансового кризиса условиям функционирования рыночной экономики. Такого мутанта, по нашему мнению, наиболее точно характеризует термин *zombie economicus*⁵⁰.

В отличие от уже сформировавшегося типа человека *zombie economicus*, *homo transformativus* находится в процессе адаптации к рыночной экономике, то есть пока еще не сформировался.

⁴³ Экономика СССР характеризовалась как «хозяйство без предпринимателя» (*Лис Г.К.* Предприниматель. Frankfurt a. Main: Посев, 1992. С. 119).

⁴⁴ *Åslund A.* Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2007. P. 137–140.

⁴⁵ *Ослунд А.* «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8.

⁴⁶ Напр., *Некителов А.* Проблемы управления экономикой в трансформируемом обществе // Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Книга 1: Трансформация постсоциалистического общества. Под ред. К.И. Микульского. Москва: Экономика, 2003. С. 127.

⁴⁷ *Papava V., Khaduri N.* On the Shadow Political Economy of the Post-Communist Transformation. An Institutional Analysis // Problems of Economic Transition. 1997. Vol. 40. No. 6.

⁴⁸ Схожая ситуация с участием *homo transformativus*-а создается в социальном секторе (см.: *Кук Л.Дж.* Политика, приватизация и информализация в ходе реформирования постсоветского социального государства // Вестник Института Кеннана в России. 2008. Вып. 13).

⁴⁹ *Бюкенен Дж.* Конституция экономической политики // Бюкенен Дж. Сочинения. Москва: Таурус Альфа, 1997.

⁵⁰ *Papava V.* Is Zombie Economicus Coming? // The Market Oracle. 2009. February 07 [http://www.marketoracle.co.uk/Article8736.html].

В связи с этим встает вопрос о том, насколько возможно в современных кризисных условиях формирование из *homo transformaticus-a zombie economicus-a*.

Есть ли угроза зомбирования некроэкономики?

В условиях современного глобального финансового кризиса многие страны прибегают к специальным правительственным программам помощи частным финансовым институтам, а порой и некоторым фирмам реального сектора⁵¹, что создает угрозу формирования рутины зомби-экономики. Эта угроза может стать вполне реальной, если кризис будет настолько продолжительным, что рутина зомби-экономики успеет сложиться.

Несколько лет назад существование феномена зомби-экономики в США наотрез отрицалось⁵², но в последнее время из-за финансового кризиса все чаще говорится об опасности появления зомби-фирм⁵³. Тем не менее и сегодня эта проблема нередко игнорируется⁵⁴. Вместе с тем правительственная программа финансовой поддержки совершенно

справедливо квалифицируется как зомби-программа, а казначейству США присваивается статус матери зомби-экономики⁵⁵. Необходимо подчеркнуть, что в США первые признаки движения в сторону зомбирования банковского сектора появились задолго до начала современного финансового кризиса, когда правительство путем субсидирования стимулировало страховку ипотечных кредитов банков для низкодоходных слоев населения, которые не удовлетворяли общепринятых банковских требований⁵⁶. При этом важно учитывать, что в основе этого кризиса лежат психологические факторы – привычка американцев брать в долг, не будучи уверенными в способности его погасить⁵⁷.

Опасность формирования зомби-экономики стала реальной и для Канады⁵⁸ и некоторых стран ЕС⁵⁹.

В странах посткоммунистического капитализма финансовый кризис также способствует разработке правительственных программ, которые основываются на государственной финансовой поддержке бедствующих банков и фирм⁶⁰. Активизировались проекты создания специальных государственных институтов (банков) с целью осуществления

⁵¹ May В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 22–23.

⁵² Bonner W., Wiggan A. Financial Reckoning Day: Surviving the Soft Depression of the 21st Century. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2003. P. 120.

⁵³ Coy P. A New Menace to the Economy: 'Zombie' Debtors // BusinessWeek. 2009. January 15 [http://www.businessweek.com/magazine/content/09_04/b4117024316675.htm]; Krugman P. Wall Street Voodoo // The New York Times. 2009. January 18 [http://www.nytimes.com/2009/01/19/opinion/19krugman.html?_r=2&partner=rssnyt&emc=rss].

⁵⁴ Krugman P. The Big Dither // The New York Times. 2009. March 5 [<http://www.nytimes.com/2009/03/06/opinion/06krugman.html>].

⁵⁵ Kunstler J.H. The Inevitable Fate of Our 'Zombie' Economy // Contrarian Stock Market Investing News. 2008. November 28 [<http://www.contrarianprofits.com/articles/the-inevitable-fate-of-our-zombie-economy/9233>].

⁵⁶ Holmes S.A. Fannie Mae Eases Credit to Aid Mortgage Lending // The New York Times. 1999. September 30 [<http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9c0de7db153ef933a0575ac0a96f958260&sec=&spon=&pagewanted=all>].

⁵⁷ Ольсевич Ю. Психологические аспекты современного экономического кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 44.

⁵⁸ Poschmann F. Beware of Zombies // Financial Post. 2009. January 26 [<http://network.nationalpost.com/np/blogs/fpcomment/archive/2009/01/26/beware-of-zombies.aspx>].

⁵⁹ Kelly M. // Machine Nation. 2008. October 28 [<http://machination.forumakers.com/economy-business-and-finance-f8/morgan-kelly-our-zombie-nation-and-zombie-banks-t1496.htm#43586>]; Schnittger F. // European Tribune. 2009. January 14 [<http://www.eurotrib.com/?op=displaystory;sid=2009/1/14/113437/798>].

⁶⁰ Напр., Илларионов А. Природа российского кризиса // Институт экономического анализа. 2008. 2 октября [<http://www.iea.ru/macroeconom.php?id=8>].

долгосрочного льготного кредитования и инвестирования⁶¹.

Несмотря на то, что экономической теорией и мировым опытом давно доказан пагубный характер государственного льготного кредитования экономики⁶², и развитые, и посткоммунистические страны вновь и вновь прибегают к этому инструменту противостояния финансовому кризису. А это, в конечном счете, способствует формированию рутины зомби-экономики.

Современный финансовый кризис особо актуализировал принцип «приватизации прибылей и национализации убытков»⁶³.

Если над развитыми странами в условиях кризиса нависла реальная угроза зомбирования экономики, то для стран посткоммунистического капитализма эта угроза еще более отягощена из-за некроэкономики. Не было никакого сомнения, что многие российские (и не только) компании в случае наступления кризиса окажутся неспособными самостоятельно расплатиться с долгами без государственной помощи⁶⁴.

То, что в период финансового кризиса некроэкономика дает о себе знать в значительном спаде промышленного производства, вовсе неудивительно, если вспомнить характер материально-технической базы некроэкономики, сосредоточенной именно в промышленности⁶⁵. Да и постдельцы продолжают

действовать в привычном духе, давая взятки государственным чиновникам для получения относительно «дешевой» финансовой поддержки⁶⁶.

Во времена отсутствия кризисных явлений в крупных странах проблема некроэкономики ощущается менее остро, чем в относительно малых. В масштабных экономиках у некропредприятий, получающих поддержку правительства, есть возможность конкурировать между собой⁶⁷, что создает иллюзию отсутствия некроэкономики. В небольших же странах у многих некропредприятий внутренних аналогов просто нет⁶⁸.

Это различие между большими и малыми странами влияет и на государственную политику поддержки некроэкономики. В частности, иллюзия отсутствия некроэкономики из-за внутренней конкуренции в значительной степени тормозит процесс избавления крупных стран от некроэкономики. Отсутствие же аналогов тех или иных некропредприятий делает невозможной внутригосударственную конкуренцию, в результате чего у малых стран имеется больше стимулов для избавления от некроэкономики, хотя они не всегда используют надлежащим образом⁶⁹.

В условиях финансового кризиса у правительств посткоммунистических стран все меньше и меньше возможностей сохранения иллюзии отсутствия некроэкономики, и поэтому неудивитель-

⁶¹ Напр., Данилишин Б. Экономика Украины: жизнь после кризиса? // Зеркало недели. 2009. 17–23 января. № 1 (729) [<http://www.zn.ua/2000/2020/65131/>].

⁶² Напр., Хэзлитт Г. Типичные ошибки государственного регулирования экономики. Москва: Серебряные нити, 2000. С. 22–28.

⁶³ Мау В. Указ. соч. С. 10.

⁶⁴ Там же. С. 5.

⁶⁵ Илларионов А. Ноябрьский спад промышленного производства – катастрофа, которая усугубляется действиями властей // Институт экономического анализа [<http://www.iea.ru/macroeconom.php?id=14>]; Илларионов А. Это – катастрофа. Беспрецедентный промышленный спад ноября // Институт экономического анализа [http://www.iea.ru/econom_rost.php?id=26].

⁶⁶ Мау В. Указ. соч. С. 16.

⁶⁷ Напр., Schaffer M., Kuznetsov B. Productivity // R.M. Desai, I. Goldberg (eds.). Can Russia Compete? Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.

⁶⁸ Напр., Папава В., Беридзе Т. Очерки политической экономии посткоммунистического капитализма (опыт Грузии). Москва: Дело и Сервис, 2005.

⁶⁹ Папава В., Токмазишвили М. Указ. соч.

но, что налицо катастрофический спад промышленности.

Поскольку финансовые кризисы и создают плодотворную почву для формирования рутины зомби-экономики, т.е. зомбирования экономики, в странах посткоммунистического капитализма происходит также и зомбирование некроэкономики. В то время как зомби-экономика, как показывает японский опыт, не коснулась обрабатывающей промышленности, некроэкономика сосредоточена именно здесь. Таким образом, речь идет о зомбировании и так мертвой отрасли.

В России первые симптомы зомбирования некроэкономики появились во времена августовского кризиса 1998 года, что и дало основания для выводов о возникновении феномена посткоммунистической зомби-экономики⁷⁰. Современный же кризис в России под воздействием как внутренних, так и внешних факторов может иметь куда более затяжной характер, из-за чего и его последствия могут оказаться куда более серьезными.

Прежде всего этот процесс может привести к тому, что вместо формирования из *homo transformativus*-а *homo economicus*-а, мы получим *zombie economicus*-а, что сделает еще более сомнительным экономическое будущее посткоммунистических стран.

Вместо заключения, или что делать, чтобы остаться оптимистом?

Полученные в наследство от командной экономики мертвые предприятия оказались достаточно «живучими», в результате чего рыночное хозяйство многих посткоммунистических стран отягчено грузом некроэкономики. Именно некроэкономический фундамент и определяет специфику посткоммунистического капитализма. Носителем же рутины некроэкономики является *homo transfor-*

maticus – человек, трансформирующий экономику и все общество в направлении капиталистических ценностей и при этом сам трансформирующийся в том же направлении.

Феномен мертвой части экономики не чужд и некоторым развитым странам: финансовые кризисы способствовали формированию рутины, которая обеспечивает стабильность правительственной поддержки через банковскую систему фактически обанкротившихся фирм. В результате создается сеть зомби-банков и зомби-фирм, которая и образует систему зомби-экономики.

В отличие от некроэкономики, носителем рутины которой является еще не сформировавшийся человек, носителем рутины зомби-экономики выступает уже не человек, а зомби – *zombie economicus*.

В условиях современного финансового кризиса угроза зомбирования экономики резко возрастает и для тех развитых стран, которым до последнего времени удавалось этого избежать.

Зомбирование экономики представляет еще большую опасность для посткоммунистических стран, ибо в этом случае произойдет зомбирование и некроэкономики тоже, что в значительной степени усложнит их оздоровление в посткризисный период.

Единственным эффективным механизмом избавления как от некроэкономики, так и от зомби-экономики является применение законодательства о банкротстве, для чего необходимо наличие соответствующей политической воли управляющей элиты. Вряд ли стоит ожидать, что в условиях финансового кризиса последняя, в любой стране мира, отважится задействовать механизм банкротства, но очень важно безотлагательно запустить его в посткризисный период. Та страна, руководству которой хватит политической воли избавиться от зомби-экономики и некроэкономики, получит мощный стимул для экономического подъема.

⁷⁰ Lindsey B. Op. cit. P. 210–211.

Уроки Старовойтовой

Прошло более десяти лет после трагической гибели Галины Васильевны. Настало время оценить некоторые ключевые реалии, в которых мы все находимся, и то, что от нас в этой обстановке требуется, если мы хотим быть на уровне памяти об этом замечательном человеке.

Устроив в ноябре 1998 года государственные похороны, закрепив память о Гале в топографии Петербурга и разместив мемориальные доски, власти сочли себя свободными от обязательств. Если бы не титанические усилия семьи, уголовное дело по факту убийства депутата уже давно бы умерло своим чередом.

Вроде бы неплохо, что ежегодные мемориальные мероприятия ограничиваются нешумными чтениями в Институте Кеннана и довольно камерными вечерами памяти в творческих аудиториях, где, по крайней мере, можно быть уверенным в искренности присутствующих. Умея при жизни заполнять людьми, пришедшими ее выслушать, площади мегаполисов, Галина Старовойтова, обладая хорошим вкусом, сторонила всякой помпезности. Думаю, если бы сейчас из нее стали ваять икону и устраивать во имя нее шоу на стадионах, это бы вызвало у нее брезгливое отторжение.

Однако у современной русской демократии и власти не так много легитимных оснований, чтобы к ним можно было относиться как попало. Любая, а особенно демократическая, политическая система нуждается в своих референтных текстах, символах и героях.

Федор Вадимович Шелов-Коведяев,
кандидат исторических наук,
профессор Государственного
университета – Высшей школы
экономики

Иначе она повисает в воздухе. И хотя у нас эта база не слишком широка, общество и его институты не проявляют должного уважения к вопросам собственной легитимности. А это крайне опасно.

Референтный текст – Конституцию – уже тронули, не понимая, что тем самым подточили важнейшую опору существующего строя. Уважение к одним символам – триколору – не утверждается должным образом: казенная бодрость официальных торжеств в День Государственного флага обнаруживает полное небрежение им со стороны тех, кто должен был бы быть более всего в нем заинтересован. Другие – имперский герб и едва перелицованный большевистский гимн – находятся в трагическом противоречии между собою. А поскольку символы организуют жизнь общества, нет ничего удивительного в том, что оно пребывает в состоянии латентного, но глубокого внутреннего разлада, если символы разрывают его сознание. Наконец, герои – будь то жертвы августовского 1991 года путча или идейные и духовные вдохновители демократического обновления России, среди которых, наряду с А.Д. Сахаровым и А.Н. Яковлевым, Г.В. Старовойтова занимает одно из первых мест, – почти забыты.

Я считаю важным писать об этом здесь, так как вытекающие из невнимания к перечисленным факторам угрозы надо не только видеть (а Старовойтова их понимала), но и открыто обсуждать, не давая покоя официальным лицам (а Галина этого не стеснялась). Увы, нам есть в чем упрекнуть себя в обоих случаях.

Часто говорят, что Галя была чрезвычайно смелым человеком. Боюсь, что многие, превознося ее за это и не очень вдаваясь в суть дела, как бы ищут оправдания собственной слабости.

Конечно, она была отважна. Отважна потому, что действительно была поли-

тиком в полном смысле этого слова. Так иных ведь и не убивают.

Кто же он такой – настоящий политик? Это тот, кто продвигает только то, в чем абсолютно убежден. Убежденность дает ему силу и делает из него лидера. Политикан говорит то, что от него хотят услышать. Политик обладает достоинством, которое ему придают дух и сердце. Он не заискивает, он увлекает за собой тем, что сам верит в то, что считает нужным и для других. Такова Галина.

Политикан считает политику искусством возможного. Политик знает, что политика – искусство ставить завышенные цели и делать их реальностью. Старовойтова так и жила: делай, что должно, и будь, что будет, – любила она не только говорить.

Нет, это не была банальная удаля: недостатком разума она уж тоже никак не страдала. Я не могу сказать, что она была бесстрашна в том смысле, что ничего не опасалась.

Насколько я ее знаю, она была и выше, и лучше. Она видела опасности, давала им цену. И при этом как бы просто вытесняла их за пределы своего сознания. Не то что бы не принимала их вовсе во внимание, а считала неприличным надолго занимать ими свое воображение. Она посмеивалась над угрозами и оскорблениями противников и оппонентов. А значит, она ими не пренебрегала. Она таким образом (известный в психологии прием) делала их для себя ничтожными. Еще раз: достоинство – вот как это называется.

Если угодно, это и есть главное задание, которое надо выучить тем, кто причастен к политике. Многие говорили правильные слова у гроба Галины Васильевны Старовойтовой. Пора и теперь не робеть говорить обществу и власти ту правду, ради которой она пожертвовала своей жизнью. Тем более что бояться давно уже нечего.

Фуко, Рансьер и российский федерализм

Настоящая статья написана под воздействием ощущения того, что многие традиционные для политической науки подходы исчерпали свой эвристический потенциал применительно к изучению вопросов региональной политики в России. Можно ли посмотреть на российский федерализм сквозь призму относительно новых (и для Европы, и тем более для России) теорий, связанных преимущественно с постструктуралистскими подходами? С нашей точки зрения, на этот вопрос можно ответить утвердительно. Более конкретно, мы предлагаем в качестве начальной точки опереться на работы ряда авторов, которых можно причислить к «французской школе» постструктуралистской мысли, особенно Жака Рансьера. При этом, конечно, не подлежит сомнению, что спектр соотечественников Рансьера, чье теоретическое наследие можно вполне плодотворно использовать в том же контексте, гораздо шире и включает в себя, по крайней мере, еще несколько фигур первой величины, в том числе Мишеля Фуко, Алена Бадью, Жана Бодрийера, Жилия Делёза, Жан-Люка Нанси и др.

«Технологическая» и «политическая» модели власти

Противопоставление «технологической» и «политической» моделей организации властных отношений составляет важнейший элемент французской традиции политической философии. Эта логическая в своей основе пара представляет собой некую рамку для анализа различных

*Андрей Станиславович Макарычев,
доктор исторических наук, профессор,
начальник научного отдела
Волго-Вятской академии
государственной службы,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

режимов, которую, в принципе, можно воспринимать в качестве альтернативы более традиционному (и не всегда плодотворному) противопоставлению «демократии» и «авторитаризма». Обе модели задают собой, разумеется, лишь общие векторы понимания логики развития политических режимов, которые мы попытаемся приспособить для анализа некоторых особенностей федеративных отношений в России.

В качестве начальной точки рассуждений о *технологизме власти* можно выбрать аргумент М. Фуко о том, что «призвание государства – быть тоталитарным, то есть в конечном итоге осуществлять неукоснительный контроль над всем»¹. В другом месте французский философ утверждает, что «государство служит политическим выражением централизованной и централизующей власти... Вопрос о постоянном вмешательстве государства в общественную жизнь, даже не принимающем форму закона, является отличительной чертой нашей современной политики»². Происходит это при помощи разных механизмов, включая тот, который описывается формулой *governmentality*: речь идет о технологизированном управлении рисками при сочетании государственного менеджмента со способностью власти мыслить и анализировать. М. Фуко склонялся к тому, что власть «принадлежит не столько к порядку столкновения двух противников... сколько к порядку управления»³, то есть к «комплексу учреждений, процедур, исследований

и анализов, расчетов и тактик, позволяющих претворять в жизнь очень специфическую форму власти, основной целью которой является население, основной формой знания – политическая экономия, а преимущественным техническим инструментом – аппараты безопасности»⁴. Такая власть постепенно «превращается в какую-то машинерию, у которой нет владельца»⁵. Впечатления об этом усиливаются тезисом М. Фуко о том, что власть «функционирует только в форме сети. Она никогда не локализуется здесь или там, она никогда не находится в руках некоторых»⁶. Неустрашимость власти определяется тем, что она базируется на двух механизмах – суверенитета и дисциплины, причем обе формируются снизу, «волей тех, кто боится»⁷.

Так, «государственный интерес» он определяет не как «императив, во имя которого можно ... перевернуть все остальные правила», а как «новую матрицу рациональности»⁸. В другом месте он отмечает, что «все остальные типы отношений власти определенным образом соотносятся с государством. Но происходит это не потому, что каждый тип отношений власти является производным от государства, а скорее потому, что ... отношения власти постепенно становятся все более правительственными, т.е. разработанными, рационализированными и централизованными в форме или под поручительство государственных институтов»⁹. Соответственно, «управление является функцией от технологий»¹⁰. Аналогичным образом, для А. Бадью государства – это *админи-*

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 47.

² Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. М.: Праксис, 2005. С. 378.

³ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. С. 181.

⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. С. 207.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 48.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. С. 145.

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ Там же. С. 236.

стративные, управленческие инструменты, служащие для выполнения неких технических функций по производству консенсуса («большинства»), и не несут в себе ни политики, ни идеологии.

Ж. Рансьер продолжает эту линию рассуждения, указывая на важнейшую структурную характеристику современных обществ – «управление без политики». Метафорически эта модель описывается им как «пастух, ведущий свое стадо»¹¹. В другом месте он называет такое состояние «постдемократией», которая «редуцирует народ к сумме подсчитываемых без остатка частей населения, к группам по интересам и по мнениям, равновесие коих обеспечивается государством». Такая «постдемократия» «ограничивает демократию возможностью образования консенсуса», при которой «общество само по себе непротиворечиво, самодостаточно и идентично самому себе»¹². В результате «все больше доминирует дискурс управления, менеджмента... Все становится управляемым: семья, финансы, свободное время»¹³, а политика «уходит в тень», как бы «стирается»¹⁴.

«Деполитизированная» власть не обязательно репрессивна; скорее она основана на объединении интересов государства и крупного бизнеса, суть которых сводится к максимально возможному сужению сферы политического¹⁵. Она базируется на подчинении «единственному закону потребительской индивидуальности... Наши современники отрубили голову королю для того, чтобы наполнить покупками свои тележки в супермаркете»¹⁶.

Деполитизированная власть может принимать несколько форм, различия между двумя из которых мы подчеркнем особо. «Постполитика» (термин Славоя Жижека¹⁷) – это замена политики суррогатом, лишенным своей сущности. Этот термин описывает ситуацию «политики без политики», то есть дефицита политического начала в виде конфликтов и борьбы. «Трансполитика» (термин Ж. Бодрийяра) же означает обратное – состояние переизбытка, при котором политика не может оставаться в своих рамках и совершает неизбежную экспансию в другие сферы (экономику, право, конфессиональные отношения и пр.). Политическим становится все, в результате чего происходит мутация большинства социальных институтов. Государство, которое берет на себя роль защитника неких ценностей (например, федерализма), неизбежно инструментализирует их, то есть превращает в способ осуществления собственных целей. Другими словами, для центра федерализм хорош не потому, что он стимулирует демократические практики, а лишь как инструмент более эффективной политики в отношении регионов.

Но институциональные мутации содержат в себе еще один важный компонент – они неотделимы от виртуализации и симуляции. Энтони Гидденс писал об «институтах-пустышках», которые «внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри»¹⁸. Российский автор М. Григорьев говорит

¹¹ Ranciere J. Hatred of Democracy. London & New York: Verso, 2006. P. 34.

¹² Демократия как политическая форма. Беседуют Жак Рансьер, Жан-Франсуа Шеврье, Софи Ваних // Политика, философия, искусство. М., осень 2002. № 1. С. 128.

¹³ Нанси Ж.-Л. Невыносимость непредставимого // Михаил Рыклин. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М.: Логос, 2002. С. 102.

¹⁴ Рансьер Ж. До и после 11 сентября: разрыв в символическом строе? // Мир в войне. 11 сентября 2001 года глазами французских интеллектуалов. М.: Прагматика культуры, 2003. С. 56.

¹⁵ Ranciere J. Op. cit. P. 95.

¹⁶ Ibid. P. 33.

¹⁷ Zizek S. The Universal Exception. Selected Writings. Vol. 2. London & New York: Continuum, 2006.

¹⁸ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 35.

о существовании так называемых fake-структур. Бодрийеровский концепт симулякра в этом контексте является необходимым элементом «трансполитики». За распространением симулякров важно увидеть усиление возможностей манипулирования, которое неизбежно порождает не только (потенциально) тоталитарные, но и (реально) авторитарные конструкции власти¹⁹. Это наблюдение представляется нам важным для понимания взаимоотношений между федеральным центром и регионами, поскольку часто с помощью технологической власти «устанавливается и поддерживается состояние господства»²⁰. Вероятно, Ж. Делёз был прав, характеризуя наше время как время создания новых механизмов контроля и режимов господства²¹. А. Бадью продолжает эту линию рассуждения, говоря о том, что основной проблемой многих стран становится «патологическое желание единства и тотальности»²². По словам Ж. Бодрийера, «свершился переход ... к экстазу одного и того же, из чистилища изменений в искусственный рай схождения».

Именно здесь мы видим появление признаков такой модели власти, которую французская традиция называет «полицейской». Начиная с эпохи нового времени под «полицией» стали пониматься институциональные процедуры и меры административного порядка, необходимые для обеспечения мира и безопасности. Соответственно, концепция «полицейского государства» подразумевала способность суверена требовать от

общества подчинения при помощи запретов и команд²³. Именно так подходит к этому и М. Фуко, для которого «полиция» – это своего рода «технология государственных сил, которая имеет главной целью наведение порядка»²⁴. «Изначально понятие полиции обозначало исключительно совокупность предписаний, предназначенных для того, чтобы обеспечить спокойствие города, но ... полиция оказывается самым типом ... рациональной организации, создаваемой для управления всей территорией»²⁵, – полагал М. Фуко.

Именно эти традиции и продолжил в своих работах Ж. Рансьер. Для него «полицейская власть» неизбежно разделяет общество на различные группы с разными статусами (привилегированные и игнорируемые) и криминализирует оппозицию, представляя ее в качестве источника нарушения законности и тем самым дезавуируя политические компоненты любого протеста²⁶. Многие европейские политические философы полагают, что в условиях «постполитической отмены политического» государство превращается в простого «полицейского агента», который служит двум основным потребностям: интересам рынка и мультикультурной толерантности²⁷. Именно в этом смысле полицейская власть вполне совместима с либеральной экономикой. Так, Кеннет Уолтц полагает, что идеалом либералов, начиная с XIX века, было именно «полицейское государство, то есть такое, которое бы свело свою деятельность к поимке преступников и гарантированию выпол-

¹⁹ Ковалев В. Российская фантастика как политология // Политический класс. М., 2008. № 38.

²⁰ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. С. 268.

²¹ Делёз Ж. Переговоры. Спб.: Наука, 2004. С. 232.

²² Badiou A. Infinite Thought. Truth and the Return of Philosophy. London & New York: Continuum, 2002.

²³ Neumann I. Russia as a Great Power, 1815–2007 // Journal of International Relations and Development. Ljubljana, June 2008. Vol. 11. No. 2. P. 135.

²⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. С. 148.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. Спб.: Machina, 2004. С. 111.

²⁷ Zizek S. The Lesson of Ranciere // Ranciere J. The Politics of Aesthetics. London & New York: Continuum, 2004. P. 72.

нения контрактов»²⁸. Исходя из этого, «полицейская» власть может быть с полным правом названа *деполитизированной*, поскольку она базируется на некоей норме или на «исторической необходимости» (победы рыночных отношений, борьбы с террором, глобализации, исторической традиции и пр.). Соответственно, те, кто отрицает эту «необходимость», маркируются как «отсталые», «неадекватные» и пр.²⁹

Концепт «*политической власти*» представляет собой противопоставление власти технологической. Здесь вновь было бы уместно обратиться к М. Фуко. Политика, по его убеждению, «существует лишь тогда, когда управленческая практика ограничена в своих возможных излишествах тем фактом, что она служит предметом публичных дебатов касательно ее блага и зла, ее чрезмерности и недостаточности»³⁰. Но политика возникает не просто на почве любых дебатов – она появляется тогда, когда речь заходит о пересмотре принципов формирования институтов и учреждений *новых* форм социального порядка. Эта инновационность политики предполагает (даже требует) высокую долю неопределенности и риска, поскольку любая новизна включает в себя нечто, выходящее за пределы текущего опыта и институционального порядка. Политическое (в полном смысле этого слова) пространство базируется на «сингулярностях», то есть на тех, чей опыт уникален, отличен от опыта других и именно в силу этого ценен³¹. Соответственно, коммуникация в рамках однородного про-

странства, не терпящего различий, не может быть названа политической.

Ж. Рансьер, впрочем, придерживается еще более радикальных взглядов: для него политика «есть акт, задействующий то, что я назвал причастностью непричастных, а также учетом в счет не идущих... Политика – это редкостные случайности... это необычное и всегда трудное исключение из логики господства... Общественные практики управления нормальным обществом склонны к подавлению политики. Ведь политика мешает ...спокойно управлять обществом. Власть есть всегда. Но вот политика – не всегда, она даже редко встречается. Существуют более или менее длительные периоды времени, когда формы политического действия успешно соперничают с нормальным полицейским устройством общества»³². В другом месте он уточняет свою позицию: «Тот факт, что всегда существуют те или иные формы власти, не означает, что всегда присутствует политика»³³.

С точки зрения Ж. Рансьера, политика возникает, когда имеет место неопределенность с идентичностями и оспариваются доминирующие «субъектные позиции». Политические формы – это «полемические структуры мира повседневности». То есть политика предполагает протест, множественность, анархичность; у нее нет своего «места» или «естественного субъекта», она всегда – временное явление. Она не создает, а разрушает статус-кво: «конфликт не просто продуктивен, но и конститутивен: политика существует только в споре и именно через спор о том, что дано»³⁴. Вместо консенсуса она опирается на «диссенсус», для которого характерна не преем-

²⁸ Waltz K. Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Summer. Vol. 25. No. 1. P. 8.

²⁹ Ranciere J. Hatred of Democracy. P. 86.

³⁰ Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. С. 157.

³¹ Diprose R. Governing the Future: The Paradigm of Prudence in Political Technologies of Risk Management // Security Dialogue. 2008. April-June. Vol. 39. No. 2–3. P. 276.

³² Демократия как политическая форма... С. 125–126.

³³ Ranciere J. The Politics of Aesthetics. The Distribution of the Sensible. London & New York: Continuum, 2004. P. 51.

³⁴ Там же. С. 129.

ственность, а разрывы, новации, выход на авансцену чего-то нового, нетипичного. Политика – это эмансипация, «контрвласть», вызов доминирующей власти, которая склонна оставить «все как есть». Политические субъекты – это те, кому нет места в существующих структурах, кто не удовлетворен «естественным» положением дел и кто способен изменить существующие правила игры. Политика – это не борьба между легальными участниками пространства власти, а борьба за саму эту легитимацию (за то, чтобы альтернативный голос был услышан и признан в качестве легитимного). Соответственно, политический конфликт разворачивается между структурированным социальным телом и теми, кто не находит своего места в нем. «Политическое движение всегда нарушает существующие границы... Политическая власть – это власть тех, кто не имеет “естественной” причины управлять», – уточняет Ж. Рансьер. Политика обеспечивается наличием «того, что не включается в целое», и основывается на том, что некая *частность* начинает выступать как носительница более широких трендов или интересов и в силу этого дестабилизирует сложившийся порядок вещей в общественном организме.

Политика, таким образом, основывается на признании неустранимого характера разнообразия между группами людей, «причем без устранения интервала, который отделяет» одну от другой. Политика – это «поле многообразия, в котором каждая единичность будет представлять ценность как точка зрения и как таковая будет правомочной. Устанавливается определенный кодекс признания и правило легитимации, основанные на своего рода узаконивании взаимности: в качестве законной позиции за каждой единичностью признается способность рассматривать другую точку зрения и неустранимой в своем

различии, и неоспоримой в своем праве на существование»³⁵.

Соответственно, политика для Ж. Рансьера – это сфера, развивающаяся вне компетенций государства (хотя государство и считает иначе, поскольку хочет сохранить монополию на определение того, что такое политика). Политика не просто сингулярна; в ней должен быть момент *разрыва*, нарушения целостности социальных связей, преемственности, отказа от предыдущего опыта или его радикальный пересмотр. Цели политики выходят за пределы существующих институциональных возможностей («*возможность невозможного*»). Политика, соответственно, предполагает создание *новой* реальности через сопротивление, несогласие и даже бунт; она означает «крах режима Единицы», то есть «единого режима правды»³⁶.

Из сделанного краткого обзора можно, казалось бы, заключить, что современное «управленческое» государство в принципе не может быть носителем политического. Но парадокс состоит в том, что государство боится политизации в виде любой формы сопротивления его власти, поскольку считает, что оно само, следуя традициям Карла Шмитта, является единственным источником политического, оно само монополично решает, какие вопросы подлежат политизации, а какие будут, наоборот, деполитизированы. Таким образом, *деполитизация* возможна только как результат *сверхполитизации* пространства властных отношений, что в значительной мере иллюстрируется опытом президентства В. Путина.

Проекция на систему федеративных отношений в России

Как представляется, обе описанные выше модели можно (хотя и по-разному) применить для анализа состояния российского федерализма.

³⁵ Бросса А. Указ. соч. С. 63.

³⁶ Бадью А. Указ. соч.

Специалисты называют современную («путинскую») модель федерализма «инструментальной и технологичной»³⁷. Управленческая культура нынешних федеративных отношений в России носит деполитизированный характер, поскольку она основана на представлении об универсальной применимости ряда стандартизированных практик управления.

Наше государство хочет уйти от политизации «текущих», «рутинных» вопросов и воплотить в жизнь такую модель управления, которая может быть названа «менеджерской», или «административной». Рассуждения о том, что президент В. Путин своим приходом к власти «нейтрализовал политику», стали общим местом для аналитиков. Политика действительно часто сводится либо к исполнению полицейских функций (в значении постструктуралистских подходов), либо к «техническому» наведению порядка, что в общем и целом совпадает с представлениями о «постполитике» как о такой модели политических действий, которая основана не на открытом столкновении различных мировоззренческих и идеологических позиций, а на технологиях, позволяющих регулировать и дисциплинировать политическое пространство.

По нашему мнению, российское федеративное государство по своим базисным характеристикам вполне соответствует технологизированной модели власти, описанной французскими теоретиками. Восемь лет президентства В. Путина укрепили такую организацию властных отношений, в рамках которой основные игроки (в)неидеологичны, в коммуникациях между ними преобладают имиджевые технологии и заимствованные из сферы бизнеса отношения «продавец – потребитель».

Виртуализация, то есть замещение реальности образами, стала очевидной чертой отношений власти. Возникает вопрос: как формирование такой модели государства влияет на систему федеративных отношений? Наш общий аргумент состоит в том, что технологизированное и виртуализированное государственное управление, как правило, демонстрирует низкую чувствительность к региональной специфике. Регионализм для такого государства актуализируется преимущественно в виде геоэкономической рамки, определяющей близость и доступность транспортных коммуникаций, а также возможность использовать ресурсы регионов для достижения внешнеполитических целей (как в случае с Южной Осетией и Абхазией).

Типичным проявлением относительно деполитизированной власти является широкое распространение маркетингового подхода, согласно которому происходит своего рода «продажа территорий»: «субъекты территориального маркетинга могут организовывать продвижение территории среди потребителей своих целевых рынков на основе специальных программ»³⁸. Можно увидеть массу подтверждений того, что отношения между центром и регионами, в 1990-е годы находившиеся под властью политических вопросов, в текущем десятилетии практически полностью перешли в технологическую плоскость. Например, показательно, что ключевой вопрос в отношениях между Москвой и Уфой состоит не столько в политическом разграничении полномочий, сколько в юридическом решении вопроса о передаче акций ведущих предприятий башкирского ТЭКа в Росимущество³⁹.

Технологизированный подход просматривается и в попытках федерального центра найти оптимальную формулу

³⁷ Федерализм и демократия. Материалы «круглого стола» // Космополис. Зима 2007–2008. № 3 (19). С. 158.

³⁸ Черная И. Стратегия развития приграничного региона: маркетинговый подход // Приоритеты Приморья: интеграция и конкурентоспособность. М.: МОНФ, 2007. С. 41.

³⁹ Коммерсант. 2008. 7 февраля. С. 11.

регионального деления страны. Известно, например, что В. Путин под конец своего второго президентского срока выступил с идеей о делении России на несколько макрорегионов, границы которых не обязательно должны были совпадать с границами федеральных округов⁴⁰. Тот же подход прослеживается и в докладе «Политика развития территорий» Центра социально-консервативной политики, где говорится, что во имя экономической целесообразности «не исключено и изменение существующих административных границ». В дискуссиях на эту тему важно увидеть, что федеральная власть пытается каким-то образом примирить друг с другом две различные логики, экономическую и административную, лежащие в основе управления региональным развитием страны.

Иногда складывается впечатление, что экономические аргументы побеждают – например, по словам В. Гришина, руководителя координационного совета «Единой России» по Приволжскому федеральному округу (ПФО), «субъектами региональной политики, без сомнения, являются корпорации. Если взять сегодня “Лукойл” или “Газпром”, то у них есть свои наработки с точки зрения развития регионов». Нечто похожее мы несколько лет назад читали в разработках Центра стратегических исследований ПФО: административный рынок и поддерживающие его управленческие ресурсы утратили монополию в области регионального развития; конкуренцию им составляют бизнес-структуры, которые имеют свое собственное видение того, что такое эффективность и рациональность. Тем более что региональные управленцы далеко не всегда демонстрируют то и другое: по словам В. Драганова, первого заместителя председателя Комитета Госдумы по энергетике, «многие губернаторы держатся сегодня на национальных проектах, потому что туда пришли деньги.

Они не создают условия для расширенного воспроизводства, а только рапортуют о том, что пришла “скорая помощь”, оборудование, дали зарплату». Из уст государственного чиновника эти слова звучат как признание необходимости в переменах.

Технологическая линия действий федерального центра в отношении «проблемных регионов» состоит и во введении практики «внешнего управления». В. Путин на посту президента целенаправленно перетасовывал региональные элиты, часто назначая в регионы «варягов», что может объясняться двумя причинами. Во-первых, уверенностью в том, что наиболее эффективно управляет тот региональный начальник, который никак не связан с местными деловыми или политическими интересами. Во-вторых, «варяг», лишенный устойчивых связей в руководимом им регионе, демонстрирует лояльность только главе государства, единственному источнику губернаторской легитимности. Другим аспектом той же тенденции является стремление Кремля в 2008 году вывести губернаторов из числа политических фигур при помощи запрета на их участие в президентской кампании в качестве агитаторов за президентскую кампанию Д. Медведева.

Технологизм власти просматривается и в политике центрального правительства в отношении муниципалитетов. Важнейшим документом в этом плане является утвержденный президентом РФ 28 апреля 2008 года «Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления». Речь идет о попытке федеральной власти предложить систему индикаторов, которая бы позволила не «на глазок», а с какой-то степенью объективности измерить качество административного управления в городах и муниципальных районах. Проблема этого Перечня в том, что 29 из 30 его составляющих носят предельно формали-

⁴⁰ Ведомости. 2007. 18 июня.

зованный, статистический характер и не содержат социологически точных указаний на эффективность либо неэффективность местной власти.

Что касается «полицейской» модели власти (в упомянутом значении), то она актуализируется всякий раз, когда речь заходит о необходимости некоего «кнута», который федеральный центр мог бы использовать в отношении губернаторов (равно как и мэров). Например, создание федеральных округов (с их миссией «инвентаризации» регионального законодательства и приведения его в соответствие с общефедеральным) вполне можно рассматривать как одно из проявлений «полицейской власти» (которая при этом могла быть весьма либеральной в экономическом плане – примерно так же, как США в качестве «мирового жандарма» вполне могут проводить либеральную политику в экономике). Реализация такой модели власти была аргументирована тем, что почти 70% юридических норм, принятых субъектами федерации, противоречили федеральным законам (при этом вопрос о том, что региональные законы могли быть лучше по качеству, в расчет практически не принимался). С этим же связано и укрепление института федерального вмешательства, в соответствии с которым президент получил право выносить предупреждение законодательному органу власти региона и главе региона, вносить предложение о роспуске регионального законодательного органа, отстранять от должности главу субъекта федерации и пр.⁴¹ Не случайно Генеральная прокуратура, Счетная палата и другие правоохранительные инстанции заметно активизировали свою работу в регионах после 2000 года.

Однако, несмотря на то, что Кремль оперирует такими понятиями, как «вертикаль власти», «суверенитет», «цент-

рализация», «стабильность» и пр., ситуация на политико-административном «рынке» представляет собой совмещение самых различных тенденций, в том числе и тех, которые скрывают за собой сложные управленческие проблемы. Стабильность политико-административного «рынка» только кажущаяся; внутри него протекают очень сложные и иногда даже конфликтные процессы, особенно в области региональной политики. Наиболее существенная проблема состоит в том, что есть каналы жесткой зависимости региональных элит от Москвы, но есть и обширные зоны, относительно слабо контролируемые федеральным центром. Состояние дел в Новгородской и Самарской областях (и соответствующие отставки М. Прусака и К. Титова) в 2007 году показали, что федеральное влияние может иметь весьма слабый вес с точки зрения расклада сил между группами интересов на региональном уровне. В этой связи можно согласиться с мнением о том, что почти никогда поддержка Кремлем того или иного губернатора «не была прямой и по-настоящему серьезной, она в лучшем случае означала доброжелательное сочувствие стороннего наблюдателя. Сам же Путин и вовсе подчеркнуто дистанцируется от всех местных разборок. И только когда совсем начинает искриться, федеральная власть идет на вмешательство»⁴².

При этом важно понимать, что и сами регионы могут быть носителями деполитизирующих импульсов. Модель «регион-корпорация», истоки которой уходят своими корнями еще в середину 1990-х годов (Калмыкия, Татарстан, Москва), сейчас получила повсеместное распространение. Государство на разных уровнях (и федеральном, и региональном) имитирует, воспроизводит логику бизнеса, хотя она замаскирована

⁴¹ Смирнов В. Сильное государство и(ли) демократия: предварительные итоги политических реформ в России // Россия-2001: новые тенденции политического, экономического и социального развития. Материалы конференции. Волгоград: Институт Кеннана, 2001. С. 18.

⁴² Эксперт. 2007. 13–19 августа.

под политические решения. Например, решение о переходе от избрания к фактическому назначению глав субъектов федерации было озвучено в политическом контексте, связанном с бесланским кризисом, однако, по сути, представляет собой экстраполяцию весьма прагматического, инструментального подхода: если «регионы-корпорации» управляются плохо, то необходима процедура введения внешнего управления, которое не может быть демократическим.

Контуры региональной политики в стране определяются под преобладающим влиянием деловых интересов крупных сетевых структур, оказывающих доминирующее воздействие на большинство регионов извне. Особенно явно эта ситуация проявляется в областях, соседствующих с Москвой, однако реагируют на нее региональные элиты по-разному (например, если в Иваново укоренился комплекс провинции, Тверь намерена превратиться в относительно самостоятельный центр концентрации ресурсов в рамках московской агломерации).

Ярким примером деполитизированного способа регионального управления является губернаторство Валерия Шанцева в Нижегородской области, которое базируется на переносе на местную почву опыта, умений и навыков управления московским мегаполисом. В. Шанцев привнес в Нижегородскую область предельно технологизированный, «постполитический» дискурс, который до этого не был свойственен местной элите, привыкшей к перманентному состоянию внутрирегиональной политической борьбы.

Основная проблема состоит в том, что технологичность приводит к сужению пространства публичности в регионах: большинство губернаторов «резко свернули те направления и формы деятель-

ности, которые были нацелены на привлечение поддержки населения и даже региональных элит»⁴³. В России многие говорят о «выхолащивании политики» в результате устранения конфликтности из регионального публичного пространства: конфликты «низводятся до карьерного подсиживания, коммунальной склоки или столкновения неумеренных амбиций, а как худший вариант – желаниа подключиться к региональному бюджету в интересах собственного бизнеса с использованием депутатского положения»⁴⁴.

Многие участники российского политического дискурса доводят этот технологизм до предела. Взять хотя бы следующее заявление Валерия Фадеева: «Это нормально, когда отличие политических партий в развитом демократическом обществе минимально... Все партии должны рано или поздно выстроиться на этой одной ценностной платформе и в этом смысле быть клонами... одной идеи и одного видения будущего своей страны... Эти тысячи людей, которые составляют элиту страны, – деньги, бизнес, капитал, медиа, политику, – они должны наконец одинаково представлять, что будет с их собственной страной»⁴⁵. Продолжая эту логику, можно предположить, что и регионы тоже в пределе должны стать «клонами» федерального центра и, таким образом, свести к минимуму различия между собой (в качестве одного из подтверждений возможности этой тенденции следует сослаться на появившийся в начале 2008 года слоган «Нижегородский Кремль – национальный проект в камне», явно дублирующий на региональной почве риторику федеральной власти).

Типичным примером симулятивных проектов в сфере региональных отношений в России является, например, конструирование идеальной модели «Нов-

⁴³ Федерализм и демократия. С. 150.

⁴⁴ Юсуповский А. Верноподданность обывателя // Русский журнал. М., 2008 [www.russ.ru/layout/set/print//stat_i/vernopoddannost_obyvatelya].

⁴⁵ Фадеев В. Партии должны быть клонами // Newsmaker. Декабрь 2007 – январь 2008. № 9. С. 58.

городской республики» «с ее глобальной открытостью, региональной самобытностью и гражданским самоуправлением»⁴⁶. Мифология «неоновгородского проекта» преподносится как альтернатива «унитарному московскому царству»⁴⁷. В этом же контексте следует упомянуть о появлении в регионах России таких виртуальных брэндов, как «Смирновия» (в шести областях Волго-Вятского региона, где проживает около двух третей всех Смирновых России) и «Ивания» (в Иваново, где местной общественностью обсуждается идея о том, чтобы сделать город объединяющим локусом для всех, носящих эту фамилию)⁴⁸. Еще одним примером симулятивных (скорее в позитивном смысле) технологий может служить проект «Мегарегион – сетевая конфедерация», который существует на протяжении нескольких лет⁴⁹.

Период *политизации* федеративных отношений в России, как мы указывали выше, пришелся на 1990-е годы. Республикой, которая наиболее активно позиционировала себя в политических вопросах, был Татарстан. Среди его политической элиты сильное распространение получило представление о том, что перед Россией стоит принципиальная дилемма – либо сохранение статуса великой военной державы, либо ускоренная адаптация к мировой экономике и основанная на этом модернизация. Любые формы дипломатической изоляции России воспринимались в Казани весьма критически, поскольку они

усложняли решение таких насущных проблем, как интеграция в мировое экономическое пространство, разработка «прорывных» проектов в области инвестиций и кредитов, изменение структуры экспорта, обеспечение экономического присутствия на международных рынках и т.д. Еще в середине 90-х годов М. Шаймиев высказывал свои собственные оценки ситуации в Боснии, отличавшиеся от официальной позиции МИД РФ. Рафаэль Хаким, в то время один из советников президента Татарстана, неоднократно выступал с идеями, идущими вразрез с политикой федерального центра: это касалось его утверждений о том, что «НАТО реально ничем не угрожает России», «Китай едва ли сможет стать стратегическим партнером Москвы», а «дальнейшая интеграция в рамках СНГ может привести к восстановлению имперских амбиций и отступлению от демократии»⁵⁰. Президенты Татарстана и Ингушетии М. Шаймиев и Р. Аушев в январе 2000 года выступили с совместным заявлением о том, что в случае создания союзного государства с Беларусью эти две республики могут ставить вопрос о повышении своего статуса в рамках РФ. Аргументация при этом носила политический, в строгом смысле слова, характер. Как указывает М. Сусаров, «логика М. Шаймиева проста: почему татар заставляют жить в едином российском государстве, если даже белорусы хотят быть с Россией только на равных?»⁵¹

Политическими можно назвать и предложения отдельных субъектов

⁴⁶ Штена В. Гиперборейцы новой эпохи. Агентство политических новостей. М.: Проект Института национальной стратегии. 10.03.2006 [http://www.apn.ru/publications/print10510.htm].

⁴⁷ Штена В. Многополярная Россия. Агентство политических новостей. М.: Проект Института национальной стратегии. 10.03.2006 [http://www.apn.ru/publications/print9857.htm].

⁴⁸ Тимофеев М.Ю. Город Иван (off): этнический фактор в ребрендинге г. Иванова // Границы. Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Иваново, 2007. Вып. 1. С. 99.

⁴⁹ Берман В., Кавторин В., Шинкунас В. Сетевые сообщества: теория и практика функционирования. Их роль в меняющемся мире // Публичная политика-2007. Спб.: Гуманитарно-политологический центр «Стратегия», 2007. С. 89–102.

⁵⁰ Хаким Р. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // Панорама-Форум. Казань, лето 1997. С. 43.

⁵¹ Сусаров А. Татарстан в 1998 году // Регионы России в 1998 году. М.: Московский Центр Карнеги, 1999 [http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/11469908np-21.pdf].

федерации сыграть роль посредников в кризисных ситуациях, связанных с проблемами безопасности, в том числе и терроризма. В частности, политики Татарстана выражали готовность представлять интересы России в неформальных переговорах с исламскими организациями. «Гаагская инициатива», развивавшаяся при активном участии М. Шаймиева в 1995 году, была нацелена на поиски выхода из конфликтных ситуаций в Чечне, Крыму, Приднестровье, Абхазии и других постсоветских «горячих точках».

Одной из наиболее распространенных сюжетных линий в исследованиях российского федерализма является сравнение друг с другом опыта Татарстана и Чечни⁵², причем в двух ракурсах: либо как *модельных примеров* разных тенденций дистанцирования от федерального центра, либо как *исключений* из общих правил, в результате чего и возникает асимметрия в федеративных отношениях⁵³. Важно подчеркнуть, что в обоих случаях эти республики помещаются в рамки политических отношений: *исключительный* статус отдельных субъектов федерации кодифицирует те практики, которые отражают (воплощает в себе) сложившуюся в России систему власти по линии центр – регионы (например, практику заключения двусторонних соглашений регионов с федеральным центром)⁵⁴.

Интерес к этой ситуации в значительной мере связан с тем, что отдельные регионы вполне способны выдвигать инициативы, которые далеко выходят за рамки их территорий. Пример Татарстана кажется в этом смысле вполне умест-

ным. Как нам представляется, это и предопределяет одну из важнейших сюжетных линий во взаимодействии между центром как источником деполитизации и регионами как источниками потенциальной политизации. В этой ситуации Москва пытается представить требования, имеющие региональное происхождение, как мнения отдельных, индивидуальных регионов, ограниченные конкретным контекстом.

Казалось бы, как только федеральный центр восстановил «вертикаль власти», эксклюзивное самопозиционирование Татарстана потеряло прежний смысл⁵⁵. Однако жизнь показала, что вариативности не избежать, и об этом говорит заключение договоров федерального центра с Татарстаном, подготовка такого договора с Чеченской Республикой (от которой она сама отказалась после выбора президентом Р. Кадырова). Это подчеркивает политический характер отношений между центром и субъектами федерации⁵⁶.

Упомянутый выше пример Новгородской области – переход региона, который многими считался «модельным» для всей России, в разряд «проблемных» – вызывает и закономерные вопросы об эффективности той системы контроля за состоянием дел на местах, которая известна как «вертикаль власти». У Кремля сохраняется весьма выборочное отношение к регионам, которое может только усилиться в свете того, что многие эксперты ожидают укрепления в федеративных отношениях принципа поляризованного (или «сфокусированного») развития, то есть выделения «локомотивов», «опорных регионов», «по-

⁵² Латуис Г. Асимметричный федерализм и государственное строительство в России // Федерализм в России. Казань: Институт истории Академии наук РТ и Казанский институт федерализма, 2001. С. 285–286.

⁵³ Solnick S. Putin and the Provinces. Washington, D.C., April 2000. PONARS Memo N 115.

⁵⁴ Stoner-Weiss K. Central Weakness and Provincial Autonomy: The Process of Devolution in Russia. Washington, D.C., November 1998. PONARS Memo N 39.

⁵⁵ Sharafutdinova G. Opportunities and Limits of Self-Creation and Identity Politics: Tatarstan's Paradiplomacy Project // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised? Ed. by Kimitaka Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005. P. 407.

⁵⁶ Хакимов Р. Татары еще себя покажут // Информационное агентство «Росбалт». Спб., 2007. 22 июня [http://www.rosbalt.ru/print/299847.html].

люсов роста»⁵⁷. Именно это содержание вкладывается в понятие «конкурентный федерализм», которым, в частности, оперируют А. Починок, О. Чиркунов и некоторые другие фигуры.

Возможны и другие ситуации, при которых регионы могут стать «островками политизации» федеративных отношений. Например, попытка М. Шаймиева и М. Рахимова поставить в 2008 году вопрос о возвращении к процедуре избрания глав субъектов федерации моментально выявила неоднородность «Единой России» и наличие в ней различных позиций по этому вопросу. Федеральная власть не является ни монолитной, ни однородной, в ней есть различные течения, и чем больше будет таких дебатов, тем ярче будут обнажаться противоречия между различными группами властвующей элиты.

Это же касается и дискуссий вокруг различных вариантов идеи о «третьей столице». Дискурсивная борьба за статус «третьей столицы» – есть не что иное, как потенциально политическая ситуация, при которой некий город пытается – причем чаще всего именно с помощью подчеркивания своей особенности – обрести смыслы своего социокультурного существования в более широкой, всеобщей (в масштабах страны) системе координат. Такая постановка вопроса предполагает не столько «рациональные дебаты» между различными регионами-актерами, сколько борьбу за признание себя в качестве политического субъекта.

Другой важный вектор политизации в сфере федеративных отношений связан с ситуацией на Северном Кавказе, где, по мнению ряда специалистов, «исламские радикалы перешли в активное наступление», стремясь к реализации так называемого «исламского мегапроекта», в центральный элемент которого на территории России превращается

Дагестан (по числу террористических актов эта республика обошла Чечню)⁵⁸.

Заключение

Из сказанного выше закономерно следует ряд выводов.

Во-первых, есть несколько стратегий регионального развития, которые можно назвать политическими. Это (а) дистанцирование от федерального центра и попытка самостоятельного позиционирования (стратегия, пик которой пришелся на 1990-е годы); (б) представительство некой идеи или системного требования (например, о возвращении выборов губернаторов); (в) превращение региона в «островок инноваций», то есть точку роста, требующую к себе особого, индивидуального подхода. Допустим, Дмитрий Козак назвал Сахалин, Камчатку и Калининград «политически важными», то есть, по сути, особыми, не во всем подчиняющимися общей логике, регионами.

Во-вторых, возникает вопрос: может ли федеральный центр вообще действовать в рамках политических взаимоотношений с регионами? С нашей точки зрения, это возможно при условии того, что центральная власть признает легитимность других политических субъектов, в том числе субнационального уровня.

Пока можно предположить, что у федерального центра есть свой проект частичной и ограниченной децентрализации, который можно назвать «управляемым регионализмом» (по аналогии с «управляемой демократией»), однако все шаги в этом направлении очень осторожны и носят характер контролируемых экспериментов. Иными словами, Москва хочет и понимает необходимость использовать региональное разнообразие огромной страны, но пока еще не совсем четко представляет, как это сделать без ущерба для «суверенной демократии».

⁵⁷ Максимов А., Царьков А. «Осторожный оптимизм» или «суровый реализм»: кто станет регионом-локомотивом в ПФО? Взгляд из Нижегородской области. Нижний Новгород: ГУ–ВШЭ, 2007. С. 21.

⁵⁸ Маркедонов С. Вернуться на Кавказ // Апология. 2006. № 9. С. 117.

*Клара Семеновна Халлик,
консультант Института
международных и социальных
исследований Таллинского
университета и Фонда интеграции*

Проблемы интеграции эстонского общества

Национальные движения в балтийских странах конца 1980-х годов за восстановление государственности, как и национальный подъем в Центральной и Восточной Европе в целом, отражали созревшие общественные потребности. Национализм был лишь одним из побудительных факторов общественного сознания, приведших к крушению коммунистической системы и распаду Советской империи¹. Именно широкий спектр задач борьбы против тоталитарной политической системы и за демократические преобразования объединял либерально настроенную интеллигенцию разных национальностей центра и периферии. Тем не менее отсутствие общественных механизмов, обеспечивающих реальное участие граждан в политической перестройке, и сильное противодействие правящего политического класса переменам способствовали тому, что образовавшийся политический вакуум заполнила идеология национализма. В разных республиках сложилось неодинаковое сочетание общих демократических и специфических национальных целей.

В Эстонии, наряду с традиционными постулатами этнокультурного национализма, сосредоточивающегося на охране языка, культуры и экологической среды, была разработана программа экономического самоуправления республики, в 1988 году принята деклара-

¹ Hroch M. From National Movements to Fully-Formed Nations: The Nation-Building Process in Europe // Balakrishnan G. (ed.) Mapping the Nation. London and New York: Verso, 1996. P. 81, 89.

ция о суверенитете, объявившая верховенство законов республики над всесоюзными законами, а в 1990 году Верховный совет Эстонии признал инкорпорацию Эстонии в состав СССР противоправной и объявил о начале переходного периода к восстановлению государственной независимости.

Русскоговорящее население, поселившееся в Эстонии после Второй мировой войны, было не готово к столь стремительному росту национально-политической мобилизации эстонцев и открытой демонстрации антирусских настроений. С 1989 по 1991 год политическая консолидация приобрела четкие очертания этнического разделения. Массовая база эстонского национального движения формировалась различными гражданскими начинаниями и созданием организаций. Однако лишь немногие из них привлекли в свои ряды неэстонцев, преимущественно из среды либеральной интеллигенции. Большую символическую поддержку эстонскому движению оказывали культурные общества этнических групп, созданный ими в 1988 году Форум и затем Объединение народов Эстонии. Фактически же в условиях политической дестабилизации и обострения отношений с союзным центром ядром общественной мобилизации русскоговорящего населения стала часть поддерживаемой центральными властями партийной номенклатуры и руководителей союзных предприятий и организаций.

В русской ментальности глубоко укоренено представление, что Прибалтика исторически принадлежит российскому геополитическому ареалу, независимо от того, идет ли речь о Российской империи, Советском Союзе или современном российском государстве. Тем более это понимание было естественным для жителей, поселившихся здесь за полуве-

ковой период советской власти. В начале 90-х годов большинство русских полагали, что пребывание Эстонии в составе СССР и послевоенные переселенцы из Союза повлияли самым положительным образом на ее судьбу². Поэтому неудивительно, что «выход» из Союза воспринимался эстонскими русскими как попрание их исторического права. Предстоящее изменение геополитической идентичности русских «ближнего зарубежья» было драматичным.

К 20 августа 1991 года, моменту юридического восстановления государственности, политическая напряженность и противостояние характеризовали как межэтнические отношения, так и взаимоотношения разных сил самого эстонского движения. Соперничество между его реформаторским и национально-радикальным крылом в 1988–1991 годы грозило опасностью поражения движения за независимость. Легитимность власти Народного фронта подрывалась с разных сторон – союзным центром и поддерживаемым им противодействием местного русского населения, а также национально-радикальными организациями, начавшими создавать альтернативные органы власти. Реальное соотношение сил заставило реформаторов пойти на компромисс с национально радикальными политиками, дабы сохранить максимально возможное единство национальных сил³.

Антикоммунизм в сочетании с националистическим популизмом привели этих политиков к власти на первых многопартийных выборах в 1992 году и потеснили или удалили с политической арены «пионеров» народного движения, которые были склонны к сотрудничеству с русской общиной. Первый состав парламента, в котором русское население не было представлено, принял в 1993–1995 годах ряд основополагаю-

² Hallik K. Eestlaste ja venelaste poliitiliste hoiakute ja geo-ajaloolise identiteedi polarisatsioon 1991. aastal. // Järve P., Heidmets M., Lauristin M. (eds.) Vene noored Eestis: sotsioloogiline mosaiik. Tartu Ülikool "Avita", Tallinn, 1997. P. 17.

³ Lauristin M., Vihalemm P. Recent Historical Developments in Estonia: Three Stages of Transition (1987–1997) // Lauristin M., Vihalemm P., Rosengren K.E., Weibull L. (eds.) Return to the Western World: Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu: Tartu University Press, 1997. P. 111.

щих законов, определивших политику государства по отношению к русскоговорящему этническому меньшинству на предстоящий период. Это в первую очередь законы о гражданстве, об иностранцах, о языке и школе.

Восстановление независимости на основе принципа правовой преемственности государства и реституционная политика гражданства, тем не менее, позволили быстро выйти из стремительно разрушавшейся советской системы, положили конец неопределенности выбора дальнейшего пути развития, способствовали быстрому переходу к рыночной экономике и повороту экономических связей на Запад. В актив этой политики можно зачислить также провал попытки реализовать приднестровский сценарий в северо-восточной Эстонии в 1993 году. Парадоксально, но институциональная легитимация реституционной политики в вопросе гражданства сыграла в начале 90-х стабилизирующую роль и уберегла Эстонию от открытого межнационального конфликта. Лишившись политических рычагов воздействия, несогласная с независимостью Эстонии и ее отрывом от России часть русского населения была вынуждена смириться со своим новым положением. Вместе с тем сложившаяся система слабо согласуется с идеалом демократии в многокультурном обществе и не снимает вопроса о моральной легитимности политической власти, в первую очередь со стороны тех, кто не участвует в ее формировании и перед кем власть неподотчетна.

Теоретические споры о том, к каким известным аналитическим моделям отнести этнополитику Эстонии, пока не дали однозначного ответа. Профессор Тартуского университета Велло Петтай и я придерживаемся мнения, что есть основания определить ее как режим этнического контроля⁴ (опираясь на теорети-

ческую версию И. Лустика⁵). Не потому, что сознательно выбиралась именно эта модель как таковая, но по тем результатам, к которым данная политика привела на практике. Три характерные черты системы межнациональных отношений проявились весьма рельефно:

- установление монопольного положения этнических эстонцев в политической власти и управлении в целом, приведшего к сильной зависимости меньшинства от доминирующего большинства;
- сегментация русскоговорящего меньшинства;
- селективная кооптация представителей меньшинства на основе закона о гражданстве (без процедуры натурализации, за заслуги).

Сильно привязанные к реституционному принципу законы в отношении жителей, прибывших в советское время, создали своеобразный эффект колеи, выход из которой наталкивается, в частности, на ограничительные определения национальных меньшинств или их родных языков, которые соответствующими законами связываются с наличием эстонского гражданства. Хотя на практике многие жесткие предписания и ограничения постепенно смягчаются, не учитываются или отменяются, в основе общей концепции этнополитики, в том числе и интеграции, превалирует понимание государства и общества как «национализирующихся» (по Брубейкеру – *nationalizing*) общностей. Этот подход был особенно характерен для первой государственной программы интеграции и остается доминирующим в понимании большинства эстонцев.

Тема интеграции неграждан и русскоговорящих жителей появляется в публичном дискурсе в 1997 году, когда под давлением международных, в первую очередь европейских, институтов началась подготовка программы

⁴ Pettai V., Hallik K. Understanding Process of Ethnic 'Control': Segmentation, Dependency and Co-optation in Post-communist Estonia // Nations and Nationalism. Vol. 8. Part 4. October. P. 505–529. London, Blackwell, 2002.

⁵ Lustick I. Arabs in the Yevish State: Israel's Control of the National Minority. Austin: University of Texas Press, 1980.

интеграции. Учеными был проведен ряд исследований межнациональных отношений, которые могли бы подсказывать политические решения, выходящие за рамки сложившейся практики. Однако вопрос о том, предпочитать ли социальную и политическую составляющую интеграционной политики или этнокультурную адаптацию русскоговорящего населения, по существу даже не вставал. Десять лет назад эстонское общество и политики не были еще готовы взвесить возможные выгоды или ущерб того или другого подхода. Согласованная в правящей коалиции правительственная программа интеграции на 2000–2007 годы ставила главной целью языковую адаптацию неэстонских жителей, а также поддержку деятельности их этнокультурных обществ. То есть этнокультурная адаптация, главным образом обучение эстонскому языку русского населения, стала краеугольным камнем политики интеграции. Несмотря на явную однобокость программы, она все же явилась важным шагом отхода от политики непризнания новых меньшинств. Обуче-

ние языку в рамках программы помогло многим подготовиться к экзамену для получения гражданства или закрепиться на тех рабочих местах, где требовалось знание государственного языка.

Идеология второй программы интеграции – на 2008–2013 годы – сосредоточена на таких категориях, как *равное обращение, участие, включенность, формирование общей гражданской идентичности, признание ценности многокультурного характера эстонского общества*⁶. Определены конкретные задачи министерств, ведомств и местных самоуправлений и предусмотрено соответствующее финансирование. Соблюдая умеренный оптимизм, можно сказать, что интеграция имеет виды на то, чтобы превратиться в общенациональное дело. Но таким проектом она может стать только по мере изменения общественного мнения, ослабления негативных стереотипов и получения широкой поддержки как от эстонцев, так и от других национальных групп.

Я намерена рассмотреть некоторые проблемы интеграции именно в ракурсе

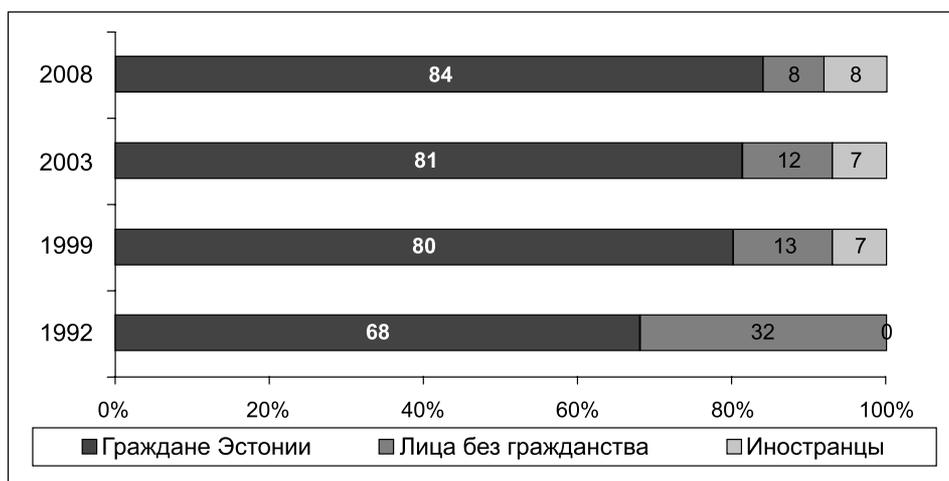

Рисунок 1. Население Эстонии в зависимости от гражданства, 1992–2008

Источник: Данные Департамента по гражданству и миграции и Реестра населения ЭР.

⁶ [http://www.rahvastikuminister.ee/index.php?id=10442]

гражданства, являющегося самой универсальной формой объединения населения любого государства. В Эстонии гражданство пока не выполняет эту свою функцию в полной мере. Каждый второй житель неэстонской национальности страны остается еще вне «официального» общества.

С 1992 по 2008 год гражданство Эстонии получили в порядке натурализации около 150 тыс. человек. В настоящее время 50% всех постоянных жителей неэстонской национальности являются гражданами Эстонии, примерно четверть имеет гражданство России (и других постсоветских государств) и четверть (свыше 108 тыс. человек) остается пока без какого-либо гражданства. По многим причинам процесс натурализации протекал неравномерно, а в последние годы число людей, ходатайствующих о получении гражданства Эстонии, уменьшается.

В 2008 году эстонское гражданство оказалось менее привлекательным, чем в 2000 году (см. табл. 1). Данные исследований дают основания утверждать, что проблема гражданства остается политически и идеологически чувствительной темой. Резкий спад интереса

к получению гражданства объясняется несколькими конкретными обстоятельствами, такими как:

- негативное влияние апрельского кризиса 2007 года (событий, связанных с переносом на военное кладбище памятника советским войнам – «Бронзового солдата»), резко увеличившее негативные и пессимистические настроения и недоверие к властям;
- введение статуса долгосрочного жителя Европейского союза независимо от гражданства, что дает право свободного передвижения и работы во всех странах – членах ЕС;
- отмена российскими властями для лиц без гражданства визового режима при посещении России; в результате виза требуется теперь только для граждан Эстонии.

Но наряду с этим наличие гражданства связано с общими социальными факторами и личностными ресурсами людей. Социологические исследования свидетельствуют, что гражданская принадлежность выступает существенным фактором социальной стратификации. Не только потому, что ряд прав, например работа на государственной службе, предполагают наличие эстонского гражд-

Таблица 1

**Предпочтение выбора гражданства разных государств, %
(Лица без гражданства)**

	2000	2002	2005	2008
Эстонии	60	65	74	51
России	5	6	11	19
Иного государства	7	9	5	14
Не желаю вообще	16	14	7	16
Затрудняюсь ответить	12	6	3	–
N	170	109	102	105

Источник: Мониторинг интеграции 2000–2008. Распределение ответов на вопрос: «Какое гражданство Вы себе желаете?»

данства, но и потому, что само гражданство было для многих жителей недоступно из-за языкового барьера. Кроме того, гражданство не могли получить отставники советских вооруженных сил и члены их семей. Требования натурализации могли легче преодолеть молодые и более образованные люди. Вот некоторые данные исследований в рамках мониторинга интеграции, межнациональных отношений в столице и стране в целом:

- *граждане Эстонии* – более 50% из них моложе 40 лет; среди граждан в 2–2,5 раза больше, чем среди лиц без гражданства, людей с высшим образованием; только каждый пятый из них не владеет эстонским языком; 3/4 родились в Эстонии;

- *лица без гражданства* – среди них преобладают люди трудового возраста; преимущественно со средним и базовым образованием; половина из них не владеет эстонским языком; 60% – уроженцы Эстонии;

- *граждане России* – в этой группе молодежь в возрасте до 24 лет составляет не более 15–16%; около 2/3 не владеют эстонским языком; 1/5 часть родилась в Эстонии, остальные являются переселенцами первого поколения.

Таким образом, процесс натурализации «отсеял» от гражданства в основном тех, кто и так находился в менее выгодном положении или жил изолированно от эстонского сообщества. Выход из этой ситуации видится по-разному. Эстонцы считают, как и десять-пятнадцать лет назад, главным языковую адаптацию русскоговорящего населения. Многие же русские полагают, что государство должно признать их право на гражданство без обязанности владеть эстонским языком. Тем не менее среди эстонцев постепенно ослабевают эксклюзивные установки в вопросе гражданства. Так, если в 2000 году почти каждый пятый не был согласен с ослаблением или отменой языковых требований при натурализации, то в 2008 году таких было 8%, при этом 30% эстонцев

согласны сделать уступки для трех и более категорий неграждан. Все больше эстонцев отходят от этнокультурного понимания гражданства в пользу политической нации. Согласно мониторингу интеграции 2005 и 2008 годов от 53 до 46% респондентов предпочитают предоставление гражданства на льготных условиях тем, кто родился в Эстонии.

Незнание языка как преграда на пути получения гражданства ослабевает в основном за счет молодежи. Большинство школ с русским языком обучения сейчас уже обеспечивают преподавание эстонского языка на надлежащем уровне, и школьные экзамены по языку и обществоведению могут зачитываться при натурализации. Начиная с 2008 года государство также оплачивает стоимость курсов языка ходатайствующим о получении гражданства. Однако очевидно, что затянувшаяся на долгие годы и не решенная проблема гражданства не могла не породить недоверия к государству, обид и чувства протеста. Среди тех 15–16%, которые не желают вообще определить свою гражданскую принадлежность, есть и люди, испытывающие такие чувства, хотя в большинстве случаев причиной называется то, что отсутствие гражданства не мешает жить в Эстонии, а также нежелание участвовать в политике или служить в армии.

Есть разные причины, почему многие люди сторонятся политики. Но нет сомнения, что социальный портрет группы лиц без эстонского гражданства не будет полным, если не учитывать их положение в политическом процессе, участие в котором, пусть даже минимальное, помогает ощущать свою принадлежность к «общему делу». Данные табл. 2 говорят о том, что разный гражданский статус дает в итоге и разный доступ к этому благу.

Если степень вовлеченности граждан в политические акции не отличается в зависимости от национальности, то в целом русское население остается более индифферентным к политической жизни. Часть же его, в первую очередь

Таблица 2

Распределение индекса* политического участия в зависимости от гражданства, %

Тип участия	Граждане Эстонии / эстонцы	Граждане Эстонии / русские	Лица без гражданства	Граждане России	Всего
Не участвующие	38	35	77	81	45
Минимальное участие	47	48	22	10	41
Активное участие	15	17	–	9	14
Всего	100	100	100	100	100
	665	150	103	75	993

* Индекс составлялся по данным социологического опроса мониторинга интеграции 2005 года. Учитывалось участие в выборах, в политических митингах, сбор подписей и пр. в течение трех лет. Минимальным считалось участие в одном действии.

неграждане, отключена от первичных форм политического участия почти полностью. Учитывая, что для социального положения этой группы характерны и другие факторы повышенного риска (уровень безработицы выше среднего, слабые связи со стабильными общественными структурами, более высокий уровень преступности), есть основания опасаться, что в условиях, например, экономического кризиса ее деструктивная роль в обществе может вырасти.

Политические решения и законы начала 90-х годов по отношению к жителям, прибывшим в советское время, имели целью «обезопасить» восстановление государственной независимости, лишив их права участия в решении судьбоносных проблем государственного строительства и выборе внешнеполитических приоритетов. В условиях переходного периода эти меры обеспечили необходимую стабильность для проведения реформ. Эта стратегия не претерпела существенных перемен и по сей день, несмотря на то, что половина неэстонцев уже являются гражданами. Проблема в том, что опыт неучастия в политической жизни значительного числа

жителей страны накладывает отпечаток на политическую культуру всего общества, включая и наделенных правом принимать решения от его имени. Исследования и практика не подтверждают, что монопольное положение этнических эстонцев в государственном управлении и публичной политике усиливает демократические и либеральные ценностные установки в обществе. Напротив, в нынешней политике явно не хватает опыта диалога, умения распознавать и учитывать разные интересы и достигать согласия. Отсутствие «русского сегмента» в общенациональной политике является одной из причин отчуждения неэстонского населения от государства и весьма распространенного ощущения «дефицита прав».

Вместе с тем продолжение политической риторики времен восстановления государства сохраняет благоприятную почву для консервативных национальных взглядов. Исследования, проведенные в рамках мониторинга интеграции в 2000–2008 годах, показывают, что именно в сфере политического участия этнический «срез» слабо согласуется с общим представлением о равенстве

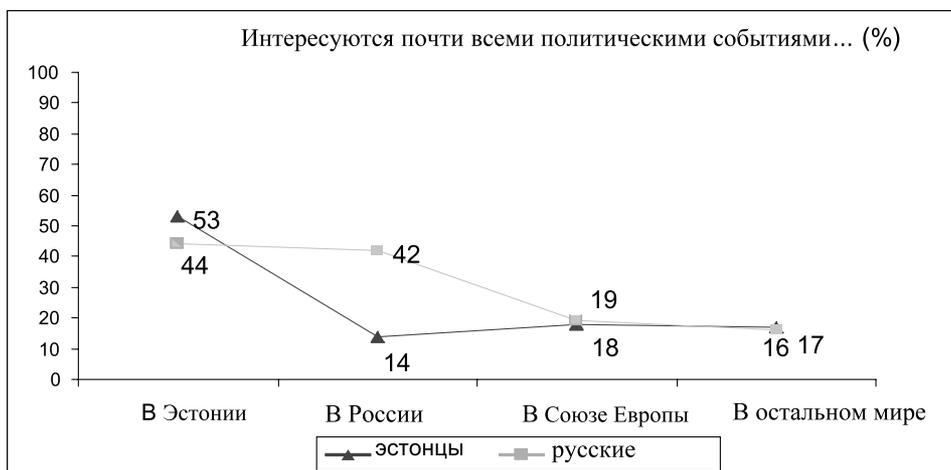

Рисунок 2. Интерес к политике в разных странах

Источник: Мониторинг интеграции 2005 года.

и принципом равного обращения. Подтверждением тому служит и факт, что около 40% респондентов, как эстонской, так и других национальностей, показывали, что не имеют суждения о том, должны ли национальные меньшинства быть представлены в органах власти. Отсутствие видных и авторитетных русских политиков в высших структурах власти поддерживает воззрения о государстве как о государстве эстонцев и для эстонцев. Но эти взгляды уже не являются всеобщими. Ментальность эстонцев и неэстонцев в этом вопросе объединяют либеральные взгляды, то есть право участия в «большой» политике не связывается с национальностью; этого взгляда придерживается в среднем от 25 до 30% респондентов. Представительство с учетом этничности, то есть пропорциональный принцип представительства в зависимости от этнического состава населения или граждан, в 2008 году поддерживало более 50% русских. Это больше, чем в 2005 году, что можно расценить как показатель неудовлетворенности тем, как проблемы меньшинств решаются властями. Несомненно, что здесь отражается и рост недоверия в результате апрельского кризиса 2007 года.

Типичная черта политической ментальности эстонцев, унаследованная от практики начала 90-х годов, – непризнание местных русских политическими партнерами. В общих представлениях это отражается в отрицании пропорционального представительства меньшинств в политических институтах. Вместе с тем все больше укрепляется понимание, что меньшинства должны участвовать в политической жизни. По данным мониторинга интеграции 2005 года, лишь 5–10% эстонских респондентов полностью отрицали необходимость представительства неэстонцев в разных органах власти (кризис 2007 года увеличил их долю). Большинство же эстонцев поддерживает «лимитированное» участие (от 10 до 25%) представителей неэстонского населения в парламенте, правительстве, силовых структурах и органах местного самоуправления. Несогласие с участием русских во власти связано с общими негативными этническими установками и неудовлетворенностью тем, что владение эстонским языком улучшается медленно. При этом характерно, что ссылки на «особенности поведения и образа жизни» эстонских русских становятся более редкими даже

в группе, которая не согласна разделять власть с представителями меньшинств.

Изучение этнополитических установок дает основания заключить, что в эстонском обществе намечается ослабление этнокультурного подхода к нациестроительству в государстве и, тем самым, созревают более благоприятные предпосылки для развития включающей демократии, обеспечивающей сильное участие в политической жизни всех жителей, независимо от национальности или родного языка. Насколько эти умонастроения реализуются на практике, зависит от того, как быстро политические партии и гражданское общество в целом будут укреплять демократические ценности и добиваться, чтобы многокультурный характер общества нашел надлежащее отражение и в политической жизни.

Политическая культура и массовые представления современного эстонского общества не существуют в закрытом локальном пространстве, на них оказывают значительное влияние внешние факторы. С одной стороны, членство в Европейском союзе, а с другой – то, что практически вся Эстония покрывается российскими каналами телевидения. Фактически все русскоговорящее население следит регулярно за передачами этих каналов, и под их влиянием формируются многие представления о политике. Именно разная степень интереса к российской политике разделяет информационное пространство. Политические события в России представляют все меньший интерес для эстонцев, особенно молодежи, и с ними знакомятся опосредованно, через западные и эстонские СМИ. Русские же имеют непосредственный доступ к этим каналам как основным источникам информации.

Такое использование российских источников информации русскоговорящим населением страны часто вызывает у эстонцев озабоченность, порой в этом видится даже проявление нелояльности к Эстонии. С этими оценками можно согласиться, но лишь частично, ибо на предпочтение тех или других телеканалов влияют многие факторы, в данном случае – языковой барьер и малый выбор программ на русском языке на эстонском телевидении. В то же время эстонское общество, и русские в том числе, уже привыкло к свободе прессы, и возможность сопоставления разных источников уменьшает зависимость от каждого из них в отдельности.

Успех или неудача интеграции населения Эстонии в известной мере зависит от того, как складываются межгосударственные отношения с Россией. В целом они остаются напряженными, что подпитывает взаимное недоверие между эстонцами и русскими. В памяти эстонцев все еще жив образ России как источника внешней опасности. Русские же не могут разделить этого взгляда о стране, с которой связано их собственное прошлое или прошлое их предков. Пока существовало единое государство, полуофициальный дискурс двух родин, великой и малой, был психологически комфортным и не вызывал внутреннего конфликта идентичности русских, проживавших вне России. Когда же официальная версия «малых родин» изменилась и наполнилась этническим содержанием, прежнее дуальное самоопределение помогло быстрее определиться в новой ситуации. Об этом свидетельствуют многие социологические исследования. Например, А. Кирх, П. Колсто, Д. Лейтин, Т. Вихалемм и А. Массо⁷ пришли к выводу, что эстонские русские

⁷ Kirch A. et al. Vene noorte etnilise ja kultuurilise identiteedi muutused aastatel 1993–1996 // Järve P., Heidmets M., Lauristin M. (eds.) Vene noored Eestis: sotsioloogiline mosaiik. Tartu Ülikool "Avita": Tallinn, 1997; Kolsto P. Territorializing Diasporas: The Case of the Russians in the Former in the Former Soviet Republics. 1999 [<http://folk.uio.no/palk/Territorialising.htm>]; Laitin D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca, London: Cornell University Press, 1998; Vihalemm T., Masso A. Patterns of Self-Identification among the Younger Generation of Estonian Russians // Lauristin M., Heidmets M. (eds.) The Challenge of the Russian Minority. Tartu University Press, 2002. P. 185–198.

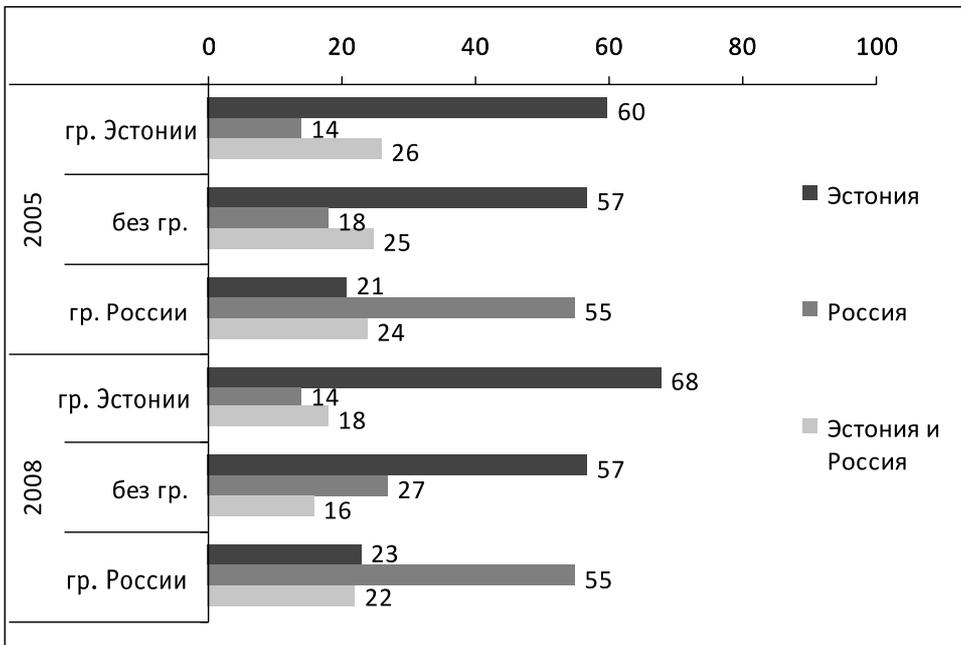

Рисунок 3. Восприятие Эстонии и России в качестве родины, в зависимости от гражданства

Источник: Мониторинг интеграции 2005 и 2008 годов. Распределение ответов русских респондентов на вопрос: «Какое государство Вы считаете своей родиной?» (%)

идентифицируют свою принадлежность к Эстонии не как члены общества или государства, а как жители определенных городов (особенно на северо-востоке Эстонии). Психологическими маркерами принадлежности к Эстонии выступают в основном индивидуальные жизненные мотивы, такие как «место, где я родился и вырос», «место, где я стал тем, кем я являюсь», «место, где все свое и где мне хорошо живется». В контексте интеграции эстонского общества данные мотивации чрезвычайно важны, так как они схожи с общечеловеческими ценностями родины, разделяемыми и эстонцами. Правда, у эстонцев совпадают три составляющие пласта коллективной идентичности – этнический, культурный и государственный. Соотношение этих параметров коллективного самоопределения эстонских русских отличаются большей вариативностью, начиная с маргинальной картины родины (см. рис. 3).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что гражданство как юридически подтвержденное «членство» в государстве и личное самоопределение по отношению к нему во многих случаях не совпадают. Это характерно как для русских – граждан Эстонии, так и для русских – граждан России. Среди молодых эстонских русских данное несоответствие уменьшается (см. рис. 4).

Процесс укоренения русского населения в Эстонии оказывает влияние и на этническую самоидентификацию. По данным социологических исследований (мониторинг 2002 и 2005 годов), свыше 60% респондентов определяют свою этничность как «эстонские русские» (первое или второе предпочтение вместе с самоназванием «русские»). При этом среди граждан Эстонии три четверти считают себя «эстонскими русскими». А среди граждан России и лиц без гражданства 30% предпочитают называться «эстонскими русскими».

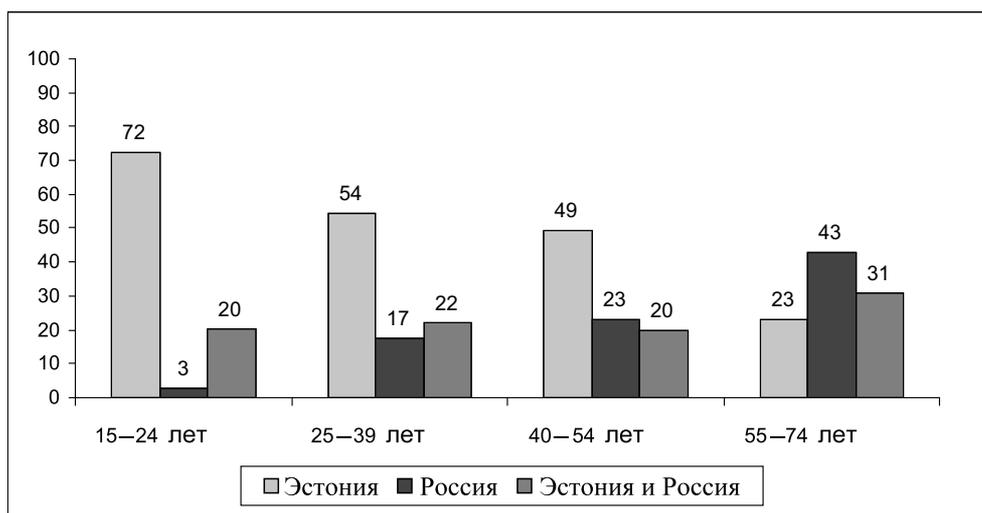

Рисунок 4. Восприятие Эстонии и России в качестве родины, в зависимости от возраста

Источник: Мониторинг интеграции 2005 года. Распределение ответов русских респондентов на вопрос «Какое государство Вы считаете своей родиной?» (%)

ми». Эти примеры говорят о формировании локальной идентичности русских Эстонии и об ослаблении чувства общности с Россией.

Информация, которой мы располагаем в результате исследований этнических отношений и интеграции в Эстонии, дает основания считать несостоятельным политический проект «диаспоризации» под видом защиты прав соотечественников за рубежом России. Попытки представить всех «соотечественников» единым целым с единой волей принадлежать к так называе-

мому русскому миру, имеют мало общего с реальной жизнью русских людей за пределами России. Несмотря на то, что зарубежные русские, эстонские в том числе, сохраняют многие связи с Россией и ее культурными ценностями, эти связи не превращают их в филиалы России. Насколько гармонично будут в будущем сочетаться гражданская идентичность Эстонии и приверженность ценностям русской культуры, всецело зависит от развития демократии в обеих странах и от улучшения межгосударственных отношений.

Институализация прав человека в России: шаги вперед и назад

Институционализация прав человека неразрывно связана с развитием демократического правового государства, базирующегося на их приоритете. Соответственно, мера органического включения прав человека в нормативную основу власти и правоприменительную практику, равно как и развитие собственно правозащитных институтов во власти и гражданском обществе, может служить критерием становления такого государства, успешности демократического транзита. Вместе с тем само понятие демократического транзита как однонаправленного перехода из состояния авторитаризма к демократии все чаще ставится под сомнение современными исследователями¹. По мнению многих из них, итогом поставторитарных преобразований может стать вовсе не демократия, а один из вариантов так называемых гибридных режимов².

В этих условиях процесс инкорпорации прав человека как в нормативную базу, так и в общественное сознание может также быть не однонаправленным,

¹ *Гельман В.Я.* Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // *Общественные науки и современность.* 2001. № 1. С. 55–69; *Елисеев С.М.* Выйти из «бермудского треугольника»: о методологии исследования посткоммунистических трансформаций // *Полис.* 2002. № 6. С. 71–82; *McFaul M.* Transitions from Postcommunism // *Journal of Democracy.* 2005. July. Vol. 16. No. 3. P. 5–19.

² *Diamond L.* The Rule of Law versus the Big Man // *Journal of Democracy.* 2008. April. Vol. 19. No. 2. P. 138–149; *Gel'man V.* Out of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective // *International Political Science Review.* 2008. March. Vol. 29. No. 2. P. 157–180; *Мельвиль А.Ю.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Полис.* 2004. № 2. С. 64–75.

Александр Юрьевич Сунгуров,
*доктор политических наук,
координатор Исследовательского
комитета по проблемам прав человека
Российской ассоциации политической
науки, заведующий отделением
прикладной политологии
Санкт-Петербургского филиала
Государственного университета –
Высшей школы экономики, президент
Санкт-Петербургского центра
«Стратегия»,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

он может замедляться и даже иногда идти вспять. В первом приближении процесс институционализации прав человека можно разделить на четыре компонента:

- инкорпорацию прав человека в нормативную базу государства, проникновение этой концепции из сферы естественного в сферу позитивного права;
- включение концепции прав человека в публичную дискуссию, в которой принимают участие самые различные группы населения, а не только исходные адепты этой концепции, а также ее принятие существенной частью общества;
- появление и развитие государственных правозащитных институтов, то есть государственных органов и структур, основной целью которых является именно защита прав человека;
- развитие общественных правозащитных организаций.

В данной статье мы остановимся на первых двух компонентах этого набора. Третий уже рассматривался в наших предыдущих работах³, обстоятельства же и детали развития общественных правозащитных организаций требуют отдельного серьезного анализа⁴.

Права человека и российское законодательство

Законодательство Российской Федерации может быть охарактеризовано достаточно высокой степенью включенности обсуждаемой концепции в основные нормативные акты. Так, в Конституции РФ правам человека посвящена вся вторая глава⁵, и в целом Основной Закон России в этом смысле полностью соот-

ветствует мировым стандартам. Важным показателем является также записанное в Конституции указание на то, что в случае расхождения международных соглашений по правам человека и российских нормативных актов приоритет отдается первым.

Вступление Российской Федерации в Совет Европы, ратификация ею Европейской конвенции по правам человека также подтверждают факт включения концепции прав человека в российское законодательство, так как Европейская конвенция становится теперь частью корпуса нормативных актов, действующих в нашей стране. Об этом же свидетельствует и распространение юрисдикции Европейского суда по правам человека на территорию и граждан России.

Вместе с тем вряд ли сегодня можно говорить о подлинной инкорпорации концепции прав человека в российскую юридическую систему. Подавляющее большинство российских юристов, особенно тех, которые работают в государственных структурах, воспринимают право исключительно как совокупность существующих в стране законов, то есть исходят из его позитивистской концепции. В рамках этого подхода права человека являются не более чем одной из юридических норм, которые приняты законодателем и им же могут быть отменены.

Известный российский юрист, ныне судья Страсбургского суда по правам человека Совета Европы А.И. Ковлер так описывает соотношение между типами правопонимания в современной России: «Противостояние между двумя типами правопонимания (в терминологии В.С. Нерсисянца) – легистского, настаи-

³ См., напр.: Сунгуров А.Ю. Административная реформа и институт уполномоченного по правам человека // Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия – 2008 / Под ред. А.Е. Шадрина. М.: Агентство социальной информации, 2008. С. 192–202; Институт омбудсмена как институт государственной правозащиты: российский и международный опыт / Сб. ст. под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2007.

⁴ Эскизы к такому анализу см.: Сунгуров А.Ю. Участие правозащитных организаций в процессе принятия властных решений // Роль правозащитных организаций в принятии государственных решений и влияние на общественное мнение / Под ред. Т.И. Виноградовой. СПб.: Норма, 2005. С. 8–47 [<http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=738>].

⁵ Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1994; Кудрявцев М.А. Равноправие в России: опыт конституционного закрепления // Государство и право. 2005. № 12. С. 43–50.

вающего на монополии государства на правотворчество, и юридического, признающего множественность субъектов правотворчества, – похоже, закончилось победой сторонников юридического, антилегистского, подхода, хотя на практике “скрытое” право все еще продолжает пребывать на полуправовом положении по отношению к праву “официальному”⁶.

На наш взгляд, А.И. Ковлер все же несколько поторопился, точнее, он писал эти строки исходя из ситуации второй половины 90-х годов. Позже, при втором президенте России, процесс пошел в обратном направлении – власть старалась соблюдать именно букву закона, находя способы действовать, формально не противореча конкретным законам. Вместе с тем право, понимаемое в качестве «науки о добре и справедливости, призванной быть основанием для отличия дозволенного от недозволенного»⁷, нарушалось в течение первого десятилетия XXI века все чаще и чаще (примерами могут служить и все дело Ходорковского, и массовое использование административного ресурса на выборах, и «зачистка» политического поля, и многое другое).

Наглядная иллюстрация такого формального понимания права – исполнение всех решений Европейского суда по правам человека по конкретным делам без изменения при этом системы деятельности правоохранительных органов, которая постоянно воспроизводит несправедливость и новые жалобы в Европейский суд.

Вторым показателем «движения вспять» в правовом поле является принятие в середине 2000-х годов ряда федеральных законов, существенно ограничивающих прежде всего политические права граждан, а также право на объединение в ассоциации (изменение порядка выбора глав администраций субъектов РФ, законодательства о политических партиях и их участии в выборах и т.д.). Следует отметить, что наиболее одиоз-

ный вариант нового законодательства об общественных организациях все же не был принят, и в этом существенную роль сыграла солидарная негативная позиция мирового сообщества. При этом наиболее опасными с точки зрения возможных нарушений прав человека являются, как это традиционно характерно для России, даже не сами законы, а подзаконные акты и инструкции. Так, например, разрешительный характер митингов и демонстраций, закрепленный и в Конституции, и в соответствующем законе, сводится на нет повсеместной трактовкой термина «согласуется с местными органами власти» как «разрешается» (редко) или «не разрешается» (как правило) этими органами.

Другим примером являются разработанные Росрегистрацией, созданной в 2006 году в соответствии с новым законодательством об общественных организациях, инструкции и формы отчетности, которые должны были представлять НКО в этот государственный орган. Как отмечалось в различных аналитических докладах, для заполнения этих громоздких форм, которые сотрудники Росрегистрации к тому же просто не могли прочесть в короткие сроки, общественники вынуждены были серьезно отвлекаться от своей непосредственной деятельности.

Права человека как часть общественного правосознания и предмет общественной дискуссии

Классическую концепцию прав человека, уделяющую основное внимание личным, гражданским и политическим правам, правам первого поколения, или «негативным» правам, к сожалению, разделяет сегодня небольшая, если не сказать малая часть российского социума. Действительно, идеи либерализма, которые составляют основу этой концепции, близки пока

⁶ Ковлер А.И. Антропология права. Учебник для вузов. М.: Норма, 2002. С. 11.

⁷ Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1999. С. 4.

далеко не всем. Об этом свидетельствуют и итоги голосований на выборах в федеральный и региональные парламенты (при всех скидках на использование административного ресурса), и результаты социологических опросов.

Еще одним индикатором отражения в общественном сознании представлений о правах человека могут служить результаты выполненного силами Санкт-Петербургского центра «Стратегия» анализа тематики обращений и жалоб к уполномоченным по правам человека в субъектах РФ. Если вычесть жалобы на нарушения личных прав работниками правоохранительных органов (от 10 до 30% от всех обращений), то жалобы на нарушение других прав первого поколения – гражданских и политических прав – составляют около 5%, в отличие, например, от жалоб на нарушение жилищных и социальных прав.

В первом приближении можно выделить три подхода к правам человека:

- либеральный подход, в рамках которого права человека определяются как нечто, исходно наличествующее у человека, данное ему природой (или Богом), поэтому никакая власть или государство не вправе на них посягать;

- социал-демократический подход, рассматривающий права человека как результат общественного договора, гласного и негласного; соответственно, изменения этого договора могут привести и к изменениям сути обсуждаемого концепта;

- государственнический (этатистский) подход, в рамках которого права предоставляет человеку государство в лице суверенного монарха либо избранного народом парламента; соответственно, тот, кто права дал, может их и забрать.

Если оценить выраженность этих подходов в современном российском обще-

ственном сознании, то можно предположить, что для большинства граждан, не относящихся к сотрудникам государственной власти, преобладающим будет социал-демократический подход, за которым близко следует (если не доминирует) подход этатистский. Для государственных же служащих доминирующим является этатистский подход, за которым со значительным отрывом следует подход социал-демократический.

Каким же образом тогда удалось закрепить в Конституции и основных нормативных документах именно классический либеральный подход к правам человека? Объясняется это, вероятно, тем, что перечисленные документы разрабатывались представителями того либерального меньшинства, которое в процессе радикального политического переустройства России оказалось в основных центрах принятия решений – среди народных депутатов России и в составе администрации президента. К тому же общественное сознание тогда было настроено резко антикоммунистически, а потому легко воспринимало и поддерживало либеральные идеи, которые были одновременно и общедемократическими.

Позже, после начала радикальных экономических реформ, для многих россиян понятия либерализма и демократии стали ассоциироваться с беспределом и массовым обнищанием жителей страны, что позволяло и позволяет пока правящим верхам достаточно свободно относиться к нарушению духа, например, политических прав при формальной легальности процедуры изменений законов. Именно поэтому Конституционный суд страны, невзирая на свое же решение 1996 года по алтайскому делу⁸, смог признать не нарушающим Конституцию и права человека новый закон о фактической отмене выборов губернаторов⁹,

⁸ Постановление Конституционного суда РФ о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края от 18.01.96 // Вестник Конституционного суда РФ. 1996. № 1.

⁹ Саликов М. О государственном патернализме и степени "готовности" российского общества к демократии // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах / Материалы Третьей международной конференции ЕСПИ, февраль 2005 года, Екатеринбург. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 362–369.

а общество в целом довольно спокойно отнеслось к своему отстранению от принятия таких важных решений.

Классические либеральные представления о правах человека достаточно глубоко укоренены у определенной активной части общества – российских правозащитников, членов общественных правозащитных организаций, а также у сочувствующих им представителей научной и творческой интеллигенции, многие из которых сыграли важнейшую роль в закреплении прав человека в российской Конституции 1993 года. Однако в середине 2000-х годов правозащитники стали объектом атак со стороны консервативной части российской власти, обвинений в антигосударственной и чуть ли не шпионской деятельности, что не могло не повлиять и на авторитет самого понятия прав человека в российском обществе. Кроме того, широкое использование риторики защиты прав человека во внешней политике США, в том числе для оправдания бомбардировок Сербии и оккупации Ирака, также не могло не отразиться на отношении к этой концепции многих россиян.

Таким образом, говорить об институционализации прав человека в российском общественном сознании пока достаточно сложно. Вместе с тем сегодня в российском публичном пространстве активизируется обсуждение концепции прав человека, что связано, в частности, с появлением «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятых

в 2008 году на Архиерейском соборе РПЦ¹⁰, а также с выступлениями митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла¹¹, ныне Патриарха всея Руси, и других иерархов и служителей РПЦ.

Представители православной церкви поднимают вопрос о необходимости поиска баланса между правами и обязанностями личности, о связи прав человека и его достоинства. Многие правозащитники достаточно ревниво отнеслись к подобному вторжению в тему, которая долгое время была их «вотчиной» и обсуждалась ими с либеральных позиций¹², и таким образом фактически заявили о своей монополии на проблему прав человека.

Однако, даже отрицая право представителей церкви и воцерковленной общественности¹³ участвовать в публичной дискуссии о концепции прав человека (хотя сложно понять, как с либеральных позиций можно отрицать такое право у других людей), не стоит забывать, что и в секуляризованном, светском мире наряду с либералами существуют люди с другим мировоззрением – консервативным, социалистическим и иным. Соответственно, и концепция прав человека трактуется, обсуждается и ставится под сомнение исходя из различных позиций политической философии и нормативной политической теории¹⁴.

В частности, проблема соотношения понятий «права человека» и «достоинство личности» не только заявлена в на-

¹⁰ [<http://www.sobor2008.ru/428616/index.htm>]

¹¹ Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: Отдел внешних связей Московского патриархата, 2008.

¹² Так, например, на Втором Всероссийском съезде правозащитников Г. Якунин говорил о Декларации о правах и достоинстве человека: «Декларация» подрывает демократические основы общества и вносит свою лепту в ползучий конституционный переворот» [<http://www.zaprava.ru/content/view/607/2/>]. В другой публикации на сайте движения «За права человека» С.Н. Егоров пишет: «Казалось бы, секуляризм окончательно победил в цивилизованном мире и, в частности, в России. Ан нет. Церковь снова, как и в средние века, хочет порулить всем обществом, а не только своими членами» [<http://www.zaprava.ru/content/view/120/2/>].

¹³ См., напр., Малер-Матвеева Е. Православное переосмысление прав человека // Интернет-журнал Сретенского монастыря [<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/790.htm>].

¹⁴ См., напр.: Алексеева Т.А. Современные политические теории: курс лекций. М.: МГИМО (У) МИД РФ, РОССПЭН, 2007; The Oxford Handbook of Political Theory / Ed. by J.S. Dryzek, B. Honig and A. Phillips. Oxford: Oxford University Press, 2008.

звании книги митрополита (а ныне Патриарха) Кирилла¹⁵, но и занимает важное место в лекциях одного из авторитетнейших правозащитников, основателя Варшавского хельсинкского фонда Марека Новицкого, который считает, что с понятием достоинства личности связана центральная идея концепции прав человека¹⁶. Возможно, именно в этом понятии кроется ключ к решению проблемы соотношения прав и обязанностей человека, которую достаточно остро ставит не только РПЦ, но и другие христианские конфессии и которую с завидной простотой исключают из обсуждения многие правозащитники, говоря «о существовании одной-единственной обязанности Человека – требовать от государства уважения и соблюдения прав человека по отношению к себе и другим людям»¹⁷.

На наш взгляд, и в классической либеральной теории содержалось представление об обязанностях человека. Однако оно присутствовало в скрытом виде, а именно в понятии достоинства личности. Как отмечает в своих работах О. Малинова, концепция универсальности прав человека и в XVIII, и в XIX веке подразумевала определенную стратегию исключения: «...часть населения Западной Европы и Северной Америки (представители социальных низов, женщины, иногда – члены определенных религиозных конфессий) была ограничена в реализации многих из “основных прав”, некоторые же группы (рабы, “туземцы”) вообще не рассматривались в качестве

субъектов таковых. Либеральная теория частично легитимировала такое положение вещей, используя различные “стратегии исключения”, позволявшие ограничивать круг субъектов свободы»¹⁸. То есть классическая концепция либерализма подразумевала равенство прав людей из группы, которую условно можно назвать «джентльменами». Предусматривалось, что они должны следовать кодексам чести, в которые органической частью входили и их обязанности. Когда же «равенство прав» стало распространяться все шире и шире, в том числе и на людей, у которых были проблемы с такими понятиями, как честь и достоинство, то возникла проблема, выраженная Достоевским в словах: «Если Бога нет, то все дозволено?»

А это значит, что и представители православной церкви поднимают сегодня актуальную проблему достоинства личности, очень близкого такому свойству, как *integrity* (порядочность), которое современные специалисты считают важнейшим условием неподверженности человека коррупционным сделкам. В целом же включение все новых и новых слоев российского общества (в том числе и воцерковленной общественности) в дискурс прав человека представляется нам положительным явлением¹⁹, которое может привести к прочному закреплению концепции прав человека на российской почве, а также к развитию публичной сферы общественных дискуссий, без которой невозможно укоренение демократии.

¹⁵ Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Указ. соч.

¹⁶ Новицкий М. Лекции о правах человека // Правозащитный портал www.hro.org.

¹⁷ Курс «Права человека»: учебное пособие для сотрудников аппаратов уполномоченных и комиссий по правам человека в РФ / Авт. сост. Н. Таганкина и др. М.: Московская хельсинкская группа, 2005. С. 25.

¹⁸ Малинова О.Ю. Универсальные права человека и вызовы культурного релятивизма // *Civitas*. 2003. № 1. С. 12.

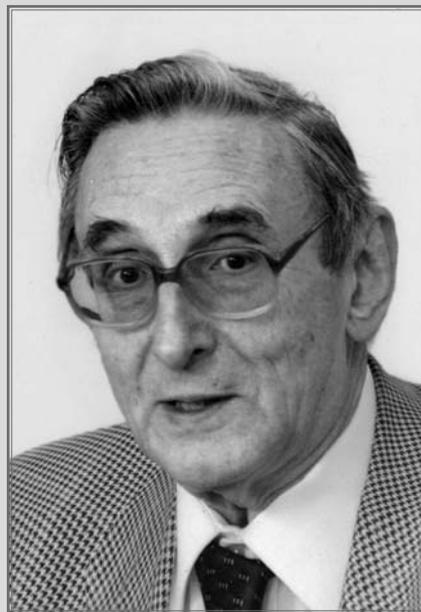
¹⁹ О важности развития диалога и интеграции между православными и другими общественными силами см.: Солодовник С. Православные граждане // *Pro et Contra*. 2008. Март – июнь. № 2–3 (40). С. 59–74. Отметим также, что при обсуждении концепции прав человека сами представители православной общественности ставят вопросы о готовности церкви на собственном примере показать, что в своей жизни, среди своих членов она способна реализовать предложенное ею учение о правах человека (Белановский Ю. Православие и права человека // Аргументы и факты. 2008. 11 июля [<http://www.aif.ru/society/article/195505>]).

Религия в сегодняшней России

Минувшее двадцатилетие (1988–2008) войдет в историю нашей страны как время рождения, развития, а затем постепенного свертывания свободы мировоззренческого выбора россиян. Оно четко делится на два этапа: до и после вооруженного конфликта на Северном Кавказе.

Первый этап принес нам перестройку, отказ от официального коммунистического единомыслия, распад Советского Союза, не выдержавшего гонки вооружений, прекращение холодной войны с Западом и Конституцию правового государства (1993). Впервые в истории страны Основной Закон провозгласил высшей ценностью человека, его права и свободы, в том числе свободу совести. Впервые основные права и свободы человека были объявлены неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения. Впервые было прямо заявлено, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения не только на словах, но и на деле были отделены от государства и приобрели равенство перед законом и применяющими его в своей повседневной деятельности государственными структурами. В эту систему координат идеально вписался созданный в 1995 году Б.Н. Ельциным Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ –

Статья подготовлена в рамках проекта Института Кеннана «Религиозная свобода – условие возрождения России» (2004) и проекта № 09-01-00498 а/р Российского гуманитарного научного фонда «Религиозный фактор в политике СССР и постсоветской России на рубеже веков. Различия, совпадения, перспективы» (2009).

Анатолий Андреевич Красиков,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института Европы РАН,
руководитель Центра социально-
религиозных исследований,
председатель Совета Товарищества
выпускников Института Кеннана,
Former Woodrow Wilson Center Public
Policy Scholar, Former Kennan Institute
Galina Starovoitova Fellow

консультативный орган, в состав которого вошли высшие руководители и представители более десяти самых крупных и влиятельных общин верующих. При создании Совета им было дано право участвовать в разработке концепции государственно-конфессиональных отношений (теперь они этого права лишены).

Второй этап ознаменовался атаками на основы только что родившегося и не успевшего еще окрепнуть нового конституционного строя Российской Федерации, маргинализацией общественного сознания, поисками внешних и внутренних врагов. Развернулось наступление на свободу совести. Оно проявилось в принятии в 1997 году нового закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», который отменил законодательство 1990 года и потребовал всеобщей перерегистрации религиозных объединений страны и «ликвидации либо запрета деятельности» тех, кто не смог пройти такую перерегистрацию. Инициаторы принятия нового закона не скрывали намерения «упростить» религиозную географию страны и ликвидировать те общины верующих, которые, по мнению церковных и государственных функционеров, не доказали свою преданность историческим традициям «святой Руси». Правда, полностью осуществить это намерение им не удалось, так как Конституционный суд РФ указал на недопустимость придания закону обратной силы (большинство оказавшихся под угрозой отказа в перерегистрации религиозных структур были признаны государством ранее по закону 1990 года).

Тем не менее наступление на свободу совести не остановилось. Оно проявляется во взаимопроникновении церковно-административного аппарата Русской православной церкви (РПЦ) и государственных структур, в фактиче-

ском ограничении прав и возможностей неправославных религиозных общин, особенно на местах, и в рождении православного экстремизма (по терминологии адептов – «сверхнационализма»). Налицо заметная клерикализация государства и огосударствление все более господствующей РПЦ¹.

Это нашло отражение в государственном гимне, с которым Россия вошла в XXI век. Отказавшись от исполнявшегося на протяжении всех «ельцинских» лет без слов варианта на музыку М.И. Глинки, 27 декабря 2000 года законодатели вернулись к советскому гимну, созданному композитором А.В. Александровым, с текстом, который трижды сочинялся и пересочинялся С.В. Михалковым. В первом варианте упоминался Ленин, который «великий нам путь озарил», и подчеркивалось, что «нас вырастил Сталин», который «на труд и на подвиги нас вдохновил». Потом Сталин из гимна исчез, но остался основатель советской системы, вдохновлявший нас «на труд и на подвиги» уже в одиночку. А отныне в гимне звучат другие слова: «Россия – священная наша держава... Одна ты такая – хранимая Богом родная земля».

Одним из проявлений личной вовлеченности президента Путина в церковные дела стала роль, сыгранная им в сближении РПЦ с Русской церковью за рубежом (РПЦЗ), объединяющей потомков той части белых эмигрантов, которые изначально стояли на позициях национализма и монархизма. Восстановление канонического общения численно скромной, но представленной на всех континентах православной структуры с самой крупной институцией вселенского православия, которая одна все считает больше членом, чем все остальные православные церкви, вместе взятые, усилило «державников», проявляющих нетерпимость по отношению

¹ Последним по времени проявлением этой тенденции стал разгром сформированной в 1998 году системы государственной религиозно-экспертной и создание приказом Минюста РФ № 61 от 3 марта 2009 года нового «экспертного совета» во главе с известным гонителем неправославных религиозных объединений, штатным сотрудником одного из учебных заведений РПЦ Александром Дворкиным.

к инаковерующим и инакомыслящим россиянам.

Администрация президента включила Патриарха Московского и всея Руси в список «протокольного старшинства российских официальных лиц» под номером 5 (предыдущие четыре строки в нем занимают сам президент, премьер-министр, а также председатели Государственной думы и Совета федерации). При этом не прекращался поток заявлений о «главенствующей» роли РПЦ в жизни государства. Некоторые высокопоставленные персоны начали называть православие «государственной идеологией» России. А в стенах Думы то и дело рождались (и рождаются до сих пор) законопроекты, предусматривающие вознесение церкви до высот, которые до 1990 года занимала известная всем «руководящая и направляющая сила советского общества».

Самым распространенным нарушением законодательства, чреватым далеко идущими последствиями, стало массовое открытие храмов и фактическое создание приходов РПЦ на территории государственных структур, чья деятельность должна служить интересам всего общества, независимо от религиозных (или нерелигиозных) взглядов его членов. 6 марта 2002 года был освящен православный храм в честь Софии, Премудрости Божией на территории комплекса зданий ФСБ². К «силовикам» присоединились и другие правительственные учреждения, в том числе Министерство иностранных дел, которое занялось строительством и оборудованием православных храмов за рубежом, в том числе в зданиях посольств и миссий РФ. Посещение богослужений стало своего рода свидетельством благонадежности не только в МИДе, но и для всех работников «бюджетной сферы», независимо от их реального отношения к религии.

Тот же процесс развернулся в судебной системе. 20 апреля 2006 года руко-

водители Славянского правового центра А.В. Пчелинцев и В.В. Ряховский направили председателю Верховного суда и генеральному прокурору РФ открытое письмо, в котором обратили их внимание на факты нарушения принципа светского характера судопроизводства в Московском городском суде, где, вопреки действующему законодательству, появилась православная часовня. В письме отмечалось, что на территории Мосгорсуда, по существу, была создана состоящая из его сотрудников религиозная община, которую «окормляет» духовенство близлежащего православного храма³.

Резко обострилась начавшаяся еще при Ельцине полемика по вопросу о преподавании в государственных школах предмета «Основы православной культуры» (ОПК). Среди сторонников курса ОПК, наряду с Патриархом, оказались президент Российской академии наук Ю.С. Осипов и ректор МГУ В.А. Садовничий, среди противников – десять академиков РАН, в том числе два лауреата Нобелевской премии Ж.И. Алферов и В.Л. Гинзбург. Дискуссия не ограничилась рамками одного конкретного вопроса (за или против ОПК), затронув весь спектр проблем идентичности многоцветной российской культуры, ее навязанной сверху изоляции от внешнего мира или, наоборот, творческого общения с культурами других стран и народов, их связей друг с другом и с мировой культурой в ее поступательном развитии, конца которому не будет до скончания веков.

С начала 2000-х годов осложнилось положение неправославных религиозных общин. Одними из первых почувствовали на себе тяжелую длань государства последователи иудаизма. После нескольких публичных высказываний, по правде говоря, достаточно осторож-

² Сообщение ОВЦС, 6 марта 2002 года.

³ Цит. по копии письма.

ных, в поддержку мирного населения Чечни главный раввин России А.С. Шаевич неожиданно для себя столкнулся с попыткой отстранения от руководства своей религиозной общиной. Вот что писала по этому поводу в июньском номере за 2000 год выходящая в Москве «Международная еврейская газета»: «Если говорить всерьез, то произошло невероятное. Одно из подразделений нынешней администрации осмелилось в стране, где в соответствии с Конституцией государство отделено от религиозных институтов, предложить главному раввину уйти в отставку». Шаевич от этого предложения отказался. Тогда в противовес руководимому им Конгрессу еврейских религиозных обществ и организаций России (КЕРООР) была создана новая религиозная организация под названием «Федерация еврейских общин России» (ФЕОР). 13 июня 2000 года она избрала «параллельного» главного раввина. Он-то и был включен в состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте вместо «провинившегося» Шаевича.

Вскоре после этого возникли трудности у католиков. Когда в начале февраля 2002 года Папа Римский решил учредить в России вместо четырех существовавших ранее апостольских администратур – временных структур Римско-католической церкви (РКЦ) – архиепархию в Москве и еще три епархии в Новосибирске, Саратове и Иркутске, в полемику между РПЦ и РКЦ включилось Министерство иностранных дел России. Не отрицая права католиков организовываться в соответствии с собственными каноническими нормами, российское дипломатическое ведомство, тем не менее, сначала попыталось не допустить осуществления принятого Иоанном Павлом II решения, а потом выразило официальное сожаление в связи с тем, что «такое важное решение было принято без должного учета мнения российской стороны». К антикатолической кампа-

нии подключилась и Государственная дума. Жертвой конфликта оказался руководитель российских католиков гражданин РФ митрополит Тадеуш Кондрусевич, чьи просьбы о личных встречах игнорировались как политическим руководством страны, так и священноначалием РПЦ. В результате Ватикан был вынужден перевести его (в конце 2007 года) из России в Белоруссию, назначив руководителем архиепархии в Москве итальянца Паоло Пецци. Впрочем, нового митрополита ожидал столь же прохладный (мягко выражаясь) прием, и место представителя католиков в Совете при президенте РФ оставалось вакантным до середины апреля 2009 года, когда по решению Д.А. Медведева его занял священник Игорь Ковалевский, генеральный секретарь Конференции католических епископов России, в спорах с властью не участвовавший.

Свою долю неприятностей получили российские протестанты. После того как вместо П.Б. Коновальчика, срок полномочий которого истек, новым руководителем Российского союза евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ) был избран неоднократно выступавший с критическими замечаниями в адрес государственных и церковных чиновников епископ Ю.К. Сипко, место представителя этой религиозной организации в Совете при президенте долгое время оставалось вакантным. В конечном итоге им был назначен другой человек, который, как и о. Игорь, не «запятнал» себя такой критикой. Особенно трудно складывается религиозная жизнь протестантов на местах, где они то и дело подвергаются притеснениям со стороны государственных чиновников и правосудия, следующего примеру некоторых московских судов, которые отказывают в праве на существование даже тем религиозным общинам, чьи централизованные структуры зарегистрированы в установленном порядке Министерством юстиции РФ.

Разделить религиозные общины России на «свои» и «чужие» открыто предложили авторы попавшего в печать проекта доклада рабочей группы президиума Государственного совета РФ по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма в РФ от 30 октября 2002 года. В нем уже сам факт увеличения числа зарегистрированных в России за последнее десятилетие конфессиональных направлений рассматривался как сугубо негативный. По словам составителей документа, создавшееся положение, обусловленное, в частности, «ростом религиозной экспансии со стороны других государств» (!), «нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс».

Болезненнее других реагировали на ущемление своих прав мусульмане – самая крупная после православных религиозная община страны. Претензии Совета муфтиев России к государству подробно изложил в докладе, подготовленном к научно-практической конференции, которая состоялась в декабре 2005 года в Институте Европы РАН, председатель Совета шейх Р. Гайнутдин. Главная из них – «практическое отсутствие национальной и религиозной политики, отсутствие ситуативного анализа и прогнозов в этих сферах, пускание процесса на самотек». Мусульманский лидер неоднократно подчеркивал, что его паства с уважением относится к православию, но не может смириться с широко распространившейся практикой «согласования» вопросов, связанных со строительством мечетей, открытием исламских учеб-

ных заведений и удовлетворением других нужд верующих мусульман, с местными священнослужителями и иерархами РПЦ.

Внутри РПЦ сложились два противоположных течения. Первое из них – назовем его условно миротворческим или универсалистским – в течение всех 18 лет своего предстоятельства поддерживал Патриарх Алексий II⁴. Наиболее шумливым рупором второго, воинствующего, или национал-державного, до своей кончины в 1995 году выступал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычѳв)⁵, затем его знамя было подхвачено большой группой епископов РПЦ и Синодальным отделом по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями (с 2000 года его возглавляет протоиерей Димитрий Смирнов). Для этих церковных деятелей Россия – осажденная крепость, на которую наступает чуть ли не весь мир. Выступая 21 июня 2005 года на «круглом столе» в Москве, посвященном религиозному обучению, о. Димитрий, не моргнув глазом, заявил: «Ни о каком реальном влиянии ислама и исламской культуры в нашей стране говорить нельзя»⁶. В этой связи он вступил в полемику даже с верховным главнокомандующим. «Существует ряд мифов, которые тиражируются, к сожалению, даже нашим президентом, – сказал протоиерей. – Один из них – что Россия многонациональная страна». Этот же тезис председатель отдела повторил в 35-м номере своей газеты, до-

⁴ Высший руководитель РПЦ – потомок курляндских дворян, перешедших из лютеранства в православие в XVIII веке. Он родился и вырос в буржуазной Эстонии и стал гражданином СССР лишь на пороге вступления во взрослую жизнь. Для него православие было не национальной, а мировой религией, частью вселенского христианства. Еще большую открытость по отношению к внешнему миру проявляли последователи убитого в 1990 году протоиерея Александра Меня – сторонники восстановления единства христиан, которое было разрушено в начале второго тысячелетия н.э.

⁵ Подлинным манифестом епископов-фундаменталистов стал опубликованный через год после смерти владыки Иоанна сборник «Выбор судьбы – проблемы современной России глазами русских архиереев» (СПб, 1996). Почти все материалы сборника проникнуты ненавистью к «чужим», «не нашим».

⁶ Известия. 2005. 22 июня.

бавив: «Мы, Российская Держава, – моноконфессиональная и моноэтническая страна»⁷.

Первой миротворческой акцией Алексия II стало публичное осуждение в январе 1991 года, еще до распада СССР, использования армии для подавления движения за независимость Литвы⁸. 6 декабря 1994 года, когда до предела сгустились тучи над Кавказом, он выступил с предостережением, напомнив государственным властям России, что насилие порождает не мир, а лишь ответное насилие. 26 декабря 1994 года было распространено еще одно, может быть, самое драматическое заявление Алексия II: «Никакие, даже самые справедливые и законные, соображения государственной пользы не могут оправдать жертв и страданий мирного населения. Никакие, даже самые благие, цели не должны достигаться методами, могущими привести к огромной несправедливости и в итоге породить многократное умножение насилия, что будет губительно для всей России»⁹. Позиция Патриарха не получила поддержки со стороны большинства епископов, а вскоре был создан упомянутый в предыдущем абзаце синодальный «спецотдел».

В своей последней книге Алексей II обратил внимание на ценности гуманизма. «Господствующим умонастроением нашего века, – констатировал он, в частности, – продолжает оставаться секулярный, основанный исключительно на земных ценностях, гуманизм, и вполне естественно поставить его лицом к лицу с современной нравственной проблемой: какими возможностями он располагает для ее разрешения? Мы знаем,

что здравый смысл и разум способны удерживать нас от самоуничтожения. Этому помогает и воспитание молодых поколений в духе ответственности. Сюда же примыкают чувство долга, честь, стыд, жалость и стремление к справедливости. Законы, обеспечивающие справедливый порядок жизни, тоже занимают свое место в узком кругу тех моральных сил, которые образуют содержание гуманистической этики, основанной на вере в нравственную силу человека»¹⁰.

Нет необходимости вооружаться микроскопом, чтобы увидеть несовпадения, возникавшие нередко между взглядами предстоятеля РПЦ, с одной стороны, и реальными действиями церковно-административного аппарата – с другой. И это объяснимо. Окончательные решения по наиболее важным вопросам, требующим занятия официальной позиции, принимаются не единолично Патриархом, а «соборно».

Некоторое время назад главный редактор популярного церковного журнала «Фома» В. Легойда обратился к Алексию II с вопросом: «В римо-католичестве точка зрения Папы – это и есть точка зрения церкви. В православии голосом церкви является собор епископов. Бывает ли так, что соборное мнение и Ваше личное – не совпадают? Если такое случается, то чей голос берет верх?» В своем ответе Патриарх признал: «Да, иногда случается. Но в этом-то и суть православной соборности – отказаться от своего мнения перед волей церкви. Естественно, каждый епископ имеет право высказать свою точку зрения на соборе и не согласиться с мнением большинства. Однако подчиниться воле со-

⁷ Победа, победившая мир. 2005. № 7 /35.

⁸ Назвав действия Кремля «большой политической ошибкой, а на церковном языке – грехом», Алексей II обратил внимание на «неизменное искушение и вековую болезнь государственности: государство свои интересы склонно автоматически отождествлять с интересами людей, а под “государственными интересами” склонно понимать прежде всего удобство и легкость в управлении» (Алексий II. Сборник избранных трудов к годовщине интронизации. М., 1991. С. 148–149).

⁹ Информационный бюллетень ОВЦС. 1995. 13 января. С. 3.

¹⁰ *Алексий II*. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 17–18.

бора он обязан, в том числе и Патриарх, являющийся первым из епископов поместной церкви»¹¹.

Последней миротворческой акцией Алексия II стало его выступление против войны с Грузией в августе 2008 года. «Узнав о боевых столкновениях в Цхинвали и его окрестностях, – заявил он сразу же после начала боевых действий, – призываю противостоящих прекратить огонь и вернуться на путь диалога. Среди тех, кто поднимает руку друг на друга, – православные христиане. Более того, столкнулись друг с другом православные народы, призванные Господом жить в братстве и любви»¹². Призыв этот оказался гласом вопиющего в пустыне. Война переместилась вглубь Грузии. Отказ Патриарха и последовавшего за ним на этот раз Синода включить Южную Осетию и Абхазию в «каноническую территорию» РПЦ вызвал отрицательную реакцию воинствующего крыла церковных сановников и их единомышленников в государственном аппарате. Сердце Патриарха не выдержало нового испытания, и 5 декабря 2008 года он скончался.

Среднюю позицию между миротворцами-универсалистами и воинствующими национал-державниками на протяжении минувших 20 лет занимала склонявшаяся то в одну, то в другую сторону внушительная группа архиереев, самым ярким представителем которой все эти годы был председатель Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. В то время как рядом с Патриархом в его любимой, но скром-

ной резиденции в Чистом переулке работало всего несколько человек, ОВЦС, обосновавшийся в трехэтажном здании, расположенном (с конца 80-х годов) на территории Свято-Данилова монастыря, насчитывал более сотни сотрудников (среди них немало высокообразованных людей с дипломами двух и даже трех вузов и хорошим знанием иностранных языков). Де-факто именно здесь функционировала подлинная кузница руководящих кадров, и через нее в разное время прошли – в Москве или в заграничных учреждениях РПЦ – все нынешние члены Синода и многие епархиальные архиереи. Здесь рождались важнейшие церковные документы, в том числе «Основы социальной концепции РПЦ», утвержденные юбилейным Архиерейским собором 2000 года.

Этот документ, определяющий стратегию РПЦ не только на сегодня, но и на будущее, несет на себе отпечаток влияния различных «групп давления» внутри и вне Церкви, а потому достаточно противоречив. Противоречия прослеживаются, в частности, в разделах, которые касаются отношений Московского патриархата с государством и обществом. С одной стороны, там подчеркивается, что Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству, а государство, в свою очередь, не должно вмешиваться в жизнь Церкви. С другой – с нескрываемой симпатией цитируется «классическая» формула византийской «симфонии» церковно-государственных взаимоотношений: «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройст-

¹¹ Фома. 2005. № 7 (30). Из этих слов Патриарха не следует, разумеется, что его позиция всегда или почти всегда принципиально отличалась от позиции большинства членов Синода и других церковных архиереев. Алексей II одним из первых высказался за введение уроков Закона Божия (или, если это окажется невозможным, «Основ православной культуры») в государственных школах, отмежевался от предложения нынешнего митрополита Санкт-Петербургского Владимира подумать о реформе церковного календаря, не поддержал московского священника, ректора Свято-Филаретовского православно-христианского института Георгия Кочеткова в его усилиях по переводу богослужения с церковнославянского на церковнорусский язык, не возразил против своего включения в список «протокольного старшинства российских официальных лиц», поставил свою подпись под двусторонними соглашениями о сотрудничестве РПЦ с «силовиками» (хотя перед этим высказывался за привлечение к такому сотрудничеству не только православных, но и инаковерующих).

¹² Сообщение Пресс-службы Московской патриархии 8 августа 2008 года.

ва точно так же, как тело и душа в живом человеке»¹³.

Для «обкатки» идей, рождавшихся в ОВЦС, еще в 1993 году была образована специальная церковно-общественная структура под названием «Всемирный русский собор» (с декабря 1995 года – Всемирный русский народный собор (ВРНС) под номинальным возглавлением Патриарха). С тех пор она почти ежегодно проводит форумы, причем состав их участников и почетных гостей определяется сотрудниками отдела. За полтора десятилетия была разработана целая программа действий, ориентированная на отказ от конституционных принципов светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом. «Соборяне» требуют полной свободы только для РПЦ. Другим «традиционным» религиозным объединениям они предлагают ее лишь в ограниченных рамках, при неуклонном соблюдении принципа: каждому этносу – своя «традиционная» религия. По убеждению руководителей ВРНС, мусульмане, буддисты и последователи иудаизма могут сосуществовать с православными в одном с ними российском (синоним – русском) государстве лишь постольку, поскольку они адресуются: первые – к татарам (башкирам, северокавказцам), вторые – к бурятам, тувинцам и калмыкам, третьи – к евреям. При этом они должны признавать «государствообразующую» роль православия и его особые права, отличные от прав всех остальных.

Официальные прямые контакты РПЦ с неправославными христианами внутри страны с 1993 по 1999 год ограничивались совместным участием в достаточно редких встречах и конференциях по линии созданного опять-таки по инициативе ОВЦС Христианского межконфессионального консультативного комитета (ХМКК). На последней конференции этого цикла, посвященной двухтысячелетию христианства, делега-

ция РПЦ предложила составить список «чужих» религиозных объединений, против которых следует вести борьбу. Это предложение было отвергнуто, после чего работа ХМКК была «заморожена» на долгие 8 лет. Первая после перерыва встреча российских христиан состоялась лишь 2 октября 2008 года. На ней были заменены двое из трех сопредседателей комитета. Место руководителя российских католиков, занимавшееся отбывшим в Минск архиепископом Т. Кондрусевичем, занял итальянский епископ П. Пецци; представителем протестантов вместо ушедшего на покой баптиста П.Б. Коновальчика стал его единоведец Ю.К. Сипко; остался (на тот момент) лишь представлявший РПЦ митрополит Кирилл. Межхристианское сотрудничество внутри России, однако, осталось на точке замерзания.

В канун 1999 года, опять-таки по инициативе РПЦ и под ее эгидой, был сформирован Межрелигиозный совет России (МСР), распространивший впоследствии свою «каноническую территорию» на все СНГ. В него, помимо православных, вошли руководители мусульман, буддистов и последователей иудаизма, но не были допущены «инославные» христиане. Деятельность обеих этих структур диалога ограничилась, однако, периодическим напоминанием о своем существовании и одобрением торжественных заявлений, связанных с юбилейными или памяtnыми датами вроде «Дня единства и согласия» 4 ноября. В июле 2006 года МСР выступил в качестве приглашающей стороны при организации Всемирного саммита религиозных лидеров в Москве. Этот форум, приуроченный к намеченному на тот же месяц саммиту «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, был открыт совместно Алексием II и В.В. Путиным и завершился принятием послания, которое глава российского государства передал своим колле-

¹³ Основы социальной концепции РПЦ. III.3, III.4.

гам по встрече в северной столице. Суть послания выражена в призыве «хранить мир, заповеданный Всевышним». Письменные приветствия религиозным деятелям (как правило, представителям различных национальных структур из 49 стран) прислали Папа Римский и генеральный секретарь ООН.

Подготовка Поместного собора для избрания нового Патриарха Московского и всея Руси заняла почти два месяца. 27 января 2009 года Собор сделал свой выбор. За местоблюстителя патриаршего престола, председателя ОВЦС митрополита Кирилла было подано 508 из 702 голосов участников Собора. Единственный соперник победителя, управляющий делами Московской патриархии митрополит Климент, набрал всего 169 голосов. Во второй день «соборяне» приняли ряд «определений» (решений), главное из которых предусматривает «умножение усилий в области миссионерства и всенародного православного просвещения». «Миссия, равно как и духовное, нравственное воспитание личности, – указывается в документе, – должны сейчас встать в центр нашей деятельности». Одновременно Синоду было поручено «озаботиться созданием должного механизма общецерковного обсуждения вопросов, поставленных на заседаниях Поместного собора».

31 марта Патриарх Кирилл созвал членов Синода для реализации своих идей, касающихся актуальных вопросов церковной жизни. Во исполнение поручения Собора «синодалы» приняли решение «начать подготовку к образованию Межсоборного присутствия РПЦ, в рамках которого могли бы получить общецерковное обсуждение требующие того вопросы церковной жизни». Этим будет заниматься специальная комиссия под председательством Патриарха. Ей же предстоит подготовить предложения по составу и повестке дня Присутствия. Косвенным ответом на получившие в середине 90-х годов широкое

распространение обвинения в адрес Церкви в связи с реализацией товаров, ввозившихся в страну в обход таможенных пошлин, стало создание Церковно-общественного совета по защите от алкогольной угрозы.

На том же заседании Синода было демонтировано продолжавшееся 18 лет фактическое двоевластие в Церкви. ОВЦС лишился прежнего могущества, сохранив за собой только одну функцию: руководство церковно-дипломатической деятельностью РПЦ. Председателем отдела стал епископ (отныне архиепископ Волоколамский) Иларион (Алфеев), известный не только как один из самых молодых церковных деятелей, но и как человек высокой культуры. От ОВЦС отпочковался специальный Секретариат по зарубежным учреждениям, который будет подчинен непосредственно Патриарху. Его возглавил бывший зампред ОВЦС епископ Егорьевский Марк. Еще одним самостоятельным подразделением Патриархии стал Синодальный информационный отдел во главе с молодым и энергичным церковным журналистом мирянином В. Легойдой.

На базе одного из секретариатов ОВЦС создан Синодальный отдел по взаимодействию Церкви и общества во главе с протоиереем Всеволодом Чаплиным. Ему поручено осуществление связей с органами законодательной власти, политическими партиями, профессиональными и творческими союзами, иными институтами гражданского общества на канонической территории Московского патриархата. Свое видение проблем, которыми он будет заниматься отныне в ранге председателя отдела, о. Всеволод (несомненно, будущий епископ) четко продемонстрировал на международной конференции «Политика и религия» на Теологическом факультете Университета в Лугано (Швейцария), где мы с ним представляли: один – религиозную структуру, другой – светскую науку. Приведу дословно основные тезисы его доклада, которые, полагаю, в комментариях не нуждаются:

1) История земного шара развивается в сторону умножения зла. Православное сознание не верит в социальный прогресс;

2) По-настоящему обоснованным становится патриотизм, соединяющий Отечество и веру, а значит, немислимый в отрыве от религиозно-общественных устремлений;

3) Православной цивилизации видятся искусственными и чуждыми вообще любые учения, говорящие о «правильности» политической и экономической конкуренции;

4) В православном мире тяга к персонафицированной власти очевидна: царь может то, чего не может простой смертный;

5) Нужны ли повсюду в мире политические партии, их представительство в парламенте и прочие атрибуты западной политической системы? Идеал народовластия присутствует и в шариате, и в православной политической мысли¹⁴.

Синод разделил надвое Управление делами, прежний руководитель которого митрополит Климент выведен из Синода и назначен на должность председателя Издательского совета Московской патриархии. Из Управления делами, получившего нового руководителя (без права вхождения в Синод), вычленено самостоятельное Финансово-хозяйственное управление Московской патриархии.

Лишился должности любимец Алексия II председатель Синодального отде-

ла по религиозному образованию и катехизации Московского патриархата игумен Иоанн Экономцев. Глубокий знаток византийских корней русского православия, он еще в начале 90-х годов выпустил монографию, в которой констатировал, что подлинной «симфонии» Церкви и государства ни на Руси, ни ранее в Византии не существовало, кроме как, «может быть», в течение коротких промежутков времени, да и то в виде, весьма далеком от совершенства. По убеждению игумена, национально-религиозная идея вообще относится к сфере духовно-нравственной и «ее брак с государством принципиально невозможен»¹⁵.

По нынешним временам – идея «весьма опасная».

20 лет спустя после установления в нашей стране религиозной свободы церковно-административный аппарат игнорирует предостережение первого постсоветского Патриарха, неоднократно напоминавшего, что, связывая себя в прошлом с тем или иным государственным устройством, Церковь обрекала себя на судьбу «политической вдовы». Налицо также разрыв между словами руководителей государства и их делами, которые все чаще противоречат конституционному принципу светскости государства.

¹⁴ *Chaplin V. Stato secolare, appartenenza religiosa e legge: una prospettiva cristiano-ortodossa // Laicità dello stato, appartenenze religiose e ordinamento giuridico. Lugano, 2008. P. 76, 78, 79, 82. Цитаты из доклада выверены по его русскому оригиналу, который мне любезно предоставил о. Всеволод.*

¹⁵ *Экономцев И., игумен. Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 164.*

*Календарь событий осени – зимы
2008/2009 года*

«Круглый стол»

24 сентября, г. Москва
Горбачев-Фонд

Российский средний класс сегодня: возможности и перспективы

Михаил Горбачев, президент Горбачев-Фонда; *Константин Сонин*, Российская экономическая школа; *Наталья Тихонова*, Институт социологии РАН; *Дмитрий Логинов*, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН; *Давид Константиновский*, Институт социологии РАН; *Лев Гудков*, Левада-Центр; *Михаил Афанасьев*, Центр политического консультирования «Никколо М»; *Дмитрий Орешкин*, Институт географии РАН; *Андрей Рябов*, Горбачев-Фонд

ведущая – Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда

Совместно с Горбачев-Фондом, ООД «Союз социал-демократов»,
Национальным инвестиционным советом, Фондом Г.В. Плеханова

Семинар

25 ноября, г. Санкт-Петербург
СПб филиал ГУ – ВШЭ

Права человека в России: осмысляя прошедшее десятилетие

«Институционализация прав человека в России: шаги вперед и назад», *Александр Сунгуров*, заведующий отделением прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала ГУ – ВШЭ, президент Санкт-Петербургского центра «Стратегия»; «Очевидные и невероятные результаты исследований прав человека», *Мария Белоусова*, старший научный сотрудник Социологического института РАН

Совместно с Российской ассоциацией политической науки,
Исследовательским комитетом по проблемам прав человека,
кафедрой прикладной политологии СПб филиала ГУ – ВШЭ

Пятые Старовойтовские чтения

28 ноября, г. Москва

Межэтнические и федеративные отношения в постсоветском мире: 10 лет без Галины Старовойтовой

«Социальный ресурс федерализма вчера и сегодня», *Леокадия Дробизева*, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН; «Этническая составляющая федерализма. Проблема Крыма в Украине», *Сергей Киселев*, доцент, руководитель магистерской программы «Политология» Национального университета «Киево-Могилянская академия»; «Семантика самоопределения: случай Татарстана», *Наиль Мухарьямов*, заведующий кафедрой политологии и права, директор Института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета; «Проблемы интеграции в Эстонии. Дискурс меньшинства и диаспоры», *Клара Халлик*, консультант Института международных и социальных исследований Таллинского университета и Фонда интеграции; «Скинхеды: эскалация молодежного насилия в России», *Виктор Шнирельман*, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; «Об основных тенденциях эволюции межэтнических и федеративных отношений в России», *Эмиль Паин*, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики

ведущий – *Эмиль Паин*

Юбилейная лекция

5 декабря, г. Москва
Фонд ИНДЕМ

Национальные особенности модернизации: вопросы для раздумий на следующие 60 лет

*Эмиль Паин, профессор ГУ– ВШЭ,
научный руководитель московского офиса Института Кеннана*

Совместно с Фондом ИНДЕМ

Семинар

25 февраля, г. Москва
ГУ – ВШЭ

Религии и межрелигиозные отношения в современной России

*Анатолий Красиков, главный научный сотрудник Института Европы РАН,
руководитель Центра социально-религиозных исследований,
председатель Товарищества выпускников Института Кеннана*

Совет Товарищества

Журавлева Виктория Ивановна

*к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений
Российского государственного гуманитарного университета
г. Москва*

Красиков Анатолий Андреевич

*председатель, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник
Института Европы РАН,
руководитель Центра социально-религиозных исследований
г. Москва*

Курилла Иван Иванович

*д.и.н., заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград*

Макарычев Андрей Станиславович

*д.и.н., профессор,
начальник научного отдела
Волго-Вятской академии государственной службы
г. Нижний Новгород*

Малинова Ольга Юрьевна

*д.филос.н., ведущий научный сотрудник отдела политической науки
Института научной информации по общественным наукам РАН
г. Москва*

Россия и США: как мы видим друг друга

С приходом администрации Барака Обамы в США начался поиск новых концептуальных подходов к России. На Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2009 года вице-президент США Джо Байден заявил: «Пришло время нажать на кнопку Reset и вновь обратиться к различным областям, в которых мы можем и должны сотрудничать». С тех пор слово «перезагрузка» звучит и в американской, и в российской внешнеполитической риторике, задавая тон встречам высокопоставленных лиц, включая саммит лидеров двух стран.

Однако очевидно, что нет такой кнопки, нажатием которой можно было бы одновременно изменить сложные и противоречивые отношения, 200-летняя история которых включает в себя (подчас одновременно) множество элементов – связанных как с жесткой непримиримой конфронтацией, так и с интенсивным сотрудничеством.

Среди факторов, определяющих контуры российско-американских отношений, одним из важнейших является то, какие образы друг друга существуют в России и США. Этой теме и был посвящен состоявшийся в Москве 9 апреля 2009 года «круглый стол» «Россия и США: как мы видим друг друга», который был организован Горбачев-Фондом и Институтом Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона. Предложенная проблематика привлекла внимание многих крупных экспертов и исследователей – международников, социологов, историков, культурологов, психологов. Важно и то, что в дискуссии участвовали как российские, так и американские ученые. При-

чем среди первых были представители научного сообщества не только Москвы, но и других городов России – Санкт-Петербурга, Волгограда, Тамбова и др.

Заседание открыли Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда, Леон Уоскин, директор Агентства США по международному развитию в России, и Эмиль Паин, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики, научный руководитель московского офиса Института Кеннана.

Очерчивая круг возможных вопросов для рассмотрения, Э. Паин привел знаменитые слова Франклина Д. Рузвельта, сказанные в самый тяжелый период Великой депрессии: «Нам нечего бояться, кроме самого страха». Эти слова, по мнению Паина, применимы и к современной России: «Страхи и фобии – одна из основных проблем России. Они сковывают ее гражданскую активность, парализуют волю к обновлению, к адаптации к новым условиям. Эти страхи, фобии, негативная консолидация проявляются и в отношении к США. Чем порождены антиамериканские настроения в России – больше внутренними проблемами России или политикой Америки, которую в России многие воспринимают как противоречащую нашим национальным интересам, нашему величию? ...Но ведь и образ России в Америке по определению не адекватен объекту. Насколько неадекватен, как меняется этот образ? Это было бы важно знать. ...Антиамериканские настроения – это не монополия России. Они проявляются и в других странах, в том числе и в Европе, в кругах, разделяющих с американцами

общие либеральные ценности. Есть ли некоторые свойства, присущие самому американскому обществу, которые вызывают настороженность у других? Справедливо ли представление об американском комплексе сверхполноценности, который порой не меньший грех, чем российский комплекс неполноценности?»

Свое видение этих проблем предложили выступившие в панельной дискуссии Дмитрий Тренин, директор Московского центра Карнеги; Блэр Рубл, директор Института Кеннана; Лев Гудков, директор Левада-Центра; Сэм Грин, заместитель директора Московского центра Карнеги; Элизабет МакКеон, глава представительства Фонда Форда в Российской Федерации; и Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

По мнению *Д. Тренина*, фундаментальных изменений в российско-американских отношениях пока не произошло. Они немного улучшились, но проблемы остались, и, следовательно, отношения могут обостриться при изменении ситуации. Встречу в Лондоне президентов двух стран можно назвать удачным личным контактом. Обе стороны, как говорят англичане, «сорвали низко висящий фрукт».

В России, считает Тренин, существует крайне неадекватное представление о США, нездоровая одержимость этой

страной. Главная проблема России в ее отношениях с западным миром заключается в ее несамодостаточности. Россия хотела бы быть равной США, но не может. Она хотела бы быть частью Европы, но только на своих условиях. Существует колоссальная потребность в психологической компенсации за то, как была проиграна концовка холодной войны. С этим связаны заявления о том, что Россия – либо великая держава, либо ничто; что Россия станет великой лишь тогда, когда она будет на равных с США. Россия может и должна добиваться равенства с США, убежден Тренин. Но это должно быть равенство в качестве институтов – экономических, социальных, политических.

В США, напротив, отмечается недостаток внимания к России, расслабление после окончания холодной войны. Зачем заниматься Россией, если она не представляет угрозы?

Такой прагматизм, по мнению Тренина, зачастую является врагом стратегического мышления.

Б. Рубл обратил внимание на важность учета исторического фактора при анализе современного состояния российско-американских отношений – не отстраняться от старых проблем, мотивируя это тем, что «все, что произошло при Путине и Буше, осталось Путину и Бушу», а рассматривать сегодняшние события в свете сложившегося исторического опыта. Обе страны являются заложника-

ми тех представлений, которые сформировались за долгие годы развития наших взаимоотношений. На протяжении более 100 лет внешняя политика США была нацелена на изменение внутренней ситуации в России. И сейчас Соединенные Штаты продолжают «относиться к России так, будто это все еще предреволюционная Россия или Советский Союз – то есть общество, которое необходимо изменить». Однако Россия – не СССР, она не стремится трансформировать Соединенные Штаты. Она намерена отстаивать свои национальные интересы в соответствии с тем, как это представляется ее элите. Исторический опыт дает основания предполагать, что впереди нас ожидает еще очень много сложных ситуаций. Однако, несмотря на это, существует множество причин, по которым наши страны должны пытаться работать вместе. «Мы стоим перед лицом бесчисленных общих вызовов, и ни одна из сторон не может разрешить стоящие перед ней проблемы без помощи другой стороны», – заключил Б. Рубл.

Еще два американских участника «круглого стола», *С. Грин* и *Э. МакКеон*,

посвятили свои выступления восприятию американцами России. То, как один народ видит другой, отметил С. Грин, зависит от того, как народ видит самого себя. Американцы гордятся своими достижениями, считая их результатом усердной работы. Они убеждены в том, все люди созданы одинаково, и, следовательно, любой человек, любой народ может добиться свободы и процветания. Однако крах демократического проекта в России, ее вступление на «особый путь» привели американцев в замешательство. Ведь мир, в котором всеобщее счастье невозможно, – это мир перманентного конфликта. В этом случае Россия для США – не враг, а непримиримый иной, что еще опаснее. С. Грин заметил, что подход, объясняющий различия между Россией и США непримиримыми цивилизационными противоречиями, противоборством извечных культурных традиций, в целом не типичен для американцев с их представлениями о том, что «все люди созданы одинаково». Такие представления больше характерны для нынешней российской элиты. На это отреагировал в заключи-

тельно слове Э. Паин: «С. Хантингтон – вовсе не российский ученый».

Отвечая на вопрос об образе США в России, Л. Гудков опирался на данные более чем 20-летних опросов общественного мнения. Согласно этим данным, в первой половине 90-х годов отмечался высокий уровень позитивного отношения россиян к США, с начала 2000-х годов он существенно снизился. Так, в мае 1990 года очень хорошо / в основном хорошо относились к США 73% опрошенных, тогда как в марте 2009 года – лишь 46%. Негативное отношение высказывали 7 и 40% респондентов соответственно. Самый значительный спад, вызванный российско-грузинской войной, отмечен в сентябре 2008 года. Грузия воспринималась россиянами как зависимая от США страна; 49% опрошенных обвиняли в произошедшем конфликте США и только 30% – правительство Саакашвили. Однако, как заметил докладчик, все резкие всплески антиамериканизма связаны с конкретными событиями (такими как бомбардировки Сербии, начало войны в Ираке) и непродолжительны (не более 2–3 месяцев). Это говорит о том, что структура образа очень устойчивая.

Соединенные Штаты, подчеркнул Л. Гудков, являются ключевым элементом структуры массовой идентичности россиян. Весь XX век прошел для России под знаком Америки. В 1929 году Сталин выдвинул лозунг «Догнать и перегнать Америку», позже Хрущев воспроизвел элементы этой конструкции.

Образ США противоречив: с одной стороны, это богатая, сильная держава (позитивная утопия современности), а с другой – противник, страна, пытающаяся командовать другими и под видом распространения демократии навязывать свои интересы. Важно отметить, что этот образ предполагает не военное, а символическое противостояние. О вероятности военного столкновения с США говорит сегодня лишь 8% респондентов.

Смена администрации в Белом доме, отметил Л. Гудков, пока не сильно отразилась на представлениях россиян. Как базовая конструкция в этих представлениях сохраняется изоляционизм.

По мнению Ф. Лукьянова, российско-американские отношения сегодня представляют собой шлейф холодной войны. На повестке дня в основном продолженные обсуждения вопросов, порожденных тем, как завершилась эта война. «Мы пытаемся загрузить новую программу в старое железо. Нужно менять не soft ware, а hard ware». Реальность будет все более активно толкать к переосмыслению наших отношений, меняя их геометрию, подчеркнул Лукьянов. По объективным причинам ни России, ни США уже не удастся укладывать всю сложность мировой палитры в привычные штампы и стереотипы. Россия утратила статус сверхдержавы, вероятно, навсегда. Ей предстоит бороться за то, чтобы сохранить влияние в XXI веке. В ближайшие годы осознание этого факта начнет преобладать. США также столкнутся с новой ситуацией. Попытка доминирования не удалась. Проблем в мире для США создалось больше, чем возникло решений. Растет сомнение в искренности США в их стремлении к всеобщему счастью. Это нанесло серьезный ущерб американскому имиджу в XXI веке. Обеим странам предстоит понять, кто они такие по отдельности и кто они друг для друга. В поисках ответов на постоянно возникающие новые вызовы, в условиях существования многих центров влияния может оказаться, что США и Россия – не только конкуренты.

Выступления вызвали оживленную дискуссию, в которой приняли участие Эдуард Баталов (Институт США и Канады РАН), Игорь Зевелев (Фонд МакАртуров), Виктор Журавлева (РГГУ), Виктор Кувалдин (Горбачев-Фонд), Иван Курилла (Волгоградский государственный университет), Александр Кубышкин (Санкт-Петербургский государственный университет),

Сергей Ознобищев (Институт стратегических оценок), Виктор Шнирельман (Институт этнологии и антропологии РАН).

В целом «круглый стол» показал, что экспертам, несмотря на различие их позиций, легче договориться, чем политикам. В той или иной форме большинство участников обсуждения признали, что нынешние взаимоотношения между двумя странами радикально отличаются от тех, которые складывались в эпоху холодной войны. Социально-экономические системы и политические режимы двух стран ныне сблизились, во всяком случае, Россия и США уже не являются представителями антагонистических систем. Политика обоих государств стала более предсказуемой, а конфликты между ними, подобные Карибскому кризису, – менее вероятными. Куда большая угроза глобальному миру исходит от политики так называемых «несостоявшихся государств» и несистемных сил. Вместе с тем осознание этой проблемы является фактором, который в долгосрочной перспективе будет стимулировать сотрудничество России и США и подчеркивать их совместную ответственность за судьбу мира, хрупкость которого в чем-то возрастает в условиях глобализации.

Докладчики и эксперты, участвовавшие в прениях, были солидарны

в том, что негативный образ России и США в той или иной форме и мере присутствует как в элитарном, так и в массовом сознании жителей обеих стран. Дискуссия разгорелась лишь о соотношении объективных и так называемых «конструируемых» факторов, которые формируют такое восприятие государств. Однако, как заметил Э. Пайн, «если образ можно конструировать, то, вероятно, можно и деконструировать». В связи с этим возникают новые вопросы: каким должен быть код деконструкции; велика ли в этом роль образования, просвещения?

Учитывая актуальность темы и большой интерес к ней, организаторы «круглого стола» решили провести серию совместных мероприятий, посвященных различным аспектам российско-американских отношений. Ближайшая встреча намечена на осень нынешнего года. Этот «круглый стол» будет посвящен вопросам культуры во взаимоотношениях двух стран и опыту разрешения проблем межкультурных противоречий внутри каждого государства.

Стенограмма «круглого стола» будет опубликована на сайте www.gorb.ru, видеозапись доступна на портале www.a-z.ru.

Екатерина Алексеева,
*ответственный секретарь
редколлегии «Вестника»*

Проекты и программы

Академическая программа Фулбрайт-Кеннан

Программа Фулбрайт в Российской Федерации и Институт Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона при финансовой поддержке Бюро по образованию и культуре Государственного департамента США объявляют открытый конкурс на получение грантов по программе Фулбрайт-Кеннан на проведение исследований в области гуманитарных и общественных наук

С оискателями могут стать преподаватели высших учебных заведений, сотрудники академических институтов и научных центров, проработавшие по специальности не менее двух лет после защиты кандидатской диссертации. Преимущество при отборе будет отдано лицам, исследования которых посвящены актуальным общественно-политическим вопросам, способствуют развитию науки и образования в странах бывшего Советского Союза, а также сближению мира науки и мира политики. Возрастных ограничений для претендентов нет.

По этой программе Институт Кеннана сможет принять шесть ученых из России на шесть месяцев. Победители конкурса должны проводить свои исследования в Институте Кеннана Международного центра имени Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия.

Сроки заезда участников: сентябрь 2010 года и март 2011 года.

Участникам программы Фулбрайт-Кеннан предоставляются первоклассные условия для научной работы, компьютер и компьютерная поддержка, а также помощь в проведении исследования. Победителям конкурса будет предложено выступать с публичными лекциями по заявленной теме, участвовать в дискуссиях с представителями политических и научных кругов в рамках встреч, конференций и других мероприятий, организуемых Институтом Кеннана и Международным центром имени Вудро Вильсона.

Для участия в конкурсе необходимо заполнить стандартную форму заявки для Программы Фулбрайт, указав Институт Кеннана в качестве выбранного места проведения исследования. Документы принимаются только в офисе Программы Фулбрайт.

Крайний срок подачи заявок – 15 июля 2009 года.

Более подробную информацию можно получить по следующим адресам:

Программа Фулбрайт в РФ:

125009, Москва, Россия
ул. Тверская, 16/2, строение 3, офис 1
Институт международного образования
Тел.: (495) 935-8353; факс: (495) 937-5418
E-mail: info@fulbright.ru
Web-страница: www.fulbright.ru

РОО «Кеннан»:

123001, Москва, Россия, а/я 90
Тел./факс: (495) 232-3496/97
E-mail: kennan.moscow@gmail.com
Web-страница: www.kennan.ru

Татьяна Борисовна Рябова,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры социологии Ивановского
государственного университета,
Former Fulbright-Kennan Scholar

Мой «Кеннан» (о пользе стажировок)

Вашингтон, Пенсильвания-авеню 1300 – сам адрес Института Кеннана является впечатляющим свидетельством статуса этого учреждения. Именно здесь в день инаугурации по пути от Капитолия к Белому дому обычно останавливается президентский кортеж, и восторженные вашингтонцы и гости столицы могут наблюдать прогулку президентской четы. В этом году «кеннановцы», помимо стажировки, получили своеобразный бонус в виде возможности принимать участие в инаугурационных мероприятиях и быть свидетелями захватывающей президентской гонки. Для меня это было ценно вдвойне, так как дискурсу президентских кампаний посвящен мой исследовательский проект, который я выполняла в Институте в течение осеннего семестра 2008–2009 годов.

Публичные лекции ведущих ученых и политиков, презентации новых книг, семинары с научными докладами стажеров – это основные формы работы Института Кеннана. Анализируя проблематику лекций, предложенную Институтом в минувшем семестре, я выделила несколько наиболее популярных тем. Вполне предсказуемо, что одной из них стала «пятидневная война» на Кавказе. Другой цикл лекций был объединен проблемой, которую условно можно обозначить «Как Владимир Путин управляет Россией». Прошлое, настоящее и будущее российско-американских отношений – еще один обсуждавшийся вопрос. Наконец, среди «хитов сезона» была и проблема российско-украинских отношений.

В числе наиболее запомнившихся лекций отмечу прекрасный анализ перспектив российско-американских отношений *Майкла Мандельбаума*. Большой интерес вызвала и презентация бывшего посла США на Украине господина *Уильяма Миллера*, не только рассказавшего о приоритетах американской внешней политики в отношении этой страны, но и поделившегося своими воспоминаниями об «оранжевой революции», свидетелем которой он был.

Назову еще несколько тем, породивших живое обсуждение в кулуарах. Это лекция *Олены Николаенко* о молодежных протестных движениях на Украине, в Белоруссии, Грузии, Сербии, вызвавшая дискуссию об источниках финансирования эти движений, об их организационной и информационной поддержке, как внутренней, так и внешней. Большой интерес и методологические баталии вызвала лекция *Каринь Коростелиной* о современных российских и украинских учебниках истории как факторе национальной идентичности двух народов. Интересными и содержательными были лекции о современном русском православии, о войне в Южной Осетии, «круглый стол» о проблемах сотрудничества между США и Российской Федерацией в образовательной и научной сферах и многое другое.

Институт Кеннана – это часть Центра Вудро Вильсона, одного из ведущих аналитических центров в области международных отношений. Проекты исследователей со всего мира, объединенных в несколько программ (Восточноевропейские исследования, Ближневосточная программа, Проект Юго-Восточной Европы, Латиноамериканская программа и др.), позволяли рассматривать российскую (и украинскую) ситуацию в более широком контексте международных отношений и глобальной безопасности – скажем, антиамериканизм в англоязычных странах или культура холодной войны в странах Восточной Европы. Особое значение для стажеров имела возмож-

ность пообщаться с людьми, определяющими мировую политику. Так, в Центре выступил президент Афганистана Хамид Карзай.

Семинар стажеров Института Кеннана породил множество дискуссий – как при обсуждении презентаций, так и в кулуарах. Тематика докладов осеннего семестра была разнообразной – от религиозной культуры бурят до особенностей российской правовой системы, от специфики регионализма на Украине до проблемы интеллектуальной собственности на постсоветском пространстве. Эти темы отражают круг интересов и стажеров, и Института. На мой взгляд, все проекты были выполнены на очень высоком профессиональном уровне. Лично для меня откровением стала глубина противоречий между российскими и украинскими учеными в интерпретации ключевых событий советской и постсоветской истории, в частности голода на Украине и в Поволжье, событий Второй мировой войны. Однако подобные разногласия не мешали ни профессиональному, ни личному общению представителей российской и украинской «партий» Института, свидетельством чему стало выступление российско-украинско-американского хора на «Ежегодном шоу талантов» Центра Вудро Вильсона.

Важной частью деятельности Института является организация концертов и вечеров поэзии, объединенных не только интересом к культурной жизни России и Украины, но и несомненным чувством уважения и симпатии к этим странам. Неслучайно, эти вечера становятся культурным событием не только для стажеров Института, но и для всего сообщества столичных славистов, всех, кто интересуется тем, что происходит сегодня в России и Украине.

Для многих русских за границей характерна более тесная, чем в домашних условиях, идентификация с Россией и, как следствие, более обостренное восприятие того, что о ней говорится. Я не исключение. Поэтому, должно быть,

некоторые высказываемые в стенах Центра оценки вызвали отторжение, казались несправедливыми, основанными на старых штампах, обусловленными рамками холодной войны или западоцентризмом коллег. Однако ценность участия в такого рода встречах и заключается в возможности услышать другое мнение, ознакомиться с иной позицией. Собственно, в том, что Институт Кеннана предоставляет трибуну ученым с разными мировоззренческими и методологическими подходами, стимулируя тем самым научную дискуссию и воспитывая уважение к чужому мнению, является, на мой взгляд, одним из важнейших достоинств этого научного центра.

Подобное общение было очень плодотворным для работы над собственным исследовательским проектом, постоянно обеспечивая «свежий взгляд» на проблему. Немало эвристических идей я почерпнула из дискуссий не только с представителями академического сообщества, но и с журналистами, дипломатами, бизнесменами. А где еще удастся обсудить вопросы российско-

американских отношений с настоящим полковником ВВС США?!

Для будущих поколений стажеров Института Кеннана хотелось бы сказать несколько слов о его библиотеке. Она представляет большую ценность прежде всего для тех ученых, чей круг исследовательских интересов связан с изучением различных аспектов холодной войны, поскольку содержит большой массив не только исследований, но и исторических источников, наиболее ценными из которых, на мой взгляд, являются американские и советские публицистические издания. Значительную часть из них достаточно трудно найти в других библиотеках, как американских, так и российских. И хотя мои интересы лежат в сфере современной российской политики, я не могла не испытывать трепет, читая эти книги, многие из которых содержат дарственные надписи не только авторов, но и тех, кто собирал эти издания. Среди них есть книги из коллекций таких знаковых для российско-американских отношений фигур, как Джордж Ф. Кеннан, Аверелл Гарриман, так что сами по себе они мо-

гут восприниматься в качестве важных исторических источников. Уверена, что Кеннан-коллекция в библиотеке Центра Вудро Вильсона отражает не только профессионализм и индивидуальность составлявших ее людей, но и их симпатию к России. Интересна и коллекция исследовательской литературы, посвященной современной российской политике, экономике, культуре. Отважусь пожелать администрации Института обратить внимание на книги, изданные в России (в том числе и в региональных университетских издательствах), которые не попадают не только в американские библиотеки, но и зачастую в российские.

Чрезвычайно ценной для меня оказалась и еще одна возможность, предоставленная Институтом. Каждый стажер получает в помощь интерна – как правило, студента или аспиранта одного из университетов. Благодаря этому я смогла провести социологическое исследование – анкетный опрос столичных жителей. Сравнить точку зрения по одному и тому же вопросу россиян и американцев – мечта социолога.

Наконец, поддержка Программы Фулбрайт, которая финансирует пребывание стажеров в Институте Кеннана, позволяет организовать чтение лекций в одном из американских университетов. Я с радостью использовала этот

шанс, выбрав в качестве принимающей стороны университет штата Вайоминг, с которым у моего вуза, Ивановского госуниверситета, заключен договор о сотрудничестве. Семь лет назад я провела там целый год по программе JFDP. «Дикий Запад» – это моя первая американская любовь, и встреча со старыми друзьями была незабываемой. Мои коллеги-стажеры также «покоряли» другую, некабинетную Америку, исследуя Юг и Север, Запад и Восток.

Разумеется, мой «Кеннан» – это не только наука. Полгода стажировки включали посещение музеев и концертов, спортивных соревнований и экскурсий по историческим местам – все это отныне ассоциируется с Институтом Кеннана.

...Прощальную встречу со стажерами – «отвальную», как говорят мои российские студенты, – сотрудники Института организовали в советско-российском стиле, с пельменями, сушками и пивом «Балтика». Thank you, comrades!

В заключение хотелось бы выразить глубокую признательность всем сотрудникам Института Кеннана, а также представителям Программы Фулбрайт за доброжелательность, готовность оказать помощь, высочайший профессионализм. Уверена, что эта работа делает наш мир безопаснее и человечнее.

*Ольга Дмитриевна Волкогонова,
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии
естественных факультетов
философского факультета МГУ,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

Либеральный консерватизм в России: к 100-летию сборника «Вехи»

Ровно столетие назад сборник «Вехи», ставший своего рода кредо русской либеральной интеллигенции на долгие годы, вышел в свет в одном из московских издательств. Ленин назвал сборник «энциклопедией либерального ренегатства», С. Левицкий – «духовным возбудителем», В. Зеньковский – «замечательным сборником», М. Горький (в письме к Е.П. Пешковой) – «мерзейшей книжицей за всю историю русской литературы». Было много и других отзывов, как восторженных, так и критических; эпиграммы, посвящения, комментарии появились как грибы после дождя. Вокруг «Вех» разгорелась настоящая полемика, семерых авторов сборника называли и «слепыми вождями слепых» (кн. Д. Шаховской), и «обличителями интеллигенции» (П. Боборькин), и мужественными людьми, «предпринявшими подвиг» (арх. Антоний). 21 апреля в Религиозно-философском обществе состоялось специальное заседание, посвященное обсуждению «Вех». Сборник, составителем и одним из авторов которого был М.О. Гершензон, вышел тиражом 3 тыс. экземпляров. За год он был переиздан четыре (!) раза, причем общий тираж достиг беспрецедентной для того времени цифры в 16 тыс. экземпляров. В газетах и журналах появилось более двух сотен откликов, еще больше было прочитано лекций и проведено собраний по поводу этого сборника. Через год были изданы анти-«Вехи» – сборник под редакцией П. Милюкова «Интеллигенция в России» и эсеровский сборник «Ве-

хи” как знамение времени». Очевидно, что «Вехи» стали заметным явлением, к ним обращались и обращаются до сих пор, с ними полемизируют, их цитируют и опровергают.

На мой взгляд, можно выделить две основные причины такой актуальности сборника. Во-первых, «Вехи» явились своего рода самокритикой русской интеллигенции, опытом ее самопознания. Авторы сборника – Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев (А.С. Ланде), Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве и С.Л. Франк – объединились в своей критике радикальной революционной интеллигенции. Любопытно, что, договариваясь с авторами, Гершензон просил их не знакомиться с другими статьями будущего сборника. Тем не менее, когда сборник был «собран», оказалось, что статьи не только перекликаются, но и дополняют друг друга, что свидетельствовало о том, что «диагноз», поставленный авторами русской интеллигенции, не случаен и отражает реальные процессы, происходящие в обществе. Как написал А. Белый, «книга попала в цель».

Сборник стал реакцией (хотя и несколько запоздалой) на революцию 1905 года. «Кровавое воскресенье» с попом Гапоном, резня на Кавказе между армянами и азербайджанцами, забастовки и демонстрации, в которых, по оценкам историков, участвовало более двух миллионов человек, восстание на броненосце «Потемкин», Октябрьская стачка, получившая всероссийский размах, Декабрьские вооруженные восстания – в Москве, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сормово, Екатеринославле и других городах, столкновения рабочих с войсками, политические убийства (широко известно убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, которого разорвало «адской машиной» Ивана Каляева, но были и многие другие)... Крови было пролито много – и с той, и с другой стороны. Насилие, террор, карательные экспедиции, казни.

Говорят, во время уличных боев на Красной Пресне в Москве мостовая была буквально залита кровью; дворники потом смывали ее водой. Но даже после поражения в вооруженном противостоянии революционеры не сдались – революция медленно отступала еще полтора года. И в 1906, и в 1907 году страну лихорадило от многочисленных стачек и забастовок, а в Литве, Грузии и на Урале возникло своеобразное партизанское движение (речь шла о нападении на полицейские участки и тюрьмы с целью освобождения политзаключенных, захвате оружия, экспроприации денежных средств на нужды революции), имели место и восстания в армии (в Кронштадте, Свеаборге). Революция походила не на «праздник угнетенных и эксплуатируемых» (вспоминая слова К. Маркса), а на жестокое испытание. Каков же был объективный результат этой «малой» революции, что удалось «купить» ценой пролитой крови?

С одной стороны, благодаря революции появился Манифест 17 октября, провозгласивший многие гражданские свободы. Была проведена амнистия политическим заключенным, расширены избирательные права, начата Столыпинская аграрная реформа, восстановлена автономия Финляндии, отменена цензура и достигнута относительная свобода печати. С другой стороны, многие из этих свобод были вскоре отобраны, 2-я Государственная дума разогнана, а по стране прокатилась волна репрессий. Показательным стало введение военно-полевых судов: за первые полгода их существования были приговорены к смертной казни около тысячи человек. Именно тогда Лев Толстой написал свое знаменитое обращение к власти и обществу – «Не могу молчать!» Там есть горькие строки, помогающие лучше понять, что происходило тогда в России: «О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить

на экспроприации, как раньше шли на охоту. Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладеть их землями, представляется теперь многим людям самым верным разрешением земельного вопроса».

Перед интеллигенцией всегда стоит вечный вопрос, вопрос «по Достоевскому» – стоят ли вырванные у власти поблажки «слезинки ребенка», пролитой крови? Особенно остро этот вопрос встал после революции 1905 года. Многие, вполне революционно рассуждавшие и мыслившие до произошедших в стране событий, ужаснулись, увидев не книжный, а реальный лик революции. Уже в конце своей жизни Н. Бердяев писал: «Малую революцию 1905 года я пережил мучительно. Я считал революцию неизбежной и приветствовал ее. Но характер, который она приняла, и ее моральные последствия меня оттолкнули и вызвали во мне духовную реакцию...»¹

«Вехи» стали для авторов своеобразным способом сведения счетов со своей собственной совестью – совестью русских интеллигентов, мечтавших о свободе и новой жизни. Почти все авторы «Вех» прошли в своей жизни через увлечение революционным движением, некоторые (не только Бердяев, но и Струве, Булгаков, Кистяковский) имели в своем «послужном списке» аресты, ссылки. У них было моральное право выносить свои оценки революционной интеллигенции – они сами недавно было ее частью. По сути, сборник был не только своего рода подведением итогов первой русской революции и роли в ней интеллигенции, но и открытым разрывом с прежней традицией. Авторы сборника писали: интеллигенция начинает с благодушнейших идей, она чистосердечно хочет облагодетельствовать, просветить, освободить горячо любимый ею народ. Но все эти кружковые мечтания обращаются, по словам С. Франка,

«ересь утопизма». Русская интеллигенция оказалась обреченной на замкнутость и кружковщину, ибо любовь ее к народу была в высшей степени платонической и невзаимной; а для власти слова «студент», «интеллигент» были синонимами слова «революционер»; государство давило инакомыслящих своим прессом, лучший способ выбраться из-под которого они видели в том, чтобы вдребезги взорвать государственную машину. Революционное насилие рассматривалось как естественный ответ на сложившуюся социальную ситуацию.

Кроме того, революция стала явным сигналом неустойчивости существующего социального порядка, его несостоятельности. Для художников и мыслителей начала века и до событий 1905–1907 годов были свойственны апокалипсические настроения, после же революции они стали гораздо сильнее. Если раньше деятелей религиозного ренессанса объединяло ощущение конца одной культурной эпохи и начала новой, иной («мы – над бездною ступени, // дети мрака – солнца ждем, // свет увидим – и как тени // все в лучах его умрем», – писал В. Брюсов), то теперь речь шла уже не о культуре, а о самом «основании» социальной жизни – о строе, о стране, о Европе. «Пророчества о близящемся конце мира, может быть, реально означали не приближение конца мира, а приближение конца старой, императорской России. Наш культурный ренессанс произошел в предреволюционную эпоху, в атмосфере надвигающейся огромной войны и огромной революции. Ничего устойчивого более не было. Исторические тела расплавились. Не только Россия, но и весь мир переходил в жидкое состояние»², – так описывал Н. Бердяев мироощущение того времени.

Предупреждения «Вех» гораздо понятнее для нас сегодняшних, чем для живших в предзакатной императорской

¹ Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. С. 125.

² Там же. С. 154–155.

России. Пережившее XX век человечество уже не понаслышке знает о многочисленных социальных «экспериментах» по воплощению утопических идей, об их страшных результатах. Тогда же, накануне потрясений и изменений, революционный романтизм был чем-то самым собою разумеющимся. Поэтому позиция авторов сборника требовала не только пророческого дара, но и интеллектуального мужества. Впрочем, речь в сборнике шла не только о насилии, гораздо важнее для сегодняшнего дня то, что изменилась сама направленность критики. Мы до сих пор в своих общественных взглядах привычным образом отталкиваемся от критики наличной социальной действительности. «Вехи» – редкий пример того, как критика «среды» в России перестала быть ведущим настроением, стала самокритикой. «Вехи» пытались показать, что интеллигентское сознание требует радикальной реформы. Без критического отношения к своим идеям и поступкам, без любви к истине самой по себе, независимо от того, «на руку» она сиюминутным политическим требованиям дня или нет, без поисков этой истины невозможно культурное творчество. Слова Бердяева: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства»³, – стали своего рода камертоном сборника.

Есть и вторая сторона вековой популярности «Вех», прямо вытекающая из первой. В «Вехах» самоанализ интеллигенции стал политической философией. Сборник – не только самокритика, но и наброски позитивной программы. Программа эта имеет имя – либеральный консерватизм, причем она до сих пор не реализована в России. Именно поэтому можно сказать, что веховский либеральный консерватизм – это наше завтра.

Само словосочетание «либеральный консерватизм» многим кажется оксюморонам – чем-то вроде «горячего

льда». «Вехи» предложили либерально-консервативный синтез, который принципиально возможен именно оттого, что либерализм не является антонимом консерватизму. Если уж искать явную противоположность консерватизму, то это, скорее всего, будет радикализм. Английский консерватор Дизраэли сказал когда-то: «Народы управляются только двумя способами – либо традицией, либо насилием».

Разумеется, исторически консерватизм и либерализм развивались как очень разные типы идеологии, но с течением времени они эволюционировали. Взаимодополнительность консерватизма и либерализма объясняется не столько заимствованиями, «подправлением» нетипичного для русского общества либерализма традиционным консерватизмом, сколько природой этих политических и интеллектуальных явлений, их метафизикой. Пафос дистанции между либерализмом и консерватизмом с ходом истории постепенно теряется, прежде всего потому, что сам консерватизм меняется: в связи с тем, что в странах промышленно-развитого центра господствует индивидуализм (вполне соответствующий рыночным отношениям), происходит своеобразная адаптация консерватизма к либеральным принципам. «Охранительный» консерватизм *status quo*, представленный в XVIII веке Гегелем, Берком, Новалисом, в XIX и тем более в XX столетии, когда в общих чертах уже сложилось правовое общество, не может не ассимилировать определенные либеральные принципы, если он выполняет функции консервации существующих общественных форм. К таким принципам можно отнести примат правовых средств над насильственными для решения социальных вопросов, признание неотъемлемых прав самостоятельной личности и т.п. Это направление нео-консерватизма – не только критик,

³ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 49.

но и наследник классического либерализма. На смену консерватизму пришел неоконсерватизм, на смену классическому (прежде всего, экономическому) либерализму – неолиберализм социальной направленности. Разница между ними не столь очевидна, и либеральный консерватизм стал одним из мостов между ними.

Б.Н. Чичерин, основоположник теории либерального консерватизма в России, в статье «Различные виды либерализма» выделил три его вида, два из которых мы достаточно часто можем наблюдать в современной политической жизни России, а вот третий, к сожалению, не столь распространен:

- «уличный» либерализм, склонный к политическим скандалам, не терпящий чужого мнения и предрасположенный к самолюбованию собственным «волнением»;

- «оппозиционный» либерализм, постоянно обличающий власть в ее реальных и мнимых ошибках, «наслаждающийся самым блеском своего оппозиционного положения»;

- «охранительный» либерализм, который, по его мнению, представляет собой синтез консерватизма и либерализма. Он ориентирован на проведение реформ с учетом всех социальных слоев общества при опоре на сильную власть. О соединении консервативных и либеральных принципов писал и П.Б. Струве: «Либерализм утверждает свободу лица, утверждает ее – в случае необходимости – и против власти, и против других лиц. Консерватизм, отвлеченно рассуждая, есть чисто формальное понятие, могущее вмещать в себя какое угодно содержание»⁴, в том числе либеральное.

Почему либеральный консерватизм столь актуален для нашей страны? При масштабной догоняющей модернизации, характерной для России, можно проследить два взаимосвязанных, хотя

и разнонаправленных процесса: кризис прежней (традиционной) государственности и создание предпосылок для усиления контроля государства над обществом (не исключено, что догоняющая модернизация вообще связана с тенденцией внедрения жестких управленческих технологий). Неслучайно в странах, вставших на путь модернизации в современную эпоху, преобладает авторитарный стиль правления, когда изменения проводятся «сверху», а оппозиция подавляется более или менее легитимными методами. Прежде всего это вызвано такими особенностями догоняющей модернизации, как слабость «среднего» класса и необходимость провести реформы в краткие сроки.

Гораздо позже, чем в промышленно развитых западных странах, в России начал формироваться «средний класс». Парадоксальным образом вплоть до революции 1917 года носителями многих теоретических идей и положений, характерных для среднего слоя, являлись дворяне. После же Октябрьской революции процесс формирования среднего слоя был остановлен на десятилетия. Объективно он не является в нашей стране значимой политической и социальной силой даже сегодня. Вероятность авторитаризма связана и с тем, что модернизация в России происходила и происходит не столько под влиянием сложившихся внутренних условий и предпосылок, сколько под воздействием опыта стран, вставших на путь индустриализма и постиндустриализма раньше нас.

Еще одной предпосылкой авторитаризма можно считать исторические особенности культуры. В конечном счете, культуры (в самом широком смысле слова) можно различать по господствующим системам ценностей: индивидуализм – коллективизм, в зависимости от того, ставится на первое место индивидуальный самоконтроль или обязатель-

⁴ Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С. 124.

ство общественной солидарности. При таком подходе не только прошлую, но и настоящую российскую культуру очевидно было бы отнести к коллективистскому типу, что имеет одно важное для нашего предмета следствие: современная Россия по-прежнему живет в условиях преимущественно внешней детерминации поведения индивида. Более того, такая внешняя зависимость является, пользуясь термином Ю. Хабермаса, условием интересубъективного взаимопонимания: члену определенного общественного организма дозволяются не все действия, рациональные с точки зрения достижения успеха, но только те, которые считаются ценностно значимыми с точки зрения других. Традиция приказного, административного управления в России выступает как исторически привычное ограничение свободы человека, суверенность личности воспринимается как нечто второстепенное и не очень важное. Следствием подобной исторической «привычки» является отсутствие у многих членов российского общества навыков обоснования своего выбора, принятия осознанного решения, низкий уровень политической культуры.

Установка массового сознания россиян на принятие всех важных решений независимой от общества властной элитой, с одной стороны, способствует примитивно-легкому решению вопроса об ответственности за неудачи, а с другой – порождает иллюзию, что «правильный» президент, губернатор или мэр может коренным образом изменить ситуацию к лучшему. Неистребимая вера в «доброту царя» говорит о традиционном примате государства над обществом и личностью, ведь «радикальное зло в области политики – это не жестокосердие властителя, а его неограниченная авторитарность. Все социальные блага

сомнительны, если они достаются народу в порядке господского осчастливливания»⁵. «Вехи», напротив, утверждали, что в свободном обществе действия правителя, единоличного или коллективного, должны регламентироваться не моралью заботы, сострадания и добра, а совсем иным – правовым – кодексом. Управление обществом посредством законов в правовом обществе – это выделение каждому его члену «свободного пространства», в рамках которого он может прожить любую жизнь по своему собственному свободному выбору.

При авторитарном же управлении гражданин общества лишается свободы принятия решений, поскольку не знает границ своего жизненного «пространства» – они не установлены (государство осуществляет выбор за гражданина и информирует его об обязанностях), но он лишается и тяжелого груза ответственности. В этом смысле любое патерналистское «вертикальное» государство – это государство опеки, когда даже самые благие цели (безопасность граждан, справедливое распределение, всеобщее благоденствие и др.) приводят к рассмотрению человека как недееспособного индивида, который не может самостоятельно определять задачи и цели своего существования. Уместно процитировать здесь Ф.А. Хайека, утверждавшего, что «основной вопрос сводится не к тому, что деятельность государства должна руководствоваться каким-то определенным принципом, а к тому, что власть государства должна ограничиваться обеспечением того, чтобы каждый человек придерживался принципов, которые он сам знает и которые может учитывать при принятии своих решений»⁶. Один из авторов «Вех», П.Б. Струве, отмечал, что основная идея мировоззрения либерального консерватизма состоит в том, что «гарантия сво-

⁵ Право, свобода, демократия. Материалы «круглого стола». Выступление Э. Соловьева // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 4.

⁶ Хайек Ф.А. Истинный и ложный индивидуализм // Концепция хозяйственного порядка (Учение ордолиберализма). М., 1997. С. 286.

боды есть право, закон, и что закон сам имеет свою основу в преданности исторической традиции, тогда как всякий разрыв традиции, всякая насильственная революция, ведет к деспотизму»⁷.

Либерализм появился в результате эмансипации личности, он стал проекцией индивидуализма на социальную, политическую и экономическую сферы общественной жизни. Отсутствие культуры и традиции индивидуализма в России делает ясной слабость либеральных сил в обществе. Главный принцип либерализма – ограничение роли государства⁸: границами государственного вмешательства выступают права личности, в том числе и право на равенство. В сущности, либерализм является аристократическим мировоззрением (речь идет, разумеется, не о наследственной аристократии), так как открывает простор для победы наиболее приспособленных, преуспевающих, выдающихся. В этом смысле демократия и либерализм – не только не синонимичны, но отчасти и разнонаправлены (демократия – аристократия); более того, либерализм является единственно возможным способом (неавторитарным) разрешения конфликта между обществом и государством в условиях догоняющей модернизации и потребности быстрой адаптации общества к новым условиям.

Для либеральной идеологии власть – это продукт компромисса, результат столкновения индивидуальных атомарных волей, именно поэтому в рамках политической философии либерализма (в отличие от консерватизма) не разрабатываются специальные концепции власти. Например, дореволюционный российский либерализм опирался, как правило, на монархические концепции государственности (Б. Чичерин, К. Ка-

велин), а, скажем, для современного либерализма более типична апелляция к парламентской демократической республике. Таким образом, если понимать под демократией практический политический механизм, с помощью которого происходит принятие управленческих решений, то либерализм – явление другого, идеологического, порядка; и как идеология либерализм может быть соединен с различными практическими механизмами и с обращением к различным традициям.

После распада СССР интеллигенция на постсоветском пространстве увлеклась радикальным либерализмом. В России, где инерционное по своей природе массовое сознание отнюдь не стало либеральным по своей сути, это привело к повторению ситуации интеллигентской замкнутости, о которой говорилось еще в «Вехах». В таких условиях, сочетающих вершущий элитарный либерализм и мощнейшие архаичные консервативные почвенные пласты, общество решилось на радикальный революционный прорыв 90-х годов, обернувшийся, как известно, вовсе не тем, о чем мечтали либералы. В результате либерализм оказался отчасти дискредитированным в глазах общества. (Впрочем, в России слово «консерватор» всегда звучало более благородно и почтенно.) Поэтому либеральный консерватизм как соответствующий нелиберальности, консерватизму широких слоев, но ослабленный, смягченный либеральными элементами – единственный тип либеральной идеологии, который может у нас утвердиться, по крайней мере как массовый. Иначе говоря, речь идет о либерализме, активно ищущем свою социальную базу⁹. По сути, это попытка создать срединный уровень культуры, чтобы сдерживать

⁷ Струве П.Б. Указ. соч. С. 125.

⁸ По словам К. Поппера, «государство – это необходимое зло. Его властные полномочия не должны расширяться сверх необходимой меры» (Поппер К. Общественное мнение в свете основ либерализма // Концепции хозяйственного порядка (Учение ордолиберализма). М., 1997. С. 304.).

⁹ См.: Матвеева С.Я. Консервативный либерализм в современной России // Общество и реформы. 1993 [www.libertarium.ru/libertarium/1_pp_matveeva].

крайности полярных политических движений¹⁰.

Либеральный консерватизм (так же как консервативный либерализм) противостоит непопулярному сегодня в российском обществе радикальному либерализму, но в рамках совпадающих основных либеральных идей и представлений. Оба направления нацелены на осуществление модернизации, на создание правового государства и гражданского общества, оба ориентированы на идеалы свободы и демократии. В то же время либеральный консерватизм в большей степени учитывает «почву» – речь идет о попытке воплощения либеральных идеалов через обращение к массовым ценностям, к традиции, которая не всегда противоположна либеральности. Таким образом, задача либерального консерватизма – создание условий для своеобразного диалога между государством и личностью, попытка избежать как крайностей этатизма, так и радикального либерализма.

Вместе с тем важно понимать, что либеральный консерватизм – программа, оппонирующая не только радикальному либерализму, но и холистскому мифологическому неоконсерватизму (как правило, опирающемуся на национализм). Под мифологическим неоконсерватизмом я подразумеваю достаточно распространенный род политического романтизма, выдвигающего в качестве цели и задачи осуществление вневременного мифа в духе национального традиционализма. Как правило, такой мифологический консерватизм особенно характерен для стран, ступивших на путь либеральных реформ с историческим опозданием (например, Германия, Испания, Россия). Видимо, отсюда – поиски особой судьбы, ориентация на абсолютную уникальность национального пути, национализм. Продолжая традицию противопоставления должно-

го и сущего, наличная действительность резко критикуется, а как альтернатива предлагается некое архетипическое, вневременное бытие («Святая Русь», «прусская идея»).

В этом типе современного консерватизма четко прослеживаются две взаимосвязанные идеи: проповедь патерналистской модели государства и требование духовной общности народа. В обоих случаях речь идет о приоритете общего над индивидуальным, что противоречит либеральной установке. В сегодняшнем политическом контексте России это выглядит как обоснование необходимости сильной властной вертикали, которая одна способна осуществить некую высшую цель – сплочение и самоутверждение общности (нации, государства, страны), поднять страну «с колен». Налицо холистская установка, требующая подчинения единичного лица целому (нации, например). Смысл и цели общественного развития объясняются не в категориях индивидуализма, свободы личности и т.п., они определяются интересами общности. Любопытно, что в такой холистский консерватизм можно вписать и социализм (как сделал, например, О. Шпенглер в своей работе «Пруссачество и социализм» или, если снизить теоретический масштаб, Г. Зюганов в своей книге «Русская идея и современное государство»), но его невозможно адаптировать к либеральным принципам. Национальные традиционалистские мифологемы, связанные с мессианизмом, избранностью и т.п., принципиально не интерпретируются в либеральной системе координат. «Третий путь», возможность которого для России столь страстно дискутируется националистическим неоконсерватизмом сегодня, означает на деле не столько возврат к национальным традициям и ценностям, сколько попытку создать новую социо-

¹⁰ Для России, где либеральные ценности еще не укоренились в общественном сознании, на мой взгляд, можно пренебречь не принципиальным пока для нашей страны различием между консервативным либерализмом и либеральным консерватизмом, воспринимая и тот, и другой как синтез либеральных и консервативных ценностей.

культурную общность (новую великую империю?), а значит, утвердить новый метаколлективизм и ограничить свободу личности. Формулирование «общей цели» приводит к экспансии политики на все остальные сферы общественной жизни, что, разумеется, противоречит либеральному лозунгу минимизации государства.

Значит ли это, что национальный традиционализм всегда не совместим с либерализмом? Видимо, нет. Более того, существование традиций выступает условием для либеральной политики и функционирования правового общества: вмешательство государства в жизнь граждан можно ограничить до минимума только в том обществе, где поведение людей является предсказуемым благодаря существующим обычаям и традициям¹¹. Таким образом, когда мы говорим о несовместимости либерализма и национализма, речь идет не о любых национальных традициях, которые могут как способствовать, так и препятствовать переходу общества на либеральные рельсы, а именно о жажде установления призрачного мира, якобы «вырастающего» из традиций, о национальных мифологемах, проповедующих исключительность нации. «Особый» путь России, «русская идея», диктующая смысл и предназначение

национального бытия, возрождение России в ее «самобытных формах», традиционная российская «державность», представление об исконной православности или о «суверенной демократии» – вот примеры такого рода мифов, широко внедряемых в массовое сознание. Современный российский консерватизм с националистической окраской активно «адаптирует» миф к реальности.

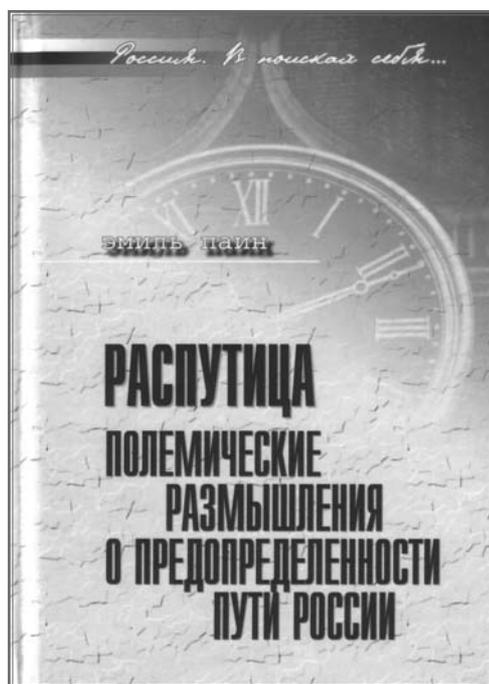
Нации и народы не есть нечто неизменное. Поэтому прогнозировать будущее, исходя лишь из прецедентов в прошлом, ошибочно. Согласно традиции, России предуготовано стать националистическим и авторитарным государством. Но, используя герменевтическую терминологию, сегодня – «время интерпретации», а не «время традиции». Либеральные ценности, пусть и в сочетании с консервативным их прочтением, все же имеют реальный шанс стать идейной платформой для объединения самых разных сил на политической арене России – практически всех, за исключением упомянутого выше агрессивного националистического направления в сегодняшнем российском неоконсерватизме. Думаю, поворот интеллигенции к либеральному консерватизму стал насущной задачей для российского общества.

¹¹ См.: *Понтер К.* Общественное мнение в свете основ либерализма.; *Хайек Ф.А.* Истинный и ложный индивидуализм // Концепция хозяйственного порядка. С. 290, 305.

Есть ли выход из распутицы?

Известный российский политолог Э. Паин снова будоражит научную и общественную мысль своими размышлениями об особенностях исторического пути России. Следует ли Россия какому-либо предопределению? А если так, суждено ли ей вечно плестись в хвосте мировой цивилизации или, напротив, постоянно протирать свой собственный путь и вести по нему за собой «все прогрессивное человечество»? Или же судьба России диктуется некими общими законами, которые уже неоднократно проверяли на себе многие другие страны и народы? Ответы на эти злободневные, если не сказать «вечные», вопросы имеют отнюдь не академический характер. От них зависит поведение наших соотечественников. Надо ли надеяться на судьбу и предопределение и лишь слепо следовать уже намеченным кем-то (но кем именно?) курсом? Или нужно занимать активную жизненную позицию и самим выстраивать этот курс? Но, если так, что это за курс и куда он должен привести?

Этими вопросами вот уже 150–200 лет задаются самые разные мыслители – как в России, так и за рубежом. Из созданного ими можно было бы составить библиотеку в много сотен томов. И каких только ответов там нет! Надо ли снова обращаться все к тем же «вечным темам»? Э. Паин полагает, что надо, и с ним нельзя не согласиться. Но вот что привлекает внимание. Дискуссия о судьбах России оживляется обычно тогда, когда ее участники понимают, что сами они отлучены от реальной власти или от эффективного воздействия на нее. Ины-

Эмиль Паин. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России.

М.: РОССПЭН, 2009. 272 с.

ми словами, когда режим бронзовеет и на долю интеллектуалов остается лишь литературно-публицистическое поле, куда они и направляют всю свою нерастратченную энергию. В этом и состоит вековая коллизия России. С одной стороны, именно здесь следует искать причины загадочного расцвета литературы и, отчасти, насыщенности философской мысли в эпохи самых жестких авторитарных режимов. А с другой – этим определялась и слабость российской демократии, ибо в недолгие периоды ее пребывания у власти та доставалась людям, чьи добрые намерения резко расходились с их политической наивностью и неопытностью. Выяснялось, что кабинетные представления и построения мало помогали принимать нужные решения в контексте реальной политики. А это, в свою очередь, вело к быстрой дискредитации демократии и облегчало возвращение автократии, опирающейся на поддержку общественности, разочарованной неумелыми действиями реформаторов.

От такой безрадостной картины можно впасть в уныние. Но Э. Паин всеми силами пытается его преодолеть и найти пищу хотя бы для осторожного оптимизма. И со многими его выводами трудно не согласиться. Автор обозначает свою позицию на первой же странице, указывая, что апелляция к «особому пути» – это «распространенный в мировой практике способ оправдания незыблемости авторитарных режимов». Он страстно выступает против «верхушечной модернизации», «мобилизационной экономики», установки на «сырьевую зависимость», лозунга «возвращения к империи», а также «вертикальных барьеров», мешающих политической интеграции общества. Он с полным основанием критикует «державность» за стремление государства контролировать всех и вся и показывает, что в такой большой стране, как Россия, это ведет не столько к «установлению порядка», сколько к беспрецедентному росту бюрократии, ее самоуправства и коррупции. Он видит уязвимость России в господстве межличностных отношений над правом и законностью. Он подчеркивает отсутствие подлинной элиты и слабость среднего класса. Обращаясь к массовым социологическим опросам, он не оставляет камня на камне от мифа о якобы «природном коллективизме» и «соборности» русского народа и убедительно демонстрирует высокую атомизацию современного российского общества.

В то же время Э. Паин с горечью отмечает отсутствие в России политической нации и неразвитость гражданского общества. При этом он затрагивает не только острые политические проблемы, но и важные теоретические вопросы, по которым в нашей науке до сих пор нет единства. Не секрет, что некоторые современные авторы сводят проблему нации к дискурсу, полагая, что само по себе внедрение термина «нация» достаточно для реализации национального проекта. Действительно, исследования показывают, что в современном информационном обществе слова и тер-

мины имеют большое мобилизационное значение. Но столь же верно и то, что одни лишь слова, не подкрепленные жизненными реалиями, не способны надолго закрепиться в общественном сознании, и об этом ярко свидетельствуют материалы многочисленных массовых опросов. Поэтому формирование нации, помимо дискурса, требует действенных институтов гражданского общества и реальной гражданской солидарности и ответственности. А это возможно только в условиях социального равенства и заинтересованного гражданского участия в делах государства и общества. И невозможно в условиях подданства. Такова позиция автора, подчеркивающего, что в России до сих пор подданство подменяет собой гражданство, а имперское устройство встречает больше симпатий, чем политическая гражданская нация. Он предупреждает любителей империи о том, что сегодня империя нежизнеспособна, так как, опираясь на национализм этнического большинства, она восстанавливает против себя национализмы меньшинств. И это ведет к краху, с чем тоже трудно не согласиться.

Обращаясь к вопросам теории и методологии, автор резко критикует популярные представления (причем разделяемые и немалым числом российских ученых и вузовских преподавателей!) о неких «неизменных культурных кодах» и «извечных цивилизациях». Он верно отмечает, что приверженность традиции, адаптация или открытость к инновациям не зависят от языковой, культурной или расовой принадлежности. Все решает реальный социально-исторический контекст и структурные особенности социума. Это важный вывод, наносящий чувствительный удар по расизму, который сегодня поднимает голову.

Споря с безнадежными пессимистами, автор убеждает нас в том, что нет оснований говорить о кончине либерализма в России. Мало того, он даже отваживается предложить свою собственную формулировку «национальной идеи» для

России. Это «сбережение населения, сохранение целостности страны и рост ее социального и интеллектуального капитала как основы конкурентоспособности России». Такая установка делает акцент на самоценности человека. Она требует общественного контроля над чиновниками и страстно обличает «персоналистский режим». Горизонтальная консолидация ей кажется не в пример важнее «властной вертикали».

Автор связывает свои надежды с появлением в России «общества, способного формировать и отстаивать свои национальные интересы, хранить и развивать свои базовые ценности и культурные традиции». Иными словами, уповать следует на гражданское общество. Но, во-первых, оно в России пока еще не сложилось. Поэтому надо ставить вопрос о том, как можно способствовать его становлению, и автор уделяет этому должное внимание в той части книги, где идет речь об испанском, чилийском и итальянском опыте. А во-вторых, следовало бы более четко определить, о каких именно «базовых ценностях и культурных традициях» здесь идет речь – ведь они могут пониматься очень по-разному.

Ведь и те, с кем азартно полемизирует автор, тоже взывают к «базовым ценностям и культурным традициям». Поэтому приходится обращаться к механизмам бытования и трансформации таких традиций. А здесь не обойтись без специальных знаний, которые предоставляет этнология (культурная антропология). Именно эти знания сознательно или по невежеству игнорируются теми, кто так много сегодня рассуждает об «особом пути» России. Именно к таким знаниям обращается автор, проявляя не только свойственное ему искусство полемиста, но и высокий профессионализм, которого так не хватает его оппонентам. Ведь беда последних в том, что мало кто из них знаком со сравнительными материалами, и в результате партикулярное нередко выдается за универсальное и наоборот.

А ведь речь должна идти о динамическом балансе между традицией и инновацией, который в разных социокультурных контекстах складывается по-разному. Традиция определяет устойчивость общества, а инновация обуславливает его развитие. Не менее важным механизмом изменений служит адаптация. Эти сюжеты не только являются одними из стержневых в мировой культурной антропологии и хорошо изучены на самых разных материалах, но уже давно вошли в учебники, по которым учат студентов. И только наши любители «самобытности» остаются в счастливом неведении и вновь с жаром предлагают нам решения, ошибочность которых была показана и научно обоснована еще полвека назад.

Поэтому своевременным является не столько само по себе обсуждение проблемы, предлагаемое автором, сколько то, в каких терминах и на каких материалах оно ведется. Иными словами, особенно ценной представляется его методология, позволяющая без сожаления расстаться с любыми теориями «самобытности», ведущими нас не только в интеллектуальный, но и в политический тупик. Э. Паин прав, придавая своей книге просветительское значение. Действительно, сегодня рынок учебной литературы перенасыщен низкопробными и псевдонаучными «культурологиями», авторы которых бесконечно далеки от подлинной науки о культуре и законах ее трансформации. В этом контексте рецензируемая книга поистине является глотком свежего воздуха.

Между тем, наряду с отмеченными и, на мой взгляд, бесспорными суждениями, книга поднимает вопросы, на которые, по собственному признанию автора, у него нет готовых ответов. Такие вопросы требуют дальнейшего изучения. Речь идет прежде всего о взаимоотношениях национализма и этничности – области, находящейся на стыке политологии и этнологии. Отечественные этнологи, за редким исключением, обходят ее стороной как сферу, лежа-

щую за пределами их профессиональных интересов. А многие политологи сознают, что для обсуждения этой проблемы им просто не хватает профессиональных знаний. Однако, имея дело с государственностью, основанной на этнофедеральных принципах, уйти от этой темы не удастся, ибо в нашем случае этнический фактор с готовностью эксплуатируется самыми разными политиками для продвижения своих политических проектов.

Автор смело вторгается в эту заповедную область и затрагивает, на мой взгляд, принципиально важный момент, давно заслуживающий самого серьезного обсуждения. Речь идет об идентификационных различиях между доминирующим большинством и этническими меньшинствами. Мировой опыт показывает, что последние скорее склонны объединяться на этнокультурных (языковых, религиозных и пр.) началах, так как они не допущены во власть и чувствуют себя дискриминированными. В таких условиях этничность служит им главным политическим ресурсом. А доминирующее большинство, как правило, придает своей культуре универсальный характер и потому не осознает или слабо сознает свою этничность. Для большинства характерна инклюзивная идентичность, а для меньшинств – эксклюзивная. Кроме того, именно представители большинства доминируют во властных структурах, что позволяет ему чувствовать себя надежно защищенным государством и не опасаться за свое будущее. В условиях демократии это дает большинству неоспоримые преимущества. Зато в условиях авторитарного режима такие преимущества приобретают чисто декоративный характер, и большинство не просто чувствует себя обделенным, но иной раз даже ощущает себя «меньшинством». И у него возникает соблазн объявить власть «инородной» и изобразить свое недовольство в виде «национально-освободительной борьбы». В таком контексте справедливые соци-

альные требования приобретают уродливую ксенофобскую форму. Именно это мы и наблюдаем в современном мире в лице международного движения за «власть белых». К сожалению, современная Россия отнюдь не находится в стороне от этой тенденции. Поэтому этнический национализм доминирующего большинства грозит большими потрясениями и представляет серьезную угрозу будущему страны.

Вот почему автора так заботит вопрос о том, какую форму изначально принимает национализм – этническую или гражданскую. Чтобы ответить на него, надо иметь в виду отмеченное выше различие между доминирующим большинством и этническими меньшинствами. Великая Французская революция 1789 года, осуществленная третьим сословием, выступала от лица нации, понимавшейся не в этнических, а в гражданских терминах (правда, конфликт со знатью тогда некоторыми осознавался как «расовый»). Признавая права человека, Французская революция всячески отвергала любые групповые права, включая и те, что апеллировали к культурно-языковым основаниям. С тех пор во французской политике возобладал республиканский принцип, с подозрением относившийся к этничности как угрозе сепаратизма. Поэтому мультикультурализм, принятый в Великобритании, встречает ожесточенное сопротивление во Франции. И именно во Франции «этнизм» отождествляется с расизмом. Примечательно, что один из родоначальников расизма, Гобино, написал свой труд именно во Франции, причем под «расами» он понимал то, что сегодня называется этническими группами. Но его концепция была отвергнута французским обществом, проникнутым духом республиканизма. А агрессивный этнический национализм во Франции начинается с Мориса Барреса и Шарля Морраса, т. е. он возник столетием позже Великой Французской революции и, что примечательно, никогда не пользовался во Франции массовой поддержкой.

Вообще становление старых национальных государств в Западной Европе (Франция, Великобритания) происходило от лица доминирующего населения, а потому местный национализм апеллировал к гражданскому, а не этническому принципу. Зато в ходе распада империй или колониальных держав новые нации очень часто (но не всегда!) складывались на этнической основе, ибо охватывали прежде зависимое и дискриминированное население, для которого, как отмечалось выше, за неимением сложившихся институций именно этничность была главным политическим ресурсом.

Из этого вытекает важный вывод. В условиях авторитарного режима доминирующее большинство ощущает себя обиженным «меньшинством». Эта ситуация кажется ему особенно нестерпимой, если авторитаризм рядится в тогу «демократии» (пусть и «самобытной»), ибо здесь с особой силой проявляются ножницы между риторикой и политическими реалиями. Это тем более встречает протест в открытом мире, когда имеется возможность сравнить себя с соседями. Вот почему противники демократии сплошь и рядом выступают против «открытого общества».

Но Россия – многоэтничное государство. Сформировать «нацию» на историко-культурном или конфессиональном основании здесь невозможно (как это невозможно в США и ряде других стран), так как разные группы населения не устают подчеркивать свою самобытность (культурную, конфессиональную, историческую, даже иной раз хозяйственную). Поэтому-то проект «русской (русской) цивилизации», основанный на «русских (православных) ценностях», является очевидной утопией. Российская нация может успешно реализоваться только как политический гражданский проект, разводящий политические и этнокультурные принципы и допускающий этнокультурную гетерогенность. А из этого следует, что этнический национализм домини-

рующего большинства здесь неприемлем, ибо ведет страну по гибельному пути. Между тем лидеры ряда ведущих политических партий уже не раз пытались подогреть этот вид национализма в ходе своих предвыборных кампаний. Тем самым, решая свои текущие проблемы, они фактически подталкивают Россию к краху. И это надо хорошо понимать.

Имеются ли у России особенности, затрудняющие движение к демократии и гражданскому обществу? Автор справедливо указывает на длительность крепостнического режима и служилый характер российской знати, что и заложило основу традиции «подданничества». К этому следовало бы добавить отсутствие городского самоуправления и университетской автономии, которые в Западной Европе способствовали развитию гражданского общества и независимости науки от власти. В России этого, к сожалению, не было, во всяком случае с золотоордынских времен. Чтобы изменить ситуацию, Петр I, во-первых, посылал юношей на обучение за рубеж, а во-вторых, брал на службу европейцев. Это и сформировало костяк новой элиты, обученной в совершенно ином духе. А во второй половине XIX века у разночинцев имелась возможность обучаться за границей. Сегодня немало российских студентов тоже учатся за границей. Правда, не все из них возвращаются. Кроме того, по моим впечатлениям от преподавания в Центрально-Европейском университете в середине 1990-х годов, обучавшиеся там студенты из стран Восточной Европы не испытывали никакой тревоги за свое будущее, ибо на родине их уже ждали престижные рабочие места. Лишь в России обстановка была иной, и там таких молодых людей встречали с завистью и недоброжелательностью. И им было очень непросто устроиться на работу.

Можно поспорить с некоторыми теоретическими посылками автора. Я бы не стал придавать столь большого значения религии и религиозным институтам как инструменту сохранения традиции. Они,

разумеется, могут играть такую роль, но это вовсе не predetermined, а зависит от историко-культурного контекста. При атеистических режимах существовали свои формы социальной регуляции, и они вовсе не были тотально связаны с государством. Ведь для того, чтобы быть мусульманином, вовсе не обязательно посещать мечеть. А чтобы готовить «фиш», вовсе не обязательно быть религиозным евреем. В этих случаях традиция передается в семье. Но семья, разумеется, тоже служит очень важным социальным институтом, в ряде случаев еще более важным, чем религиозное учреждение или религиозная община.

Споря со своими оппонентами, автор, подобно им, ищет объяснение в культурных традициях. Правда, если для них речь идет о роли вполне определенных культурных традиций, то его внимание привлекает само по себе наличие традиций или их отсутствие. И он сетует по поводу высокого уровня разрушенности традиций и механизмов их трансляций. Однако в СССР сложилось немало новых традиций. И их трансляция была налажена: в школе, на рабочем месте, в семье, в общественных организациях, клубах и т. д.

Мне трудно понять различие между традицией и «квазитрадицией». Похоже, что под первой автор понимает нечто идущее из глубины веков, а под второй – недавнее нововведение. Но в ходе эволюции одни традиции исчезают, другие возникают, и это нормально. По-видимому, правильнее было бы различать традиции разного типа.

Противоречит ли «атомизация» традиции? Ведь в России происходит формирование гражданского общества, например в виде неформальных молодежных объединений, которые у нас на глазах создают свои собственные традиции. Однако государство, на словах озабоченное сложением гражданского общества, на деле всячески тормозит этот процесс своими подозрениями в отношении тех, кто пытается уйти от его жесткого контроля. Между тем сегодня по-

является еще один путь сложения групп неформального общения. Это форумы на интернет-сайтах, где идет обмен информацией, включая выработку новых традиций и их передачу. Поэтому вряд ли стоит говорить о полном распаде социально-нормативной системы. Ведь общество постоянно занимается своей самоорганизацией и саморегуляцией.

Что касается отсутствия законопослушности, то автор отчасти прав, признавая это не столько традицией, сколько чертой адаптации к определенным социополитическим условиям. Однако имеется и традиция ставить Истину (мораль) выше закона, что Русская православная церковь со времени митрополита Илариона внушает своим прихожанам. В то же время новейшая история России дает немало примеров того, как законопослушные европейцы или американцы, начавшие заниматься бизнесом в России, очень быстро забывали о своей законопослушности и начинали вести дела «по-русски». Здесь речь должна действительно идти об адаптации к местным условиям, интересы которой заставляют отбрасывать сковывающую руки традицию. Это показывает, что люди держатся традиции не столько в силу привычки, сколько в расчете на ее полезность. Традиция, мешающая делу, без сожаления отбрасывается. Еще скорее отмирает традиция, идущая вразрез с интересами развития общества. Поэтому, как правильно пишет автор, нет вечных традиций; традиции меняются. Можно добавить, что длительность и устойчивость разных традиций различна. Например, более консервативны ритуальные и пищевые традиции; большим консерватизмом обладают некоторые социальные традиции. Зато языковые, технологические и художественные традиции изменяются много легче.

Вместе с тем обращает на себя внимание определенная непоследовательность автора. Отвергая некоторые отечественные варианты «цивилизационного подхода», он, на удивление, сохраняет понятия «цивилизационный

подход» и «культурный код» и верит в их эвристическую ценность. Иными словами, демифологизируя и демистифицируя «культурный код», он не отказывается от самого этого понятия. Но тем самым он оправдывает и цивилизационный подход. Он критикует «ментальный код», не замечая, что это синоним все того же «культурного кода». Он также не замечает, что любая цивилизационная модель строится на культурно-историческом основании, а потому страдает теми же недостатками, что и «русская цивилизация».

Но возникает, например, вопрос о том, можно ли объявлять испанцев и венесуэльцев носителями одного и того же «культурного национального кода». И шире, что важнее – язык или социальная структура, культура и ценностные ориентации. Действительно, нет прямой зависимости культуры и ценностей от языка, и они в значительной мере определяются вхождением в ареальную общность, а не языковую семью.

Связав «культурный код» с языком, автор вскоре включает в него также религию, а затем и социальные ценности и установки массового сознания. А далее он ставит культурный код в связь с «институтами коллективности». Тем самым он фактически идет на уступку тем, кого критикует. Ведь те тоже дают столь же противоречивые определения «цивилизации» и «культурного кода». Правда, противоречия сказанному выше, сам автор называет культурный код «мифологизированной метафорой», и это, на мой взгляд, больше соответствует истине.

Показывая, что в Испании, Италии и Чили институты гражданского общества опирались на традиционные структуры, и веря в то, что нечто подобное возможно в России, автор противоречит своему утверждению о полном разрушении традиционных структур в России в течение XX века. Так откуда же им сегодня взяться? Гораздо более оправданы его надежды на группы совместных интересов. И этнические традиции не

имеют к этому прямого отношения. Напротив, при большой этнической разношерстности современного урбанизированного населения такие группы неизбежно будут этнически гетерогенны. Но их будут сплачивать общие бытовые, экономические, социальные и политические интересы. Только выращивание именно таких групп (а не «традиционных») создаст основы для гражданского общества и становления политической нации, не имеющей никакого отношения к этничности. Напротив, этнический национализм, в особенности доминирующего большинства, приведет либо к дальнейшему укреплению расистской идеологии и практики, либо к полному распаду страны. И это автор постоянно подчеркивает.

В то же время он не объясняет, как и на каких основаниях в демократическом государстве может существовать этнофедерализм. Как он может сочетаться с политическим гражданским национализмом? Можно ли в условиях этнофедерализма избежать этнического национализма и политизации этничности? Как в такой обстановке может происходить интеграция разных народов и культур, о чем мечтает автор? Это один из самых острых вопросов современной российской действительности. И пока что ни одному политологу не удалось дать на него сколько-нибудь внятный ответ.

Поэтому сама постановка всех этих весьма злободневных вопросов и попытка дать на них ответ с опорой на современные научные знания составляет несомненное достоинство книги. Возможно, читатели не во всем согласятся с автором, но он, безусловно, заставит их задуматься.

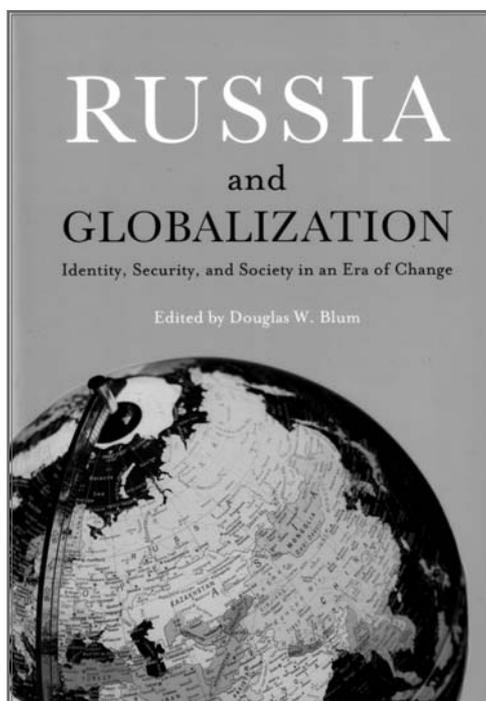
Виктор Шнирельман,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН,
Former Woodrow Wilson Guest Scholar
(1994),
Former Kennan Institute Galina Starovoitova Fellow (2005–2006)

Россия в глобальном мире

Уже заголовок рецензируемого труда говорит о серьезных изменениях в модернизационной и глобализационной теориях. Произошел сдвиг от рассмотрения модернизации как догоняющей Запад модели развития и глобализации как модернизации в масштабах планеты (распространения либерализма на мир в целом) к пониманию того, что в том и другом процессе культурные особенности стран, их идентичность «преломляют» глобальные тенденции и создают процесс обратного влияния локальных трансформаций на глобальные.

Актуальность книги состоит в том, что она рассматривает этот процесс применительно к России как в теоретическом плане, так и на уровне связи локального и глобального в ряде ключевых проблем, таких как российский демографический кризис, региональная политика, идентичность (на примере Сибири), трансформация образования, формирование гражданского общества и внешней политики, различным аспектам которой посвящена половина книги. Здесь анализируется изменение взглядов на мировой порядок; ситуация в Чечне; российская геополитика в контексте глобализации; глобализация, безопасность и идентичность в России.

Обширный круг вопросов, поднятых в книге, делает ее теоретическую установку более имплицитной, чем явно представленной. Тем не менее она просматривается с достаточной очевидностью: глобализация превращает национальные государства в акторов, реагирующих на транснациональный

Russia and Globalization: Identity, Security, and Society in an Era of Change. Ed. by Douglas W. Blum.

Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2008. 383 P.

процесс больше, чем на изоляцию от этого процесса, делая национальные государства и национально-культурные идентичности «зависимыми бастионами коммуникации, организации и “домашности”» (с. 329). Одновременно в книге ясно проведена мысль о том, что одни страны выступают в качестве субъектов глобализации, что показано на примере государств Запада, в особенности США, в то время как другие, а среди них и Россия, адаптируются к глобализации, мало влияя на ее протекание и нередко пренебрегая воздействием глобализации на процессы, которые имеют и внутренние причины. Так, миграция, вполне очевидно связанная с распадом СССР, одновременно стала глобальным процессом, действующим и в России. А проблема здоровья населения, ослабленного исчезновением СССР как социального государства

с обширной программой здравоохранения и социальной помощи, вместе с тем глобализирована распространением СПИДа и отсутствием безопасного секса (Андрей Коротаев, Дарья Халтурина, с. 37–75). Таким образом, показано, что социальный контекст содержит внутренние и внешние аспекты, более тесным, чем прежде, образом связанные между собой и имеющие взаимно направленные воздействия. Обратим внимание на то, что международные организации, в том числе и некоторые подразделения ООН на территории России, исходят из усредненного мандата, часто ориентированного исключительно на маргинальные слои. Остаются в стороне от их интересов многие важные и новые для России проблемы: диспропорция в количестве мужчин и женщин, ранняя смертность мужчин, алкоголизм, гендерное неравенство, потеря ценности семьи, растущая проституция, сексуальное насилие, использование женщин и детей в сексуальных целях, насилие в семье, необходимость демографической политики, обеспечивающей рост немаргинализированных слоев населения (как это делается в Чехии, Норвегии посредством поддержки студенческих браков), проблема питьевой воды, жилья, в целом бедности. Данная книга настраивает на учет специфики страны в глобальном процессе, который должен дать иные перспективы для деятельности международных организаций в России и избавить их от усредненного мандата деятельности, культивирования исключительно западных взглядов.

Сходные с отношениями глобального и локального взаимодействия складываются на уровне страны и ее регионов. То, что относится к стране в целом, похоже на глобальное по отношению к регионам как локальным образованиям. Поэтому делается вывод, что глобализация имеет «сотрясающее» воздействие на отношения «центр – периферия», «продвигая» изменения региональной идентичности до степени, дающей реги-

ону возможность быть связанным с мировыми процессами, что показано в рецензируемой книге Майклом Брэдшоу (с. 331). Устойчивость развития опять же определяется не только процессами централизации, но и освоением регионами мирового технологического уровня, создающего новую форму децентрализации и представительства, что тесно связано с демократией как приобретением локальными акторами полномочий к нахождению собственных путей экономического подъема и требует их международной активности. Единство в многообразии, пожалуй, наиболее точно выражает то, чего добивается страна в посткоммунистический период.

Российская идентичность меняется, но эти изменения представляются не только свидетельством кризиса, как их оценивает повсюду в мире С. Хантингтон в своей знаменитой книге «Кто мы?», но и знаком развития. Интересна в этой связи написанная Евгением Водичевым и Владимиром Ламиным глава о сибирской самоидентификации, в которой они показывают, что наряду с сохранившейся идентичностью «советских людей» возникают новые формы идентификации – не только на основе принадлежности к этническим и религиозным сообществам, но и на почве территориальной принадлежности, соединяющей Россию как целое и ее регионы. В сегодняшних условиях, показывают авторы, растет евразийский компонент сибирской идентичности. В развитии регионов сейчас большую роль играет их ресурсное богатство, чем совершенствование технологий, социальный капитал и наличие человекоемких производств, позволяющих заполнить слабо населенные районы.

Это, несомненно, так, хотя комментарий Дуэласа Блума в заключении к книге о том, что Россия остается великой европейской державой, действительно показывает в соответствии с заголовком Заключения, что повсюду в России обнаруживаются зазоры между глобализацией, безопасностью и идентичностью

(с. 329, 341). В связи с нестабильностью российской идентичности я полностью согласна с утверждением Блума о том, что неолиберальный подход к России как «торгующему государству» неадекватен сложности российского общества и стоящим перед ним проблемам. Именно он вызвал рост антизападных настроений, который не был формой российской неадекватности, а отражал разочарование людей в неуспешности ельцинских реформ, позже став реакцией на неуважение Запада к другим культурам, выраженное в бестактных попытках поучения.

В книге показано, что некоторые районы России институционализируют свою специфическую идентичность в языке, обучении истории, репрезентации (Татарстан, Башкортостан, Саха, Северный Кавказ), балансируя на грани своей включенности в российскую идентичность, что в случае Чечни оказалось роковым обстоятельством. Приобретения и потери регионов определены в значительной мере балансом их тождества с российской идентичностью и региональной спецификой.

Сферой, где высказанный в книге тезис о единстве мирового и российского и их взаимовлиянии, менее всего реализуется, на мой взгляд, является, помимо демографии, высшее образование. Реформа, игнорирующая российскую специфику фундаментального образования, применение которого было затруднено не качеством подготовки, а отсутствием средств для внедрения и технологического применения (это российские ученые блестяще делали на Западе), вызывает большое недовольство в обществе. «Подверстывание» российского высшего образования под двухстраничную Болонскую декларацию, ориентированную (в ней это прямо сказано) на европейский рынок труда в производстве бакалавров, полностью противоречит магистральному пути инноваций как технологическому применению фундаментальных наук, подменяя его практической

значимостью в повседневном смысле этого слова.

Такая моя позиция заставила меня с особым вниманием отнестись к статье *Геннадия Константинова* и *Сергея Филоновича* о реформе образования в России. Авторы справедливо подчеркивают влияние общего настроения на реформы, имеющего место в России. Оказала воздействие на этот процесс и глобализация, требующая соизмеримости образовательных систем и возможностей дальнейшего сотрудничества выпускников вузов. Свободное интеллектуальное общение справедливо воспринято как признак университетов. Авторы показывают, что Болонская декларация – не знак унификации, ее принципы должны варьироваться в зависимости от места применения. Две враждующие группы – тех, кто считает советскую систему образования нетленным образцом, и тех, кто требует решительно порвать с ней каким угодно образом, – занимают крайние и неадекватные позиции. Важным выводом представляется то, что дискуссия о реформе образования оторвана от рефлексии происходящих социальных изменений в мире, связанных с формированием общества знания, что является, на мой взгляд, слепым копированием отдельных принципов Болонской декларации, снижающим интеллектуальный потенциал страны и ее инновационные и экономические возможности. Игнорируются, отмечают авторы, роль социального капитала и экономический эффект обновленной системы образования, тема существенного роста экономики. Я безусловно согласна с выводами авторов о том, что решающее значение имеет проблема такой реформы образования, которая связана с концептом общества знания.

В книге рассмотрено влияние глобализации на развитие системы безопасности и военной индустрии в соответствии с технологической революцией и неспособность «президентской вертикали» Владимира Путина воспрепятст-

воватъ этому процессу. На мой взгляд, упомянутая вертикаль касалась политики, законов, управляемости, оставляя экономическим тенденциям, в том числе и в военной сфере, их глобальный характер.

Джеймс Рихтер (с. 181–203) высказывает разочарование по поводу неспособности построить гражданское общество в России снизу. Это так, но я бы скорее утверждала, что пока власть не испытывает необходимости разделить ответственность с обществом за происходящее в стране, не нуждается в гражданском обществе и не способствует его становлению. Так было всегда в истории России, в том числе и в начале ее посткоммунистического периода. Ситуацию изменил Беслан. С этого момента власть захотела разделить ответственность с обществом и стала поощрять и даже создавать общественные институты, такие, например, как Общественная палата. Многие в ней мечтают перепрыгнуть во властные структуры или уже сделали это. Это действительно характеризует, как говорит автор, отсутствие универсальной модели и нехватку гражданского состояния в России. Но сегодня многие могли бы сказать, что универсальной модели нет.

Возьмем, например, книгу Роберта Патнема об эволюции социального капитала (и тем самым гражданского общества) в западных обществах – Великобритании, США, Франции, Германии, Швеции, Австралии, Японии. У всех свои пути¹. Мысль об универсальной (эвфемизм западной) модели в течение 500 лет была характерна для догоняющей (Запад) модели модернизации. Она была достаточно успешной. Но сегодня именно глобализация поставила крест на этой модели. В работах руководимого мной сектора социальной философии

и в моих книгах подробно рассмотрен этот процесс. Вначале (1885–1914 годы) модернизация была мегатрендом, а глобализация – ее побочным продуктом. Тогда формула универсальной (западной) модели доминировала. Сейчас глобализация стала мегатрендом, а модернизация – ее побочным продуктом. Посткоммунистический неомодернизм не сумел доказать свою правоту. При этой смене мегатренда модернизации перестали быть догоняющими, хотя и осуществляют необходимые вестернизационные мероприятия, а превратились в национальные – решающие свои проблемы в Китае, России и пр., иногда и своими методами. Я глубоко благодарна Институту Кеннана за приглашение быть рецензентом новой интересной книги, но сожалею, что, несмотря на множество публикаций², ни я, ни специалисты из нашего сектора не были приглашены в проект по ее подготовке. При всей интересности статьи Рихтера, на мой взгляд, она написана в парадигме уже не существующей догоняющей модели, хотя суть – трудности строительства гражданского общества и не всегда имеющееся как наверху, так и внизу желание делать это – отмечена верно.

Второй раздел книги, посвященный внешней политике, подчеркивает ее монографическую целостность, ибо понимание своей идентичности российскими гражданами и властью поставлено во главу угла так же, как и в первом разделе. Не будучи специалистом по международным отношениям, я меньше коснусь этой части книги. Соглашусь с тем, что глобализация воспринимается в соответствии с идентичностью, которая сегодня не является единой в России. Но у власти и населения есть консенсус по поводу европейского вектора этой идентичности и плюрализма практичес-

¹ Putnam R.D. *Democracies in Flux. The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

² Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2002; Федотова В.Г. *Хорошее общество*. М.: Прогресс-Традиция, 2005; Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества*. М.: Культурная революция, 2008.

ких ориентаций. *Михаил Троицкий* показал разветвленность интересов России в мире, создающую определенный плюрализм идентичностей, я бы сказала, ситуационную ориентацию на подчеркивание в себе тех или иных начал, ибо Россия многонациональная, многоэтническая и многоконфессиональная страна.

Еще раз отметим главные достоинства книги. С точки зрения ее авторов, глобализация не создает униформистского эффекта. Глобализация вторгается в состояние общества, его безопасности, его идентичности. Книга не носит проамериканского или какого-то другого идеологического нажима. Она научная. Спокойная. Написанная с уважением к России и ее традициям. Она сохраняет при этом симпатии к тем достижениям Запада, на которые Россия может рав-

няться. В ней отражен «новый мир новых миров» (использую выражение Эдварда Тарикьяна).

Вместе с тем книга написана до кризиса, при президентах Джордже Буше-младшем и Владимире Путине. Антиглобализационная по сути политика Буша не нашла в ней особого отражения. Мир изменился быстрее, чем была издана эта книга. На мой взгляд, это предпосылка для продолжения данной темы в серийном издании. Мне кажется, что всем авторам этой работы уже есть что сказать нового.

Валентина Федотова,
*доктор философских наук, профессор,
академик Российской академии
естественных наук,
заведующая сектором социальной
философии Института философии РАН*

Вышли из печати

По мере все большего забвения единого для всех «Краткого курса истории ВКП(б)» историки, работающие на постсоветском пространстве, отваживаются на различные интерпретации прошлого своего народа. Новые истории уже вышли на первый план межгосударственных отношений, например России и Украины. Государство постепенно возвращает себе контроль над содержанием школьных учебников в России. Однако есть область, в которой продолжается «живое творчество». Это историография российских регионов. Каждая республика, край или область Российской Федерации на протяжении вот уже двух десятилетий пытается построить собственную идентичность. Это связано как с политической повесткой дня местных элит, так и с задачами патриотического воспитания, школьного преподавания и, наконец, развития туризма.

Материалы семинара «История края как поле конструирования региональной идентичности», проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона 11 апреля 2008 года, включают статьи ученых из Волгограда, Москвы, Астрахани, Ростова-на-Дону, Краснодара и Елисты. Авторы анализируют, каким образом пишутся учебники

История края как поле конструирования региональной идентичности.

Материалы семинара.

Под ред. И.И. Куриллы.

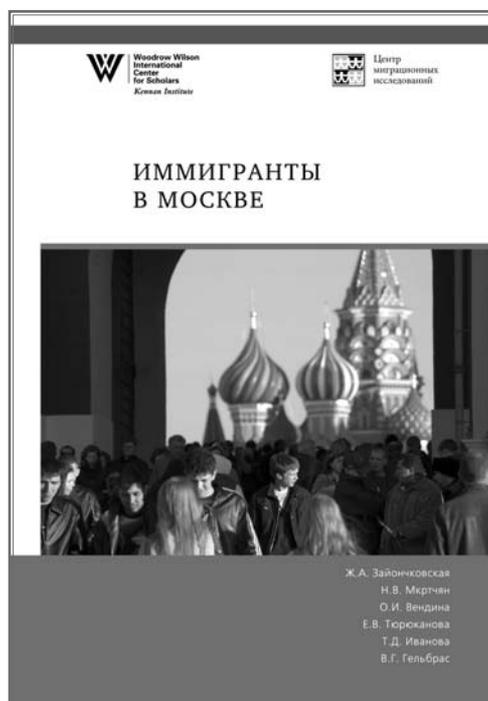
Волгоград: Издательство ВолГУ, 2008. 120 с.

истории края, как эта местная история изучается и преподается в различных регионах России.

Издание можно получить в московском офисе Института Кеннана.

Э то издание является итогом исследовательского проекта Института Кеннана «Социально-экономическая жизнь и культурный ландшафт Москвы под влиянием этнических миграций», выполненного Центром миграционных исследований под руководством Жанны Зайончковской.

В книге в контексте постсоветских трансформаций показана роль миграции в формировании населения Москвы; анализируется современная миграционная политика города; рассматривается проблема интеграции этнических мигрантов в городской социум; представлен, в том числе на картах, этнический ландшафт Москвы; освещается положение мигрантов на рынке труда столицы; характеризуется уровень толерантности москвичей по отношению к мигрантам. Особо рассмотрены три новые для Москвы группы мигрантов – таджики, афганцы и китайцы. Книга в целом акцентирована на положительных эффектах миграции.

Иммигранты в Москве.
Под ред. Ж.А. Зайончковской.
М.: Три квадрата, 2009. 272 с.

Издание можно приобрести в книжных магазинах
или заказать по адресу:

Москва 125319, ул. Усиевича 9, Издательство «Три квадрата»
Тел./факс: 8 (499) 151-1833
Эл. почта: info@triquadrata.ru

Summaries

Victor Supyan

Crisis in the USA: Economic Context

The author describes the characteristic features of the financial and economic crisis in the USA. Despite its atypical beginning (in the mortgage sector), it subsequently acquired the features typical of a classical cyclical crisis, including problems in the financial sector and stock markets, declining production, rising unemployment, and a reduction in consumption. At the same time, certain aspects of the current crisis make it unusual and some of these unique traits require deeper analysis. These include, in particular, the role of various financial tools, the degree to which the crisis has become a global problem, as well as serious errors on the part of governmental bodies in the areas of macroeconomic, financial, and foreign policy.

The article contains a detailed review of the causes of the crisis and of US government policy aimed at overcoming its negative effects. According to the author, it is unlikely that even the current considerable strengthening of the role of the state and state expenditures in economics will shatter the fundamental principles of the American economic model. These principles are too deeply rooted in American society, culture and psychology. Only time will tell, however, whether this model can cope with new economic challenges.

Aleksei Alekseev

Money Disappears, With No Promise to Return

The author considers the basic causes of the present global financial crisis, the inevitability of its emergence in the global economy, and the specific course it has followed in developed and developing countries.

General outcomes are formulated for Russia, the most important of which states that until Russia actually, not just nominally, focuses on creating an independent, strong, globally integrated economy (versus one oriented on the export of natural resources purchased for unpredicted prices), it will, like other developing countries, continue to try and minimize its risks by financing the more developed economies.

Aleksandr Bulatov

Economic Crisis in the USA and Russia: Similarities and Differences

The article analyzes the causes of the crisis in the USA and Russia and their anti-crisis policies. The author notes that, despite similarities in the two countries' efforts to actively support their banks, major differences exist between their respective anti-crisis policies in other areas. The US administration is especially supportive of consumer demand, which accounts for the largest part of demand in the USA. In Russia, by contrast, the authorities

provide support first and foremost to large-scale business, and to the lower economic strata of society. In essence, the author concludes, we are dealing with two behavioral types of different national socioeconomic models – liberal capitalism in the USA and state capitalism in Russia.

Vladimer Papava

Zombification of the Post-Communist Necroeconomy

Among the numerous problems caused by the current global financial crisis, one can single out attacks on the economy by zombie-firms on a global scale. Several recent publications have been devoted to this new sphere of economics, known as “zombie-nomics”. Zombification of the economy creates additional threats for post-Communist states, which for the most part still lag behind Western market economic models. The author’s goal is to set out the main reasons why post-Communist countries might suffer more from the consequences of zombification of their economies than developed countries. The author suggests some measures that are essential for the first group of countries, especially during the post-crisis period.

Fedor Shelov-Kovedyaev

The Lessons of Starovoitova

Ten years have passed since the murder of Galina Starovoitova – an outstanding Russian politician and scholar. The author invites readers to evaluate some key realities of present-day life in Russia, and to think about what is required of people eager to continue remembering this remarkable person. It is time to stop being timid and to start telling people and the authorities the truth, for the sake of which Galina Starovoitova sacrificed her life.

Andrei Makarychev

Foucault, Ranciere and Russian Federalism

The author suggests viewing Russian federalism through the prism of relatively new theories, linked primarily with post-structuralist approaches. He considers “technological” and “political” models of power relations (these being the basic elements of traditional French political philosophy) and uses them when analyzing the state of Russian federalism.

The author concludes that political relations between the federal center and regions can develop only if the central authority recognizes the legitimacy of other political subjects, including those at the sub-national level. The author assumes that the federal center has its own scheme for partial and limited decentralization, which can be called “managed regionalism”, though so far all steps in this direction have been taken very cautiously. In other words, Moscow realizes the need to take advantage of the country’s regional diversity, but lacks a clear plan for how to do this without prejudicing “sovereign democracy”.

Klara Hallik

Integration of Estonian Society

The article deals with the integration of the Russian-speaking minority into Estonian society. The ethno-political model chosen in Estonia in the 1990s is defined as a regime of ethnic control, which led to a monopoly of ethnic Estonians in the political elites and public administration. Studying ethno-political directives leads the author to conclude

that in present-day Estonian society one can detect a weakening of the ethno-cultural approach towards nation building. This creates more favorable prerequisites for the development of an inclusive democracy, and promotes participation of all people in political life to the fullest extent, irrespective of nationality or native language.

The ideological platform of the second integration program for the years 2008-2013 focuses on such categories as equal treatment, participation, and inclusion, the formation of a common civil identity, and recognition of the value of the multicultural character of Estonian society. According to the author, integration can become an all-national project only after certain changes in public opinion, a weakening of negative stereotypes, and wide support from both Estonians and other national groups.

Aleksandr Sungurov

Institutionalization of Human Rights in Russia: Steps Forward and Back

The author considers two aspects of the institutionalization of human rights in Russia: (1) incorporation of human rights into the normative base of the state, and penetration of this concept from the sphere of natural law into that of positive law; (2) inclusion of the concept of human rights in the public discourse (which should involve not only the original adherents of the concept, but also as wide a variety as possible of other groups), and acceptance of this concept of human rights by the majority of people.

Anatoly Krasikov

Religion in Present-Day Russia

The author asserts that the past twenty years (1988–2008) in Russia will be regarded as a time of emergence, development, and then gradual restriction of the freedom to choose one's individual outlook. This period clearly falls into two stages, separated by the military conflict in the North Caucasus. During the first stage, for the first time in national history, the Constitution proclaimed the rights and freedoms of the people, including freedom of conscience, to be fundamental human values; it was declared that no ideology could be accorded state or mandatory status.

The second stage was marked by attacks on freedom of conscience, creeping clericalization of the state, and increasing proximity between the State and the dominant Russian Orthodox Church. At the same time, other religious associations experienced considerable limitations, and the State and Russian Orthodox Church actively interfered in their lives. It should be noted that there is no unity within the Russian Orthodox Church itself. There are two movements, which the author identifies as peaceful/universalistic and militaristic/national-imperial. The article includes a description of recent events and new tendencies in the Russian Orthodox Church connected with the election of the new All-Russian Patriarch.

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

*Предполагаемые темы шестнадцатого выпуска
«Вестника» (осень 2009):*

- **Поиск наиболее безболезненных способов выхода из кризиса**
- **Культурные особенности и идентичности, влияющие на протекание глобализационных процессов в мире и конкретных глокальностях**
- **Состояние общественных процессов и гражданского общества в России**
 - **Россия и Америка: к пониманию друг друга**

*Редакция будет признательна авторам,
которые пришлют статьи по этой проблематике
до 1 сентября 2009 года.*

По этим темам принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. Шахов М.О. Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. Hamilton G.H. The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; Brumfield W.C. Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 15 / 2009

Адрес редакции: Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции: 123001, Москва, а/я 90
Тел./факс: (495) 232-34-96 Электронный адрес: kennan.moscow@gmail.com

Сдано в набор 15.05.2009 Подписано в печать 19.05.2009 Формат 80x100/18 Объем 10,85 усл. п. л.

Тираж 750 экз. Печать офсетная Заказ № 2463-ГЗ

Отпечатано в типографии «Инсайт Полиграфик»

Мичуринский проспект 1, офис 104-Б

Эл. почта: info@insight.ru